ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 1 (94)
Гуманитарные науки

2016

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины
ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 1/87 от 18.11.2013 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор А.В. РОГАЧЁВ, д-р хим. наук, профессор, член-корр. НАН Беларуси
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО, д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН, д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф., чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабынцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
О.А. Макушников, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша), д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246019, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Scorina Gomel State University
PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus
(registration certificate
number 1/87 dated 18.11.2013)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific electronic library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief A.V. Rogachev, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO, Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN, Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
O.A. Makushnikov, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland), Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246019, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 60-73-82
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, 2016
© Proceedings of the F. Scorina Gomel State University, 2016

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2016, № 1 (94) •
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Барсук А.Я. *Палеміка М. Сматрыцкага як вызначэнне канфесійных супярэчнасцей у Рэчы Паспалітай* 5
Горны А.С., Ільін А.Л. *Пінскі аддзел Беларускага кааператыўнага банка ў Вільні (1926–1932 гг.): утварэнне і дзейнасць* 10
Жихарев С.Б. *Железнодорожное строительство в деятельности стародубского земства в 80-е гг. XIX в.* 16
Костенко А.В. *Научное комплектование археологических фондов Херсонского музея: штрихи к интеллектуальной биографии В.И. Гошкевича* 23
Кохановский А.Г. *Этнокультурная эмансипация белорусов на стыке эпох и культур (вторая половина XIX – начало XX вв.)* 30
Селицкий В.С. *Государственно-политическое управление в начале Великой Отечественной войны на Гомельщине* 37
Худаир Дахам Али. *Партия национального единства Ирака: идеология и внутренний Устав* . 43

Филология

Кірушкіна М.І. *Сучасная жаночая паэзія Гомельшчыны* 49
Красник А.В. *Сходства и отличия в структуре семантического и ассоциативного метеополей* 54
Ничипорчик Е.В. *Функциональная связь оценки с элементами структуры ценностных ориентаций (на материале паремий)* 59
Новік Г.Ю. *Дыферэнцыяльныя адметнасці аўтабіяграфічнай і дакументальна-мастацкай прозы* 65
Паўлавец А.Д., Паўлавец Д.Д. *Лёс: слова і канцэпт (спроба лінгвакультуралагічнага аналізу)* 69
Скоробогатая Т.И. *Словообразовательный потенциал глаголов физического воздействия в составе фазовых деривационных парадигм (на материале русского и немецкого языков)* ... 75
Станкевіч А.А. *Антанімічныя карэляцыі і іх экспрэсіўная роля ў публіцыстычным дыскурсе* 81
Старокожева В.Ю. *Концепт «любовь» в произведениях современных белорусских и американских поэтов* 86

Суколен А.Г. *Исследование коннотативного компонента лексической семантики в российской и китайской лингвистике* 90
Хазанава К.Л. *Лексіка-тэматычная разнастайнасць каляндарных песень Гомельска-Бранскага пагранічча* 94
Храбан Т.Е. *Игровой аспект интернет-коммуникации* 99

ФИЛОСОФИЯ

Борецкая В.К. *Идея религиозно-политического дуализма в социальном учении католичества* 105
Калмыков В.Н. *Роль народа, личности и элиты в истории* 112
Качур Е.Л. *Современная семья в фокусе философско-антропологических исследований.* 117
Кузев В.В. *Развитие учения о посмертном воздаянии в японском буддизме* 122
Лисовский П.Н. *Философия риска в феноменальных рецепциях мудрости* 128
Цацарин В.В. *Типы объяснения, используемые в исторических работах Н.И. Ермоловича и А.К. Кравцевича* 132

Ministry of Education of Republic of Belarus
Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2016, № 1 (94) •
HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

A.Y. Barsuk. *Controversy of M. Smotritsky as the definition of religious contradictions in the Polish-Lithuanian Commonwealth* 5
A.S. Gorny, A.L. Ilyin. *Pinsk department of the Belarusian Cooperative Bank in Vilnius (1926-1932): establishment and activities* 10
S.B. Zhikharev. *Railway construction in the activities of Starodub zemstvo in the 80s of the XIX century* 16
A.V. Kostenko. *The scientific foundations of Kherson acquisition archaeological museum: the finishing touches to the intellectual biography of V.I. Goshkevich* 23
A.G. Kochanowsky. *Ethnocultural emancipation of Belarusians at the junction of eras and cultures (second half of XIX – early XX centuries)* 30
V.S. Selitsky. *Public-political management at the beginning of the Great Patriotic War in the Gomel region* 37
Hudair Daham Ali. *National Unity Party in Iraq: the ideology and the internal Statute* 43

PHILOLOGY

M.I. Kirushkina. *Modern feminine poetry of Gomel region* 49
A.V. Krasnik. *Similarities and differences in the structure of semantic and associative meteofields* 54
E.V. Nichiporchik. *Functional connection of the evaluation with the elements of the structure of value orientations (based on proverbs)* 59
G.Y. Novik. *Differential features of the autobiographical documentary and fiction* 65
A.D. Paulavets, D.D. Paulavets. *The fate: the word and concept (attempt of lingvocultural analysis)* 69
T.I. Skorobogataya. *Derivational potential of the verbs of physical impact in the structure of phase derivational paradigms (on materials of the Russian and German languages)* 75
A.A. Stankevich. *Antonymic correlation and its expressive role in the journalistic discourse* 81
V.Y. Starokozheva. *The notion of «love» in the works of modern Belarusian and American poets* 86
A.G. Sukolen. *The research of the connotative component of lexical semantics in the Russian and Chinese linguistics* 90
K.L. Hazanava. *Lexical and thematic variety of calendar songs of Gomel-Bryansk borderland* 94
T.E. Hraban. *The gaming aspect of online communication* 99

PHILOSOPHY

V.K. Boretskaya. *The idea of religious and political dualism in the social teachings of Catholicism* 105
V.N. Kalmykov. *The role of people, personality and elites in history* 112

E.L. Kachur. *Modern family in the focus of philosophical and anthropological research*..... 117
V.V. Kuzev. *The development of the doctrine of posthumous retribution in Japanese Buddhism*... 122
P.N. Lisowsky. *Philosophy of risk in the phenomenal reception of wisdom* 128
V.V. Tsatsarin. *Types of explanation used in historical works of N.I. Yermolovich and A.K. Kravtsevich*..... 132

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

История

УДК 930(476+477):282

Палеміка М. Сматрыцкага як вызначэнне канфесійных супярэчнасцей у Рэчы Паспалітай

А.Я. Барсук

М. Сматрыцкі адлюстроўвае ўмовы міжканфесійнай барацьбы, вызначае грамадскія і сацыяльна-палітычныя супярэчнасці ў Рэчы Паспалітай і магчымыя шляхі іх вырашэння. Яго творчасць падзяляецца на праваслаўны і уніяцкі перыяды. М. Сматрыцкі спачатку абараняе старажытныя прывілеі праваслаўных і свабоду веравызнання як шлях захавання сацыяльнай стабільнасці і дзяржаўнай незалежнасці. М. Сматрыцкі-ўніят – прыхільнік ідэі царкоўнай еднасці і аўтакефаліі ўніяцкай царквы, вызначэння паўнамоцтваў улады.
Ключавыя словы: рэлігійна-палемічная літаратура, М. Сматрыцкі, праваслаўе, уніяцтва, канфесійныя супярэчнасці.

The works of M. Smotritsky are considered. M. Smotritsky shows conditions of interfaith opposition, defines public and socio-political contradictions in the Polish-Lithuanian Commonwealth and possible ways of their decision. His creative work is divided into the orthodox and Uniate periods. M. Smotritsky at first supports birth rights of Orthodox Christians and freedom of religion as a way of preserving social stability and state independence. As a Uniate, M. Smotritsky supports the idea of church unity and autocephaly of Uniate church and that of defining authority of power.
Keywords: religious polemical literature, M. Smotritsky, Orthodoxy, Uniate Church, religious contradictions.

Міжканфесійнае супрацьстаянне ў Рэчы Паспалітай знайшло адлюстраванне ў рэлігійнай палеміцы, якая разгарнулася ў Рэчы Паспалітай у сувязі з Рэфармацыяй, Контррэфармацыяй і пашырэннем уніяцтва. Палемічныя творы дазваляюць вызначыць як багаслоўскія і ідэалагічныя спрэчкі, царкоўна-рэлігійныя супярэчнасці каталікоў, пратэстантаў, праваслаўных і ўніятаў, так і акрэсліць не толькі гістарычныя ўмовы прыняцця міжканфесійнай уніі, вынікі рэалізацыі рашэнняў Берасцейскага царкоўнага Сабора, але і паказаць сацыяльна-палітычныя і нацыянальныя вытокі канфесійных сурярэчнасцей. Аўтары разглядалі тэалагічныя праблемы ў сувязі з палітычнымі, сацыяльнымі і гнасеалагічнымі праблемамі. Даследаванне рэлігійнай палемікі дазваляе вызначыць асноўныя грамадскія і сацыяльна-палітычныя супярэчнасці ў дзяржаве.

У пачатку XVII ст. найбольшыя памеры набывае публіцыстыка прыхільнікаў і праціўнікаў уніяцтва. Вядучае месца сярод палемістаў займаў Мялецій Сматрыцкі, аўтар шматлікіх антыўніяцкіх і ўніяцкіх твораў, жыццё і дзейнасць якога таксама з'яўляецца адбіткам гістарычных абставін і грамадскіх супярэчнасцей у Рэчы Паспалітай.

Будучы вядомы публіцыст нарадзіўся на Украіне, вучыўся спачатку ў Астрожскай гімназіі, затым у Віленскай езуіцкай Акадэміі, наведваў лекцыі ў Нюрнбергскім, Лейпцыгскім і Вітэнбергскім універсітэтах. Пазней уступіў у Віленскае праваслаўнае брацтва, у 1617 г. стаў манахам Святадухава манастыра ў Вільні, у 1620 г. – архіепіскапам Полацкім, а ў 1628 г. з'явіліся яго ўніяцкія творы «Пратэстацыя» (1628), «Паранезіс» (1629), «Экзатэзіс» (1629) і інш.

М. Сматрыцкаму належыць выдатны помнік палемічнай літаратуры пачатку XVII ст. – «Трэнас (Фрынас), або Плач Усходняй царквы» (1610). Ён канстатаваў пад псеўданімам Тэафіл Арталог (Багалюб Златавуст) ад імя маці-царквы ў алегарычнай форме той факт, што ў выніку крызісу царквы і наступу Контррэфармацыі большасць радавітай беларускай і частка ўкраінскай магнатэрыі пакінула праваслаўе: «Дзе зараз той вельмі каштоўны каменьчык-карбункул, бліскучы, як свет, які насіў у сваёй кароне паміж іншымі перламі, як

сонца паміж зорамі, – дом князёў Астрожскіх, які вылучаўся сярод іншых бляскам святла сваёй старажытнай веры? Дзе і іншыя дарагія і вельмі каштоўныя каменні той самай кароны, слаўныя дамы рускіх князёў, неацэнныя сапфіры, надзвычай каштоўныя дыяменты: князі Слуцкія, Заслаўскія, Збаражскія, Вішнявецкія, Сангушкі, Чартарыйскія, Пронскія, Ружынскія, Саламярэцкія, Галаўчынскія, Крошынскія, Масальскія, Горскія, Сакалінскія, Лукомскія, Пузаны і іншыя многія… Дзе і другія вельмі каштоўныя мае скарбы, радавітыя, паўтараю, слаўныя, высакадумныя і даўно па ўсяму свету праслаўленыя добрай славай, магутнасцю і мужнасцю народа рускага дамы: Хадкевічаў, Глебавічаў, Кішак, Сапег, Дарагастайскіх, Войнаў, Валовічаў, Зяновічаў, Пацаў, Халецкіх, Тышкевічаў, Корсакаў, Храбтовічаў, Трызнаў, Гарнастайскіх, Бокіх, Мышкаў, Гойскіх, Сямашак, Гулевічаў, Ярмалінскіх, Чалганскіх, Каліноўскіх, Кірдзяяў, Загароўскіх, Мялешкаў, Богавіцінаў, Паўловічаў, Сасноўскіх, Скумных, Пацеяў і іншых» [1, с. 268–269].

Аўтар выступаў супраць вяршэнства папы рымскага, параўноўваў яго ўладу з турэцкай тыраніяй: «Турчын у свецкай палітыцы, а папеж у царкве Божай тыран. Турчын у Азіі толькі, а папеж усяго свету Кесарам над Кесарамі і Панам над Панамі быць хоча». Ён сцвярджаў, што зберагчы «душу вольную» лягчэй у турэцкай няволі, чым пад уладай папы. Менавіта гэты тэзіс быў падставай для абвінавачванняў праваслаўных у сувязях з Турцыяй і Масквой. П. Скарга ў творы «Перасцярога на Трэны і Лямант Тэафіла Арталога» адзначаў: «…асабліва цяпер, калі наш богабаязненны кароль ваюе з Масквой, …яна з-за чытання тых кніг будзе больш упартай, баючыся ўшчамлення свайго грэчаскага набажэнства» [2, с. 63].

«Плач усяленскай усходняй царквы» выклікаў вострую занепакоенасць кіроўных колаў: «Кожнае слова – ёсць жорсткая рана, кожная думка – смяротная атрута для уніі і папства, а таму не адны схізматыкі, але і ерэтыкі-пратэстанты з радасцю набывалі і перачытвалі гэтую кнігу. Іншыя захоўвалі яе нібы скарб і завяшчалі сваім дзецям як каштоўнейшую спадчыну; а з праваслаўнага духавенства некаторыя лічылі твор Сматрыцкага роўным з творам святых айцоў і гатовыя былі праліць за яго кроў» [2, с. 63]. Жыгімонт Ваза загадаў знішчыць тыраж выдання, друкарню зачыніць, а яе кіраўніка, Лявонція Карповіча, зняволіць.

Новая хваля палемікі распачалася з публікацыі Мялеціем Сматрыцкім 5 красавіка 1621 г. працы «Верыфікацыя нявіннасці» ў сувязі з аднаўленнем праваслаўнай мітраполіі і прызначэннем на пасады праваслаўных епіскапаў Канстанцінопальскім патрыярхам без дазволу караля Рэчы Паспалітай. Сутнасць палемікі акрэслівалі рознагалоссі ў вызначэнні права прызначэння праваслаўных іерархаў у Рэчы Паспалітай. На думку Полацкага архіепіскапа, «духоўны сан, згодна з царкоўным і свецкім правам, можа быць атрыманы толькі з рук Канстанцінопальскага патрыярха». Гэта пацвярджаецца Прывілеямі 1600, 1607 і 1609 гг., сеймавай Канстытуцыяй 1607 г. і трыбунальскімі дэкрэтамі 1605 і 1609 гг., царкоўнымі пастановамі: 6-м канонам Першага Сусветнага сабору, 2-м і 4-м канонамі Другога сабору, 8-м канонам Трэцяга сабору, 28-м канонам Чацвёртага сабору. М. Сматрыцкі распавядаў аб духоўным праве канстанцінопальскіх патрыярхаў на вялікакняжацкія землі, аб прыняцці русінамі хрысціянства з Усходу. «Што да Літвы, дык няма аніякага сумневу: напачатку Хрыстова вера была тут прынятая з Усходу. Першая жонка літоўскага князя Альгерда Ульяна (дачка віцебскага князя) і другая Марыя (дачка цвярскога князя) належалі да праваслаўнага веравызнання. Пад іх уплывам і Альгерд схіліўся да Праваслаўя. У Віцебску ён змураваў дзве багатыя бажніцы: адну ў Ніжнім замку, а другую за Ручаём. Дзяцей, якіх меў ад Ульяны і Марыі, Альгерд ахрысціў паводле праваслаўнага абраду». Сматрыцкі сцвярджаў, што ў Каталіцкім касцёле біскупы прызначаюцца без манархавай згоды. Гэты тэзіс і публікацыя некаторых лістоў караля Жыгімонта III Вазы і сенатара Станіслава Жалкоўскага, кароннага канцлера і гетмана, да Іерусалімскага патрыярха Феафана («таго грэчына – здрайцы»), а таксама абвінавачанні манарха ў парушэнні законаў сталі аб'ектам вострай крытыкі. Публікацыю ў «Верыфікацыі нявіннасці» Пратэстацыі Іова Барэцкага, дзе гучаў заклік да бунту, змагання са зброяй у руках «за веру бацькоў» і ўласныя заклікі М. Сматрыцкага да запарожскіх казакоў, людзей рыцарскага стану абараняць праваслаўе, апаненты расцанілі як «найвялікшае дзяржаўнае злачынства» [3].

У адказ на працу Сматрыцкага ўніяцкі мітрапаліт І. Вельямін-Руцкі выступіў з трактатам «Падвойная віна» (1621 г.). М. Сматрыцкі ў сваю чаргу неадкладна надрукаваў «Абарону Верыфікацыі» (1621 г.), дзе падкрэсліваў шкоднасць міжканфесійных канфліктаў, якія «спрычыняюцца да глыбокага заняпаду нашага славутага народа» [4]. І. Вельямін-Руцкі ў тым жа годзе выдаў «Экзамен Абароны» (1621 г.).

Супраць трактатаў Сматрыцкага выступілі аўтары «Ліста да законнікаў манастыра Святога Духа» браслаўскі стараста і вышэйшы пісар Януш Скумін-Тышкевіч, слонімскі падкаморы Мікалай Трызна, пан Адам Храптовіч, слонімскі харужы Юры Мялешка. Яны пагражалі публіцысту прыцягнуць яго да суда за абразу духоўных Айцоў уніяцкай царквы і шляхты, якая прымала ўніяцтва не для новых прывілеяў і не за веру, а за службу Айчыне. На іх думку, учынкі царкоўнікаў і шляхты «не належаць да тваёй дурной чарнецкай прэзумпцыі». Таксама абвінавачвалі Сматрыцкага і яго паплечнікаў у «празе духоўных сталіц», чым тлумачыцца «самачыннае» абвяшчэнне сябе духоўнымі пастырамі [5, с. 322].

У адказ на працу І. Вельяміна-Руцкага «Экзамен Абароны» ў 1622 г. у Вільні выйшаў твор «Апендыкс на Экзамен Абароны Верыфікацыі», у якім М. Сматрыцкі абараняў праваслаўную царкву ад націску ўніятаў: «Вы нашу святую, старажытную веру з грудзей вырываеце! Мандатамі, баніцыямі, інквізіцыямі, камісіямі ды дэкрэтамі задворнымі малога кола тэрарызуеце нас, няславіце і ганьбіце... Гвалтам пазбаўляеце нас права вольна здзяйсняць набажэнства, зачыняеце цэрквы, хапаеце прэсвітараў ды без усялякіх падстаў пазбаўляеце духоўных пасад». Пісьменнік вызначаў неабходнасць захавання юліянскага календара, падкрэсліваў правамоцнасць незалежных ад Рыма патрыярхаў і законнасць дзейнасці Віленскага праваслаўнага брацтва па заснаванні школ, шпіталяў і друкарняў [5, с. 321]. Працягам антыўніяцкіх настрояў М. Сматрыцкага стаў «Эленхус», дзе ён абвінавачваў уніятаў у распальванні сацыяльнай напружанасці – «нацкоўваюць падданых на паноў, а паноў на падданых» і «абвастраюць сэрцы ўсіх жыхароў Вялікага Княства», праваслаўныя вымушаны абараняцца і іх ваяўнічыя паводзіны тлумачацца абвінавачаннямі ў «здрадзе і схізме» [5, с. 323.]. Супраць яго негатыўных ацэнак уніяцтва выступіў у 1622 г. Анастасій Сялява ў творы «Антыэленхус».

У сваіх працах Мялецій Сматрыцкі палемізуе не толькі на багаслоўскія тэмы, але і абмяркоўвае філасофскія і грамадска-палітычныя пытанні. У гэтым сэнсе лепшымі ўзорамі публіцыстыкі Сматрыцкага-праваслаўнага лічацца «Юстыфікацыя нявіннасці» (адрасаваная Жыгімонту III Вазе і надрукаваная 6 снежня 1622 г.) і «Суплікацыя» (зварот да Сената і паслоў Вальнага сейма ў 1623 г.).

Так, у «Юстыфікацыі нявіннасці» М. Сматрыцкі сцвярджае, што адна з галоўных каштоўнасцей чалавека – свабода і ў тым ліку свабода выбару канфесійнай прыналежнасці: «Салодкая, вельмі салодкая Воля! Дзеля яе можна ахвяравацца не толькі маёмасцю, але і самім жыццём!.. Воля – гэта жыццё паводле агульнапрынятых законаў, а не паводле капрызаў валадароў», з-за чаго адбываецца нясправядлівасць – страта праваслаўнымі «адвечных правоў, свабод і вольнасцей» [6, с. 514]. Сваю думку мысліцель падмацоўвае цытатамі старажытнагрэчаскіх філосафаў – Дыягена, Плутарха і інш. Парушэнне законаў можа прывесці да разладу ў дзяржаве: «Дзе фундамент бурыцца, там і сцены мусяць упасці» [6, с. 523]. Праваслаўныя страцілі магчымасць мець сваіх духоўных пастыраў, таму пасвячэнне патрыярхам на духоўныя пасады адбылося без згоды манарха, але гэта нельга расцэньваць як абразу каралю, бо «патрыярх не меў ні ў думках, ні на сэрцы, каб нейкім чынам зняважыць Жыгімонтаву ўладу», і іерархі не шукалі карысці, а «дбалі пра вечныя рэчы» [6, с. 522].

У «Суплікацыі» парушэннем закону М. Сматрыцкі назваў абвінавачанні праваслаўнага святарства ў падбухторванні казацтва да супраціву і Іерусалімскага патрыярха Феафана ў дзейнасці на карысць турэцкіх улад, а таксама загад Жыгімонта III Вазы аб яго арышце. Заклікаў шляхту не парушаць закон і «працягнуць руку дапамогі пакрыўджаным і зганьбаваным» праваслаўным вернікам, якім ніколі не забаранялася мець сваіх іерархаў, падпарадкаваных Канстанцінопалю, а вялікія князі і каралі – Казімір, Ян Альбрэхт, Аляксандр, Жыгімонт I Стары, Жыгімонт II Аўгуст, Генрых Валуа і Стэфан Баторый – цанілі і адзначалі заслугі праваслаўных дзеячаў перад дзяржавай.

У пачатку 1620-х гг. склаліся новыя грамадска-палітычныя ўмовы: нарастанне сацыяльных супярэчнасцей і паглыбленне крызісу праваслаўнай царквы, наступ Контррэфармацыі, курс на замірэнне канфесій, рэформы ўніяцкай царквы І. Вельямін-Руцкім, і яго спробы схіліць да супрацоўніцтва вядучых дзеячаў праваслаўя, якія вызначылі прызнанне уніі часткай праваслаўнага святарства (Касіян Саковіч, К. Транквіліён-Стаўравецкі і інш.). Сярод іх быў і М. Сматрыцкі, які ў больш позніх сваіх творах – «Апалогіі» (1628 г.), «Аб шасці адрозненнях у вучэнні Усходняй і Заходняй цэркваў» (1628 г.) і «Катэхізісе» (каля 1628 г.) выклаў тэалагічныя асновы царкоўнай еднасці і пераконваў праваслаўных прыняць унію і адшукаць агульны мір.

М. Сматрыцкі пасля падарожжа па святых мясцінах Бліжняга Усходу, у тым ліку і ў Канстанцінопаль, ператварыўся ў абаронцу ўніі, паплечніка і сябра Вельяміна-Руцкага, падтрымаў яго ідэю стварэння ўласнай Патрыярхіі: «Каб яна была ўфундаваная ў нашых краях накшталт Маскоўскай, і мы не ехалі кожны раз некуды за дабраславеннем» і аб’ядноўвала хрысціянскіх вернікаў Вялікага Княства Літоўскага [6, с. 513–514]. 21 жніўня 1627 г. М. Сматрыцкі адкрыта заявіў аб сабе як уніят, калі звярнуўся з «Лістом да Канстанцінопальскага патрыярха», у якім заклікаў яго садзейнічаць аб'яднанню вернікаў усходняга абраду Вялікага Княства Літоўскага [7].

Пасля публікацый 1627–1629 гг. на М. Сматрыцкага абрынуліся шматлікія паклёпы і абвінавачанні ў здрадзе. Погляды Сматрыцкага ў гэты час амаль радыкальна змяніліся. Калі ў творах у абарону праваслаўя ён выступаў за мірнае суіснаванне канфесій і народаў у адной дзяржаве, даказваючы пераемнасць праваслаўнай культуры ад грэчаскай, то Сматрыцкі-ўніят лічыў, што неабходна накіраваць праваслаўных на шлях сілай: «Язвы нашага народа такой уласцівасці, што, калі не ўжывеш сіл жалеза для ачышчэння іх, ён ніколі не ачуняе і, распалены пякельным агнём, будзе з дня на дзень чэзнуць болей і болей і, нарэшце, зусім загіне» [8, с. 88]. Ён сцвярджаў, што міжканфесійная барацьба вядзе да разладу ў дзяржаве, аднак сродкі вырашэння гэтай праблемы для Сматрыцкага-праваслаўнага і Сматрыцкага-ўніята розныя. У першым выпадку ён выступаў за міжканфесійны мір шляхам гарантавання праваслаўным свабоды веравызнання, у другім – за адзіную царкву, для стварэння якой трэба прымяніць усе магчымыя сродкі, у тым ліку і прымусовыя.

У трактаце «Парэнезіс» М. Сматрыцкі даказваў, што праваслаўе – вера халопская, безнадзейная, а праваслаўная царква не мае добрай адукацыі і царкоўнага парадку. Падтрымаў праект стварэння аўтакефальнай уніяцкай царквы і ідэю царкоўнага адзінства, якую ён разглядаў як адзін з асноўных фактараў захавання самастойнасці дзяржавы. Удакладніў думку былых праціўнікаў, уніяцкіх палемістаў Л. Крэўзы і А. Сялявы, аб тым, што хрышчэнне Русі адбылося ў час адзінства Царквы, адпаведна царкоўнае адзінства з'яўляецца старажытным і гістарычна абумоўленым, а гісторыя Праваслаўнай царквы ў ВКЛ – імкненне да еднасці царквы. Першым этапам хрысціянізацыі, на думку Сматрыцкага, было хрышчэнне Русі Галіцкай у 872 г. патрыярхам Ігнаціем, які быў у адзінстве з Рымскім папам. Другі этап – хрышчэнне Русі Кіеўскай у 980 г. і ўзвядзенне на кіеўскі пасад мітрапаліта Іларыёна без санкцыі патрыярха. Першай спробай выйсці з-пад юрысдыкцыі Канстанцінопальскага патрыярха стала пасвячэнне мітрапаліта Клімента (1046 г.). Князь Вітаўт таксама імкнуўся да стварэння аўтакефаліі і з гэтай мэтай стварыў Кіеўскую мітраполію. Доказамі імкнення да уніі былі пасвячэнне папам Кіеўскага мітрапаліта Грыгорыя Балгарына (1458 г.), пасланне Кіеўскага мітрапаліта Місаіла Папе Сіксту IV (1476 г.), прызначэнне без згоды патрыярха мітрапалітам Макарыя (1595 г.). М. Сматрыцкі падкрэсліваў, што размова ідзе пра аб’яднанне канфесій, а не знішчэнне адной з іх [5, с. 274].

Такім чынам, багаслоўскія спрэчкі аб ісціннасці той ці іншай рэлігіі выйшлі за межы тэалогіі і прывялі да дыскусіі аб грамадзянскай выгодзе і праблемах міжнацыянальных зносін унутры адной дзяржавы, міждзяржаўных і ўнутрыдзяржаўных адносін, што знайшло адлюстраванне ў ідэі царкоўнай еднасці (ідэі монацаркоўнай дзяржавы, незалежнай ад знешніх абставін, у дадзеным выпадку – Маскоўскай дзяржавы і Турцыі), адпаведна ў абмеркаванні стварэння аўтакефальнай уніяцкай царквы, паўнамоцтваў царкоўнай і свецкай улады, суадносін паняццяў «суверэнітэт» і «нацыянальныя» традыцыі, грамадзянскае права і права народаў. Аднак паплечнікі Іосіф Вельямін-Руцкі і Мялецій Сматрыцкі глядзелі па-рознаму на прыкметы народнасці і адпаведна на дзяржаўнае будаўніцтва. На думку ўніяцкага мітрапаліта,

атрыбутамі народнасці з'яўляецца палітычная, этнічная, культурная і рэлігійная агульнасць для ліцвінаў. Ён меркаваў, што змена веравызнання не будзе хваравітая, таму што ўсе абрады і мова застануцца старымі, а ўнія – гэта вяртанне да «праўдзіва народнай рэлігіі» [10, с. 454–461].

У той жа час Сматрыцкі вызначаў у паняцці «народнасць» пераменную і нязменную часткі. Ён выкарыстоўваў паняцці «старое» (праваслаўныя традыцыі і звычаі народа, эстэтычныя і маральныя нормы, якія не адпавядаюць новым умовам жыцця і шкодзяць будучыні) і «новае» (пануючае становішча Каталіцкай і Уніяцкай царквы, замацаванае дзяржаўным правам, вера і культура якіх значна вышэйшыя, таму неабходна адмовіцца ад «старога» на карысць «новага». Дзяржава можа змяняць заканадаўства, уводзіць новыя правілы і змяняць звычкі народаў [5, с. 274], [11]. Разважанні пісьменніка выйшлі за рамкі канцэпцыі адзінства і набылі свецкі, дакладней, культурна-палітычны характар, паклалі пачатак сучасным ідэям экуменізму.

Такім чынам, палемічныя творы М. Сматрыцкага выходзяць за межы тэалагічных дыскусій, адлюстроўваюць умовы міжканфесійнай барацьбы ў Рэчы Паспалітай, вызначаюць грамадскія і сацыяльна-палітычныя супярэчнасці. Творчасць знакамітага палеміста падзяляецца на два перыяды: праваслаўны і уніяцкі. Да сярэдзіны 1620-х гг. галоўнай тэмай твораў пісьменніка было абгрунтаванне старажытнасці і ісціннасці праваслаўнай веры, неабходнасці захавання свабоды веравызнання і сацыяльнай стабільнасці, аднаўлення праваслаўнай іерархіі. М. Сматрыцкі-ўніят далучаецца да ідэі царкоўнай еднасці і монацаркоўнай дзяржавы, стварэння аўтакефальнай уніяцкай царквы, вызначэння паўнамоцтваў царкоўнай і свецкай улады як сродкаў вырашэння ўнутры-і знешнепалітычных праблем дзяржавы.

Літаратура

1. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / склад. А.Ф. Коршунаў; пераклад А.Ф. Коршунаў. – Мінск, 1959. – С. 268–269.

2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Ю. Бохан, В. Голубеў, У. Емельянчык [і інш.] ; рэдкал. : М. Касцюк [і інш.]. – Мн. : Экаперспектыва, 2004. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) – 344 с.

3. Смотрицкий, М. Verificatia niewinnosci / М. Смотрицкий // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 279–344.

4. Смотрицкий, М. Obrona Verificacey / М. Смотрицкий // Архив Юго-Западный России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 345–442.

5. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. у 6 т. ; Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / аўтары тома : В.Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал. тома : В.Б. Евароўскі [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2013. – 615 с.

6. Smotrzyski, M. Justificacia niewinności. Wilnia, 1622 / M. Smotrzyski // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов, состоящей при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе. – Киев, 1887. – Ч. 1, т. 7. – С. 511–532.

7. Смотрицкий, М. Письмо Патриарху К. Лукарису от 21.08.1627 г. / М. Смотрицкий // Кирилло-Мефодиевский сборник. – Leipzig; Paris, 1863. – Вып. 1.

8. Акты, относящіеся к исторіи Западной Россіи, собр. и изд. археогр. Коммиссіею: в 5 т. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1846–1853. – Т. 4 : 1588–1632. – 1851. – 574 с.

9. Смотрицкий, М. Апология моему странствованию на Восток. Сочинение Мелетия Смотрицкого, архиепископа полоцкого, епископа витебского и мстиславского, архимандрита виленского и дерманского / М. Смотрицкий // Кирилло-Мефодиевский сборник. – Leipzig; Paris, 1863. – Вып. 1. – С. i–lxi, 1–151.

10. «Sowita wina», сочинение, изданное латино-униатами в 1621 г. // Архив Юго-Западной России. – Киев : Лито-тип. Акц. Об. Н.Т. Корчак- Новицкого, 1887. – Ч. I, т. VII. – С. 443–510.

11. Smotrycki, M. Elenchus piśm uszczupliwych, przez zakonniki zgromadzenia Wileńskiego Św. Troyce wydanych (...) w Wilnie r. P. 1622 / M. Smotrycki // Архив Юго-Западной Россіи, издаваемый Временною коммиссіею для разбора древних актов: в 8 ч. – Кіев : Унив. тип., 1859–1914. – Т. 8., ч. 1, вып. 1 : Памятники литературной полемики православных с протестантами и латино-униатами в Югозападной Руси за XVI и XVII стол. – 1914. – С. 597–673.

Мозырский государственный педагогический
университет им. И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 25.09.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 94(476) 1926/1932

Пінскі аддзел Беларускага кааператыўнага банка ў Вільні (1926–1932 гг.): утварэнне і дзейнасць

А.С. Горны[1], А.Л. Ільін[2]

Разглядаецца дзейнасць пінскага аддзела Беларускага кааператыўнага банка ў 1926–1932 гг. На аснове малавывучаных дакументаў з архіваў Беларусі, Літвы і Польшчы, многія з якіх упершыню ўводзяцца ў навуковы зварот, раскрываюцца ўмовы ўзнікнення аддзела, яго фінансавая дзейнасць, кіруючая структура, характарызуецца ўплыў аддзела на грамадска-палітычнае жыццё Піншчыны. Аўтары прыходзяць да высновы аб значным уплыве пінскага аддзела банка на развіццё беларускага нацыянальнага руху ў Пінскім павеце ў міжваенны перыяд.
Ключавыя словы: Заходняя Беларусь, Пінск, кааператыўны банк, беларускі нацыянальны рух.

The activities of the Pinsk branch of the Belarusian Cooperative Bank in 1926–1932 are discussed. The conditions for the appearance of the branch, its financial performance and governance structure characterized by the impact of separation on the socio-political life of Pinsk are revealed. The authors use little-known documents from the archives of Belarus, Lithuania and Poland, many of which are first introduced into scientific circulation. The authors conclude that the Pinsk branch of the bank had a significant impact on the development of the Belarusian national movement in Pinsk region in the interwar period.
Keywords: Western Belarus, Pinsk, Cooperative Bank, Belarusian National Movement.

У міжваенны перыяд у Заходняй Беларусі ва ўмовах палітыкі паланізацыі польскімі ўладамі беларускага насельніцтва працягвалася арганізацыйнае развіццё беларускага нацыянальнага руху і станаўленне новых формаў палітычнай і сацыяльнай дзейнасці. Адной з такіх ініцыятыў беларускіх актывістаў у Заходняй Беларусі было стварэнне ўласнай фінансавай арганізацыі – Беларускага кааператыўнага банка ў Вільні (БКБ), які павінен быў незалежна ад польскіх фінансавых устаноў аказваць эканамічную дапамогу беларускаму насельніцтву і прыцягваць праз сваю дзейнасць новых прыхільнікаў для беларускага руху. Дадзеная фінансавая структура мела два сваіх філіялы ці аддзелы – у Глыбокім і ў Пінску, адным з эканамічных цэнтраў тагачаснага Палескага ваяводства. Гісторыя пінскага аддзела БКБ з'яўляецца маладаследаваннай старонкай беларускай нацыянальнай актыўнасці ў Палессі ў міжваенны перыяд.

У беларускай і замежнай гістарыяграфіі, працах краязнаўцаў праблема дзейнасці пінскага аддзела БКБ не стала аб'ектам асобнага даследавання. На сучасным этапе развіцця гістарычнай навукі гэтая тэматыка разглядалася толькі ў сувязі з вывучэннем дзейнасці Беларускага кааператыўнага банка на тэрыторыі Заходняй Беларусі. У прыватнасці ў артыкулах польскай даследчыцы К. Гамулкі і беларускага гісторыка А. Радзюка былі прадстаўлены агульныя звесткі аб існаванні ў Пінску аддзела БКБ, яго кіраўніках і колькасці членаў [1, s. 96–97], [2, с. 146–147]. Фрагментарна дзейнасць пінскага аддзела разглядалася ў артыкуле А. Ільіна, прысвечанаму развіццю банкаўскай сістэмы ў міжваенным Пінску [3]. Аднак выяўленне ў Цэнтральным дзяржаўным архіве Літвы значнай колькасці дакументаў Беларускага кааператыўнага банка, якія ўпершыню ўводзяцца ў навуковы зварот у дадзеным артыкуле, а таксама выкарыстанне іншых дакументаў з беларускіх і польскіх архіваў ствараюць магчымасць правядзення больш грунтоўнага даследавання адзначанай праблематыкі, раскрыцця раней малавядомых аспектаў дзейнасці пінскага аддзела БКБ.

Беларускія грамадскія і палітычныя дзеячы ўжо з 1921 г. рабілі захады па ўтварэнні ўласнай фінансавай установы ў Заходняй Беларусі, але па прычыне палітычных і эканамічных перашкод гэтая ідэя была рэалізавана толькі ў 1925 г. 14 лютага 1925 г. Віленскі акруговы суд зацвердзіў статут таварыства з абмежаванай адказнасцю «Беларускі кааператыўны банк у Вільні», сярод заснавальнікаў якога былі Ф. Ярэміч, А. Луцкевіч, В. Багдановіч, Б. Тарашкевіч, А. Уласаў, П. Мятла, А. Назарэўскі, Р. Астроўскі, С. Рак-Міхайлоўскі і інш. [2, с. 145], [4, с. 29–31]. Аднак арганізацыйная праца па ўтварэнні

кіраўнічай структуры банка і прыцягненні ўкладчыкаў расцягнулася амаль на восем месяцаў, таму БКБ пачаў працаваць толькі ў лістападзе 1925 г. Кіруючымі органамі таварыства былі ўправа, наглядальная рада і агульны сход сяброў банка. Першым старшынёй управы БКБ з'яўляўся Р. Астроўскі, наглядальнай рады – С. Рак-Міхайлоўскі [5, арк. 1]. Як падкрэслівае даследчык А. Радзюк, першапачаткова банк павінен быў быць агульнабеларускай фінансавай установай, якая б аб'ядноўвала дзеячоў розных палітычных арыентацый, аднак хутка ён трапіў пад кантроль Беларускай сялянска-работніцкай грамады [2, с. 146].

Паводле статута, мэтай таварыства было развіццё гаспадарчага дабрабыту яго членаў шляхам прыняцця ўкладаў і выдачы крэдытаў. Падчас уступлення ў БКБ кожны член павінен быў унесці пай у 50 злотых, з якіх 25 злотых уносіліся адразу, а астатнія 25 – на працягу года [6, арк. 7]. На 31 снежня 1925 г. налічвалася 38 сяброў банка, аднак у 1926 г. назіраўся іх значны рост, што было звязана, у першую чаргу, з арганізацыйным станаўленнем БСРГ і дзейнасцю яе агітатараў у правінцыі. Таму, паводле гадавой справаздачы на 1 студзеня 1927 г. у склад банка ўваходзілі ўжо 963 сябры, з якіх 874 – сяляне, 7 – уласнікі гандлёвых і прамысловых прадпрыемстваў, 7 – сельскія і прамысловыя работнікі, 64 – супрацоўнікі дзяржаўных і прыватных устаноў, 11 – прадстаўнікі іншых прафесій [5, арк. 1 адв., 4 адв.]. На канец 1927 г. баланс БКБ складаўся з сумы ў 45 242 злотых і 12 055 долараў ЗША [5, арк. 46]. Неабходна заўважыць, што польскія спецслужбы звязвалі эканамічны рост БКБ у гэты перыяд з фінансавай дапамогай дзеячам БСРГ і кіраўніцтву банка з боку Камінтэрна [7, с. 262]. Да гэтага часу не выяўлена канкрэтных дакументаў, якія б пацвярджалі дадзеную думку, аднак наяўнасць на рахунках Р. Астроўскага, С. Рак-Міхайлоўскага і іншых дзеячаў БСРГ значных грашовых сум у злотых і доларах ЗША ствараюць падставы для больш падрабязнага вывучэння версіі аб савецкай фінансавай дапозе беларускім арганізацыям у Заходняй Беларусі [5, арк. 10].

Як адзначалася ў першым параграфе статута БКБ, банк меў права ствараць свае рэгіянальныя аддзелы. У пачатку 1926 г. першы аддзел быў утвораны ў мястэчку Глыбокае [2, с. 146]. Пінск як месца размяшчэння другога аддзела БКБ быў абраны, верагодна, Р. Астроўскім, які ў пачатку 1920-х гг. пражываў у гэтым горадзе і меў пэўнае кола сваіх знаёмых. У студзені 1926 г. у Пінску ўжо дзейнічаў прадстаўнік БКБ Міхаіл Васілеўскі (1891 – пасля 1944), які займаўся справай грашовых пераводаў для атрымальнікаў з Піншчыны [8, арк. 2]. Ураджэнец Слуцкага павета, настаўнік паводле адукацыі, Васілеўскі падтрымліваў цесныя, нават сяброўскія стасункі з Астроўскім яшчэ з часоў іх сумеснай працы ў Слуцкай беларускай гімназіі і пінскім філіяле Польска-амерыканскага камітэта дапамогі дзецям у пачатку 1920-х гг., меў сталыя кантакты з кіраўніцтвам БСРГ, друкаваўся ў беларускіх газетах левай арыентацыі пад псеўданімам «Пінчук» [9, арк. 380], [10, арк. 5–6]. Кіраўніцтва банка ўскладвала вялікую надзею на адкрыццё свайго аддзялення менавіта ў Пінску, які на той час з'яўляўся адным з эканамічных і гандлёвых цэнтраў Палескага ваяводства. Так у лісце да Васілеўскага Р. Астроўскі, сярод іншага, адзначаў: «Ня трэба так пэсымістычна глядзець, бо банк разьвіваецца, а пінскі аддзел, маю надзею перашчагаляе ўсе [аддзелы]» [8, арк. 9 адв.]. Таксама не выключана, што беларускія дзеячы разлічвалі выкарыстаць пінскі аддзел як яшчэ адну пляцоўку для распаўсюджвання беларускай нацыянальнай свядомасці і палітычных ідэй БСРГ на Палессі, якое знаходзілася на перэферыі беларускага нацыянальнага руху.

Урачыстае адкрыццё пінскага аддзела БКБ адбылося 7 красавіка 1926 г. у памяшканні прасторнага аднапавярховага драўлянага дома на тагачаснай вуліцы Дамініканскай, 13, які здавала ў арэнду яго ўладальніца А. Пугачова, жыхарка вёскі Дабраслаўка Пінскага павета (будынак не захаваўся да нашага часу – А.Г., А.І.). Паводле карэспандэнцыі ў газеце «Беларуская справа» на ўрачыстасці «сабралося шмат народу – выключна сялян з недалёкаразмешчаных ад Пінска вёсак Пінкавіцкае, Ставэцкае і Жабчыцкае валасьцёў». З Вільні на адкрыццё аддзела прыбылі пасол польскага сейма П. Мятла і кіраўнік БКБ Р. Астроўскі. Яны азнаёмілі прысутных з дзейнасцю цэнтральнага аддзела банка ў Вільні, яго статутам, тымі фінансавымі аперацыямі, якія будзе праводзіць аддзел банка на Піншчыне. У прыватнасці Астроўскі падкрэсліў, што банк праз таннае крэдытаванне будзе спрыяць сялянам, якія аднаўляюць сваю гаспадарку пасля ваеннага разбурэння [11]. На

мерапрыемстве прысутнічалі таксама першыя 25 членаў пінскага аддзела, прынятыя яшчэ праз цэнтральны віленскі аддзел. Цікава, што для новапрынятых членаў пінскага аддзела пасля адкрыцця быў арганізаваны ўрачысты раўт [8, арк. 9 адв.].

Мясцовая беларуская інтэлігенцыя, дзеячы БСРГ і іншых беларускіх і польскіх леварадыкальных арганізацый праводзілі шырокую агітацыю ў Пінскім павеце, заклікаючы сялян далучацца да працы пінскага аддзела БКБ. У гэтым кірунку, акрамя ўласна М. Васілеўскага, найбольш актыўна дзейнічалі М. Ключановіч, Ю. Кротаў, член мясцовай ячэйкі Камуністычнай партыі Заходняй Беларусі Д. Палякоў-Галайда, старшыня пінскага аддзела Незалежнай сялянскай партыі М. Машчук і інш. [12, арк. 84, 170]. Дзякуючы іх дзейнасці, ўжо ў маі 1926 г. пінскі аддзел меў у сваім складзе, паводле М. Васілеўскага, каля 300 сяброў [13]. Аднак Пінскае староства ў сваёй справаздачы за май таго ж года падавала лічбу ў два разы менш – каля 145 зарэгістраваных членаў [12, арк. 170]. Разам з тым, мясцовая ўлада падкрэслівала, што пасля адкрыцця пінскі аддзел пачаў інтэнсіўна развівацца, а колькасць яго кліентаў значна павялічвалася. На люты 1930 г. аддзел банка налічваў 423 сябры, большасць з якіх складалі сяляне з Пінскага павета [14, арк. 103].

У крыніцах мясцовай польскай адміністрацыі і гістарыяграфіі сустракаюцца сведчанні аб тым, што пінскі аддзел абслугоўваў выключна сваіх зарэгістраваных членаў альбо сяброў БСРГ [2, с. 146], [15, s. 111]. Так, напрыклад, Палескае ваяводскае ўпраўленне ў адной са сваіх справаздач за 1926 г. паведамляла, што кіраўнік аддзела Васілеўскі выдаваў пазыкі «толькі тым, хто прадаставіць партыйны білет» [12, арк. 13]. Дадзенае меркаванне, аднак, не адпавядала рэчаіснасці. У Пінскім павеце арганізацыя мясцовых гурткоў БСРГ пачалася толькі ў чэрвені 1926 г., а найбольш актыўна – у жніўні і верасні, калі пінскі аддзел ужо меў значную лічбу сваіх членаў. Кліентам банка мог быць любы жадаючы, але асобы, якія падавалі дэкларацыі на ўступленне ў лік сяброў банка, мелі пэўныя льготы, напрыклад, маглі атрымаць крэдыт на большую суму і працяглы тэрмін. Кліенты, якія не з'яўляліся пайшчыкамі пінскага аддзела мелі права атрымаць пазыку ў банку, аднак на кароткі тэрмін і абавязкова пад заклад каштоўных рэчаў [8, арк. 16]. Напрыклад, адным з такіх кліентаў у жніўні 1926 г. з'яўляўся вядомы беларускі мастак Я. Драздовіч [8, арк. 39].

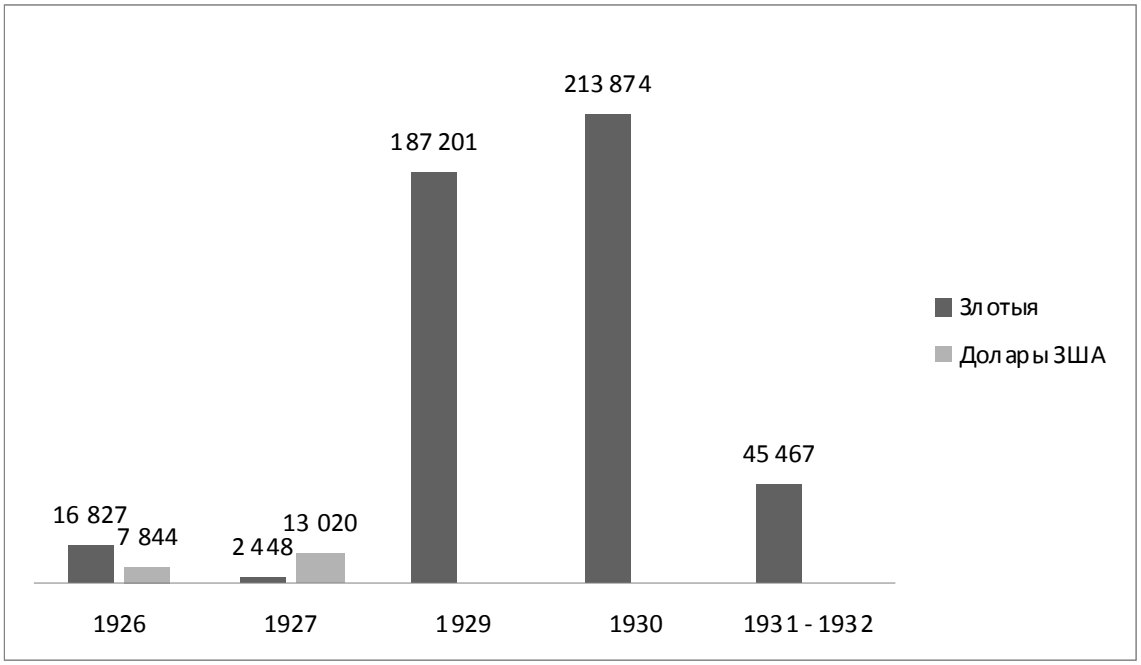
Трэба, аднак, прызнаць, што БСРГ і, у некаторай ступені, КПЗБ аказвалі пэўны ўплыў на пінскі аддзел БКБ, прынамсі ў 1926–1927 гг. Дадзеная акалічнасць дазваляла польскім уладам у гэты перыяд разглядаць дзейнасць аддзела выключна ў прывязцы да дзейнасці мясцовых леварадыкальных груп, што адлюстравана ў дакументах польскай адміністрацыі [10, арк. 1 адв.], [12, арк. 170], [15, s. 118]. Паказальна, што некаторыя пайшчыкі пінскага аддзела, якія нават не праяўлялі ніякай актыўнасці ў грамадска-палітычным жыцці, знаходзіліся пад наглядам паліцыі. Напрыклад, у чэрвені 1927 г. кіраўнік аддзела паведамляў цэнтральнаму кіраўніцтву ў Вільні: «1 чэрвеня гэтага году сябра Банку Марка Саўчончык з вёскі Завідчыцы Хойненскай вол[асці] заявіў, што хойненскі камендант паліцыі Сенкевіч некулькі разоў прымушаў яго выпісацца з ліку сяброў Беларускага Банку, пагражаючы трохмесячнай адсіткай у турме» [16, арк. 110–110 адв.].

Першапачаткова штат супрацоўнікаў пінскага аддзела БКБ складаўся ўсяго з аднаго чалавека – кіраўніка аддзела ці «ўпаўнаважанага цэнтральнага банка». У 1926–1927 гг. гэтую пасаду займаў, як ўжо адзначалася вышэй, М. Васілеўскі, які атрымліваў штомесячны заробак у 100 злотых [8, арк. 22]. Пасля шматлікіх просьбаў Васілеўскага, у жніўні 1926 г. віленскае кіраўніцтва банка дазволіла пінскаму аддзелу прыняць на працу другога супрацоўніка – Міхаіла Ключановіча (1901–1938), які, паводле банкаўскай дакументацыі, займаў пасаду «канторшчыка» з аплатай у 50 злотых [5, арк. 4], [8, арк. 38]. Трэба адзначыць, што Ключановіч з'яўляўся вядомым беларускім актывістам і літаратарам у Пінску: у мінулым ён быў удзельнікам слуцкага паўстання 1920 г., у сярэдзіне 1920-х гг. актыўна ўдзельнічаў у арганізацыі гурткоў БСРГ на Піншчыне, стварыў у горадзе руска-беларускую грамадскую бібліятэку [17], [18]. Абодва супрацоўнікі аддзела ажыццяўлялі сваю дзейнасць фактычна да студзеня 1927 г. 5 студзеня Васілеўскі паведаміў у Вільню, што Пінскае староства загадала яму пакінуць абшар Палескага ваяводства па прычыне адсутнасці польскага грамадзянства. У сярэдзіне студзеня 1927 г., падчас ліквідацыі польскімі ўладамі БСРГ і арышту

яе кіраўніцтва, ён быў арыштаваны і па пастанове пракурора Пінскага акруговага суда заключаны ў віленскую турму Лукішкі. Аднак пасля правядзення следства Васілеўскага апраўдалі і вызвалілі з-пад варты; у 1928 г. ён вярнуўся у Пінск, але ўжо не працаваў на пасадзе кіраўніка аддзела, з'яўляючыся толькі яго звычайным сябрам [10, арк. 1–2], [16, арк. 66].

Разгром БСРГ меў пэўныя наступствы як для цэнтральнага віленскага аддзела БКБ, так і для аддзелаў у правінцыі. Былі арыштаваны ўсе члены кіраўнічай управы БКБ у Вільні, над пінскім і глыбоцкімі аддзеламі навісла пагроза канчатковага закрыцця [1, s. 97], [5, арк. 41]. Па прадпісанні Віленскага акруговага суда пінскі аддзел павінен быў прадаставіць па справе Грамады ў якасці рэчавых доказаў касавыя кнігі, вексельныя кнігі, спіс зарэгістраваных сяброў і іншыя дакументы [19, арк. 22]. Тым не менш, нягледзячы на цяжкую палітычную сітуацыю, колькасць кліентаў і сяброў аддзела не зменшылася, а наадварот узрастала. М. Ключановіч, які кіраваў справамі аддзела ў гэты перыяд, паведамляў у Вільню: «Штодзённа зварочваюцца ў Пінскі Аддзел многа кліентаў: адны – плаціць грошы, другія – пазычыць, а трэйція – запісацца. І ўсе чакаюць упаўнамочанага на Пінскі Аддзел» [16, арк. 65]. 22 лютага 1927 г. управа БКБ у Вільні прызначыла ў Пінск новага кіраўніка – Баляслава Антановіча (1877–?), які праз тры дні прыняў справы аддзела. Паводле паліцэйскіх данясенняў, Антановіч нарадзіўся ў маёнтку Грушаўка Ляхавіцкай воласці, да пераезду ў Пінск пражываў у Баранавічах, меў добрую маральную рэпутацыю [16, арк. 62], [20, арк. 97]. Ён кіраваў пінскім аддзелам да самага яго закрыцця ў 1932 г. М. Ключановіч працаваў у банку да 1 жніўня 1928 г., калі ў сувязі з агульным скарачэннем штату БКБ быў зволены з пасады «канторшчыка» [8, арк. 106].

Асноўная дзейнасць пінскага аддзела БКБ заключалася ў прадастаўленні сялянам і іншым кліентам пазык. Напрыклад, у 1927 г. крэдыты выдаваліся ў асноўным у доларах ЗША, пасля – выключна ў злотых [8, арк. 81]. На 1929 г. аддзел выдаваў сваім сябрам пазыкі на тры месяцы ў памеры 400 злотых пад 14 % гадавых з правам адтэрміноўкі выплаты яшчэ на тры месяцы [16, арк. 114], [20, арк. 97]. У асноўным сяляне звярталіся ў аддзел за пазыкамі перад значнымі сельскагаспадарчымі работамі – пасевам збожжа і інш. Банк таксама прымаў ад кліентаў тэрміновыя ўклады, аднак іх колькасць была невялікай, напрыклад у 1928 г. налічвалася ўсяго 2 рахункі на суму ў 572 долары ЗША [5, арк. 44]. Пінскі аддзел не займаўся крэдытаваннем беларускіх сельскагаспадарчых кааператываў, якія існавалі на тэрыторыі Пінскага павета [21, арк. 8].



Дыяграма 1 – Выдача крэдытаў насельніцтву пінскім аддзелам БКБ у злотых і доларах ЗША у 1926–1932 гг. Крыніца [5, арк. 4 адв., 44, 82, 102, 124].

Паводле сведчанняў польскіх уладаў, пасля разгому БСРГ пінскі аддзел пачынаў паступова прыходзіць у заняпад [15, s. 119]. Аднак аналіз дакументацыі БКБ дазваляе сцвярджаць, што аддзел банка ў Пінску ў гэты перыяд развіваўся і даволі паспяхова працаваў амаль да канца 1930 г. Аб гэтым сведчыць узрастанне сумы і колькасці крэдытаў, выдаваеных насельніцтву на працягу 1926–1930 гг. (дыяграма 1). У 1929 г. сальда касы аддзела прадстаўляла даволі значныя сумы ў злотых, на што звяртала ўвагу нават віленскае кіраўніцтва банка [8, арк. 143].

Неабходна адзначыць, што аддзел БКБ з'яўляўся адным з асяродкаў беларускасці ў Пінску і Пінскім павеце, значным каталізатарам нацыянальнай свядомасці мясцовых жыхароў. Уся ўнутраная і знешняя дакументацыя аддзела вялася выключна на беларускай мове. Праз дакументацыю аддзела можна прасачыць, як частка малапісьменных сялянаў пры звароце ў банк за пазыкай імкнулася аформіць сваю заяву на літаратурнай беларускай мове [22, арк. 1, 22, 34]. Аддзел быў месцам, дзе праходзілі адукацыйныя лекцыі для сялянства на тэму кааперацыі, якія арганізоўвалі вядомыя беларускія дзеячы [16, арк. 8]. У памяшканні аддзела часам ажыццяўляўся збор грашовых сродкаў для Таварыства беларускай школы (ТБШ) і іншых беларускіх культурна-асветніцкіх устаноў [23, арк. 1].

Фактычна з канца 1930 г. у працы пінскага аддзела пачалі праяўляцца крызісныя з'явы. Яны былі выкліканы як агульным станам развіцця цэнтральнага віленскага аддзела банка, так і мясцовымі ўмовамі эканамічнага жыцця. Галоўнай праблемай банка ў гэты перыяд стала вялікая колькасць даўжнікоў. Як сцвярджаў бухгалтар БКБ І. Біндзюк, банк па розных прычынах лаяльна адносіўся да даўжнікоў і не патрабаваў вяртання крэдытаў, таму фактычна 90 % капіталу было наўпрост раздадзена [2, с. 150]. З іншага боку ў Пінску ў гэты перыяд пачалі з'яўляцца польскія крэдытныя ўстановы – касы Стэфчыка, камунальныя касы ашчаднасці, якія прапаноўвалі сялянам лепшыя ўмовы крэдытавання [15, s. 119]. Па гэтых прычынах колькасць крэдытаў, выданых пінскім аддзелам значна зменшылася. Таму віленскае кіраўніцтва ў 1932 г. прыняло рашэнне зачыніць аддзел. На працягу некалькі месяцаў аддзел прымаў толькі выплаты па раней узяты пазыка. 31 сакавіка 1932 г. паводле пастановы сумеснага пасяджэння нагляднай рады і ўправы БКБ у Вільні пінскі аддзел банка быў ліквідаваны, а яго кіраўнік Б. Антановіч пераехаў у Вільню [5, арк. 124].

Такім чынам, у Пінску ў 1926–1932 гг. дзейнічаў філіял ці аддзел беларускай фінансавай установы ў Польшчы – Беларускага кааператыўнага банка. Асноўная дзейнасць аддзела заключалася ў прадастаўленні пазыкаў сельскаму насельніцтву Пінскага павета на льготных умовах. З 1926 па 1930 гг. паслугі банка карысталіся шырокім попытам сярод сялян. Знаходзячыся пэўны час пад уплывам БСРГ і іншых леварадыкальных груп, пінскі аддзел быў значным асяродкам беларускага нацыянальнага руху ў горадзе і рэгіёне. Можна сцвярджаць, што дадзеная ўстанова была найбольш жыццяздольнай сярод усіх беларускіх устаноў (гурткі БСРГ, ТБШ і беларускія кааператывы), якія існавалі на Піншчыне ў міжваенны перыяд.

Літаратура

1. Gomółka, K. Białoruskie instytucje życia gospodarczego w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka // Białoruskie zeszyty historyczne. – 1997. – T. 8. – S. 90–98.

2. Радюк, А.Л. Деятельность Белорусского кооперативного банка в Вильно в 1925–1938 гг. / А.Л. Радюк // Историческое пространство / Проблемы истории стран СНГ. – 2012. – С. 144–153.

3. Ильин, А.Л. Из истории банковского дела в Пинске в межвоенный период / А.Л. Ильин // Развитие банковского сектора экономики и совершенствование подготовки банковских специалистов : материалы Международной научно-методической конференции, Пинск, 13–15 октября 2004 г. / редкол. : С.Г. Голубев, О.В. Володько, Е.К. Нестеренко. – Пинск : ПГВБК Нац. банка РБ, 2004. – С. 139–142.

4. Статут Беларускага Коопэратыўнага Банку ў Вільні. – Вільня : Druk. Sp. Wytw., 1925. – 30 с.

5. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). – F. 375. – Ap. 1. – B. 17.

6. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Ф. 2031. – Воп. 5. – Спр. 536.

7. Кароткі нарыс беларускага пытаньня. – Мінск : Логвінаў, 2009. – 396 с.

8. LCVA. – F. 375. – Ap. 1. – B. 73.

9. Archiwum Akt Nowych. – Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie. – Sygn. 1062.
10. ДАБВ. – Ф. 1 – Воп. 2. – Спр. 2860.
11. Прысутны. Урачыстае адкрыцьцё Пінскага Аддзелу Беларускага Каапэратыўнага Банку ў Вільні / Прысутны // Беларуская справа. – 1926. – № 6. – С. 6.
12. ДАБВ. – Ф. 2003. – Воп. 2. – Спр. 535.
13. Пінчук. Пісьмо з Піншчыны / Пінчук // Беларуская справа. – 1926. – № 13. – С. 4.
14. LCVA. – F. 375. – Ap. 1. – B. 76.
15. Polesie w polityce rządów II Rzeczypospolitej. Dokumenty do dziejów Kresów Północno-Wschodnich II Rzeczypospolitej / wstęp, opracowanie naukowe W. Śleszyński, A. Jodzio. – Białystok, Kraków : Avalon, 2009. – 264 s.
16. LCVA. – F. 375. – Ap. 1. – B. 8.
17. Ёрш, С. Міхась Ключановіч – слуцкі паўстанец / С. Ёрш // Czasopis. – 2015. – № 1. – S. 34–37.
18. Ильин, А. «Шалаш поэтов» / А. Ильин // Гістарычная брама. – 2004. – № 1. – С. 59–62.
19. LCVA. – F. 375. – Ap. 1. – B. 75.
20. ДАБВ. – Ф. 2001. – Воп. 4. – Спр. 3809.
21. ДАБВ. – Ф. 1. – Воп. 9. – Спр. 47.
22. LCVA. – F. 375. – Ap. 1. – B. 74.
23. ДАБВ. – Ф. 2032. – Воп. 1. – Спр. 180.

[1]Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

[2]Полесский государственный университет

Поступила в редакцию 25.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 947.0”186”:625.1

Железнодорожное строительство в деятельности стародубского земства в 80-е гг. XIX в.

С.Б. Жихарев

Проанализировано участие земских учреждений Стародубского уезда в проектировании новых железных дорог в своем экономическом районе. Исследованы потенциальные возможности, строившейся в середине 80-х гг. XIX в. Гомель-Брянской железной дороги, оказать влияние на ускорение динамики модернизационных процессов в экономической жизни (торгово-промышленная сфера и предпринимательская деятельность) Добруша, Злынки, Новозыбкова и Стародуба. Автором показаны попытки стародубских земцев скорректировать некоторые стороны правительственной политики в сфере железнодорожного строительства и внести в официальные проекты постройки Гомель-Брянской железнодорожной линии собственное видение местных экономических интересов. Вместе с тем, узкое, а иногда и локальное понимание своей функциональной роли соседними со Стародубом земскими управами Черниговской и Орловской губерний создавало почву для коллизий и противоречий между уездными земствами.
Ключевые слова: земство, правительство, Стародубский уезд, модернизационные процессы, железная дорога, экономическое развитие, ходатайство, финансирование.

The participation of zemstvo institutions of Starodubsky uyezd in projection of new railroads in its economic region is analyzed. The capabilities of Gomel-Bryansk railroad being built in the middle of the 80s XIX to influence the modernization processes of dynamics acceleration in economic life (trade and industrial sphere and business) of Dobrush, Zlynka, Novozybkov and Starodub are investigated. The zemstvo of Starodub attempts to correct some aspects of general government policy in railroad building and bring in at official projects of Gomel-Bryansk railroad construction its own view of local economic interests are shown by the author. However, narrow and sometimes local understanding of the functional role of its neighbors with Starodub rural council Chernigov and Oryol provinces created the ground for conflicts and contradictions between the county zemstvos.
Keywords: zemstvo, government, Starodubski uyezd, modernization processes, railroad, economic development, petition, financing.

В 1864 г. в результате земской реформы в России появилась система местного всесословного самоуправления. Несмотря на то, что деятельность земств достаточно хорошо изучена, служила и служит предметом многочисленных и разносторонних исследований [1]. Тем не менее, их роль в истории экономического развития России и в первую очередь в железнодорожном строительстве заслуживает специального рассмотрения и анализа. Некоторым исключением на общем фоне служит работа современного российского исследователя Н.Г. Королевой [2]. В данной монографии в крайне небольшом по объему разделе, посвященном земской деятельности в дорожном деле, упоминается о попытках решения проблемы постройки местных подъездных железнодорожных веток и коррекции направления строящихся магистральных железных дорог отдельными земствами северного и восточного регионов Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (губернские и уездные земские собрания Вологодской, Вятской, Нижегородской и Уфимской губерний) [2, с. 124–125]. Полностью обошли своим вниманием обозначенную проблему и ученые, занимающиеся изучением различных аспектов истории железнодорожного транспорта [3].

В данной статье исследована деятельность земского собрания Стародубского уезда Черниговской губернии по развитию железнодорожного сообщения в своем районе. В течение целого ряда лет городское самоуправление и земство Стародубского уезда обращались в правительственные инстанции с просьбами о проведении железной дороги через город Стародуб – административный, судебный, финансовый и промышленный центр, насчитывавший 17000 человек населения. Со своей стороны органы местного общественного самоуправления предлагали содействие, главным из которых была бесплатная уступка земли под линию и строения железной до-

роги. Причинами этих ходатайств было «<…> наметившееся экономическое отставание северной части Черниговской губернии, промышленно развитой и густонаселенной, но фактически лишенной как естественных, так и железнодорожных путей сообщений» [4, л. 1].

Глубоко вникавший в проблемы своего уезда председатель Стародубского земского уездного собрания и предводитель местного дворянства П.И. Скоропадский скрупулезно собирал данные экономической статистики, позволяющие обосновать необходимость строительства Гомель-Брянской железной дороги через Стародуб и связанные с ним хозяйственные центры Черниговской губернии. Глава стародубского земства отмечал, что «<…> здесь есть местности промышленные и густонаселенные, но не имея речных удобных путей сообщения, и находясь вне железнодорожного района, они обречены на экономический застой и неминуемый упадок» [4, л. 1]. В принадлежащих перу Скоропадского записках [4], [5] последовательно проводится мысль о железных дорогах как важнейшем факторе, стимулирующем торгово-промышленный рост населенных пунктов через которые они проходят. Так, в ноябре 1883 г. он подготовил докладную записку правительству, в которой подверг критике результаты правительственных изысканий железной дороги Брянск-Гомель. По его мнению «линия от г. Гомеля к г. Брянску, прорезая почти всю северную часть Черниговской губернии, могла бы вполне удовлетворить нуждам края. Однако произведенные по этому направлению несколько лет назад казенные изыскания избрали направление линии по местности малонаселенной и вне промышленного района, пройдя на местечко Почеп и оставляя город Стародуб в 30 верстах в стороне и к тому же отделенным от линии железных дорог реками и большими болотистыми местностями» [4, л. 1]. На основе данных экономической статистики Скоропадский обосновывал целесообразность направления Гомель-Брянской железной дороги через Добруш, посад Злынка, города Новозыбков и Стародуб [5, л. 2 об.].

По прогнозам автора записки только одна писчебумажная фабрика в поселке Добруш, принадлежавшая князю Паскевичу, могла обеспечить Гомель-Брянскую железную дорогу 500 тыс. пудов разных грузов. В начале 80-х гг. XIX в. расположенная на реке Ипуть, фабрика представляла собой крупное вполне современное производство, оснащенное паровыми турбинами. В Гомеле находился ее вспомогательный бумажно-массный завод, который доставлял на предприятие ежегодно гужем до 300 пудов готовой массы. Кроме того, для производства бумаги требовалось большое количество различных химических компонентов и красителей. Одного только крахмала и хлористой извести прибывало в Добруш из-за границы около 35 тыс. пудов. В таких же объемах фабрика предъявляла спрос на горпиус, краски и кислоты. Из общего числа грузов, доставлявшихся на станцию Гомель Либаво-Роменской железной дороги, на долю Добрушской писчебумажной фабрики приходилось в среднем 350 тысяч пудов в год. Готовая продукция обычно отправлялась гужем до станции Зябровка Либаво-Роменской железной дороги. Количество отправляемой в Москву и Варшаву бумаги доходило до 75 тыс. пудов в год, а в Киев – 60 тысяч. Скоропадский был убежден, что при наличии удобного железнодорожного сообщения между Гомелем и Брянском, фабрика князя Паскевича, ежегодно наращивая объем производства, завоюет рынки сбыта для своей продукции к югу от Брянска [5, л. 2 об.].

Значительные перспективы в увеличении грузооборота Гомель-Брянской железной дороги представлял посад Злынка. Населенный старообрядцами и насчитывавший 5000 жителей посад славился своими каменщиками и плотниками, а 25 фабрик, специализировавшихся на изготовлении экипажей и телег, сбывали свои изделия в Черниговской, Могилевской, Орловской, Курской и Полтавской губерниях [6, л. 7]. В Злынке функционировало несколько спичечных фабрик и кожевенных заводов. Крупными центрами сахарного производства были расположенные возле посада Спиридоново, Буда и Корнилово предприятия по переработке сахарной свеклы. Здесь работали два сахарных завода, производившие ежегодно до 100 тыс. пудов сахарного песка [5, л. 3].

В Новозыбкове проживало более 12000 жителей. На плане правительственных изысканий Гомель-Брянской железной дороги одноименная с городом станция должна располагаться в 8 верстах от города возле деревни Внуковичи, принадлежавшей кн. Ливену [6, л. 8]. Городская Дума, заинтересованная в максимально близком расположении станции от города,

на состоявшемся 11 октября 1883 г. собрании, приняла постановление о безвозмездной передаче городской земли под станцию будущей железной дороги. Новозыбков, являясь средоточием хозяйственной активности всего уезда, обладал довольно значительным экономическим потенциалом. В городе находилось несколько крупных спичечных фабрик. Новозыбков был известен как крупный центр скотопромышленности. Здесь собирались крупные партии скота из Малороссийских и Новороссийских губерний, которые затем направлялись в Рославль, Брянск и даже в Санкт-Петербург. По данным на 1883 г. товарооборот Новозыбковского уезда составил 4 млн. 334 тыс. пудов [5, л. 3 об.].

Большое значение для экономики Новозыбковского уезда имели посады, населенные старообрядцами. Еще в период правления Петра I в местности к югу и юго-востоку от Новозыбкова переселялись раскольники, основавшие здесь свои слободы. Самыми крупными старообрядческими посадами в Новозыбковском и соседнем Стародубском уездах были Злынка, Климов, Лужки, Елионки, Воронок. Общая численность жителей в этих населенных пунктах в 80-е гг. XIX в. достигла 60 тыс. человек. Население посадов активно занималось торговым предпринимательством. Они скупали в украинских и новороссийских губерниях рабочий скот, щетину, коноплю, конопляное масло, пеньку, лен, гречневую крупу и мед и поставляли эти продукты в Санкт-Петербург, Ригу и частично в Одессу. Недалеко от старообрядческих посадов располагались многолюдные торговые местечки Семеновка и Новый Ропск.

Следующим населенным пунктом на железнодорожной линии Гомель-Брянск по проекту стародубских земцев должен был стать город Стародуб. В Стародубском уезде в конце XIX в. было 381 поселение. Самых крупных из них с количеством жителей более 1 тысячи человек насчитывалось 35 [7, с. 284–285]. Результаты коммерческой деятельности Стародуба в 1883 г. достигли 6 млн. пудов [6, л. 8 об.], [5, л. 4]. Несмотря на довольно значительные показатели торгово-промышленной деятельности г. Стародуба, внимательные современники, наблюдавшие за изменениями в хозяйственной жизни своего города, отмечали, что Стародуб в течение XIX в. постепенно утратил лидирующие позиции в украинской торговле [7, с. 295]. К началу XX в. большой объем торговых операций перешел в старообрядческие слободы Стародубья. Вполне возможно, что в условиях неблагоприятной для уездного центра ситуации земцы видели в постройке Гомель-Брянской железной дороги через Стародуб фактор, способный придать импульс экономической жизни города и таким образом повысить его конкурентоспособность. Тем более, если учесть тот факт, что недалеко находился уездный г. Гомель своими экономическими успехами в значительной степени обязанный железной дороге. Однако согласно правительственным изысканиям Гомель-Брянская железная дорога должна была пройти в 40 верстах в стороне от Стародуба.

Пунктом соединения Гомель-Брянской железной дороги с Орловско-Витебской магистралью рассматривалась полустанция Снежино [6, л. 8 об.]. По прогнозам Стародубской уездной земской управы Гомель-Брянская железная дорога в перспективе может иметь большое транзитное значение. Пересекая целый ряд промышленно развитых уездов Брянской, Орловской и Калужской губерний, она будет осуществлять перевозку продукции местных заводов и фабрик. Номенклатуру грузов железной дороги сформируют такие группы товаров, как стекло и стеклянные изделия, фаянс, железо, сталь, паровозы, вагоны, рельсы, паркет, машины, земледельческие орудия. Промышленные и бакалейные товары из Московского промышленного района, а также рыба и рыбная продукция из Царицына последуют транзитом по Гомель-Брянской железной дороге в Стародуб, Новозыбков, Новгород-Северск, Сураж, Мглин, Гомель, Городню, Бобруйск. Согласно подсчетам статистиков Стародубской земской управы названные города могут рассчитывать на ежегодные поставки таких грузов в размере 1 млн. 440 тыс. пудов [5, л. 4 об.]. Гласные Стародубского уездного земского собрания рассчитывали, что Гомель-Брянская линия в перспективе станет соединительным звеном стратегических Полесских железных дорог с городом Брянском – крупным центром транспортного машиностроения. Подобное соединение позволит добиться экономии средств за счет минимального оснащения Полесских железных дорог подвижным составом (можно пополнить с Брянских заводов) и отсутствия необходимости строить железнодорожные мастерские, так как ремонт паровозов и вагонов может быть выполнен в Брянске [6, л. 9 об.].

Подводя итоги, П.И. Скоропадский делал особый акцент на преимуществах предложенного им направления железной дороги по сравнению с правительственным вариантом. «Удовлетворяя нуждам деятельности промышленного старообрядческого населения, соответствуя основным ходатайствам земств Новозыбковкого и Стародубского уездов и имея столь важное коммерческое значение», – Гомель-Брянская железная дорога, как подчеркивал Скоропадский, – «придает доходность всей сети Полесских железных дорог и тем самым гарантирует будущую ее доходность». Автор записки видел также возможности для сокращения расходов на ее сооружение: «<…> проходя по местности густонаселенной, изобилующей строительными материалами, стоимость постройки линии обойдется значительно дешевле» [5, л. 4 об.].

В 1884 г. стародубское земство начало предпринимать реальные шаги, направленные на реализацию проекта о продолжении строящейся Пинско-Гомельской железной дороги до города Брянска с продолжением ее до г. Стародуба. В конце февраля 1884 г. докладная записка, подготовленная П.И. Скоропадским, была рассмотрена военным министром П.С. Ванновским. Глава военного ведомства положительно отнесся к ходатайству стародубского земства и обратился к остальным министрам с официальным отношением за поддержкой. В целом, признавая большое стратегическое и экономическое значение железнодорожного пути из Брянска в направлении Бреста, военный министр в своем официальном отношении просил глав других ведомств «<…> отнестись возможно благосклоннее к ходатайству стародубского земства и не отказать при разрешении построек новых железнодорожных линий включить Гомель-Брянский участок в первую очередь» [8, л. 1 об.]. Ванновский также считал, что линия Гомель-Брянск сможет решить целый ряд хозяйственных и военно-мобилизационных проблем. С одной стороны, она активизирует торгово-промышленную деятельность целого ряда уездов Черниговской губернии и усилит грузопоток Гомель-Пинского участка Полесских железных дорог [8, л. 1]. С другой стороны, в случае войны линия Гомель-Брянск доведет скорость мобилизации русской армии до аналогичных показателей соседних с Россией европейских государств [8, л. 1 об.]. Первым министром, на содействие которого в решении вопроса, рассчитывал П.С. Ванновский был глава финансового ведомства Н.Х. Бунге. Военный министр просил своего коллегу «не отказывать в рассмотрении записки уполномоченного предводителя дворянства стародубского земства г. Скоропадского, изъявившего желание взять на себя постройку Гомель-Брянской железной дороги, и дать этому делу ход» [6, л. 42].

22 марта 1884 г. уполномоченный стародубского земства П.И. Скоропадский обратился с аналогичной просьбой к начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву. Здесь от себя лично он заявил, что сможет построить железную дорогу Гомель-Брянск быстрее и выгоднее, чем кто-либо другой. Знание местных условий и содействие со стороны стародубского земства – главные факторы, на которых основывались обозначенные преимущества [4, л. 36]. Одновременно Скоропадский оговорил условия, на которых он и земская уездная управа как контрагент правительства собираются реализовать проект: 1) присвоение постройке этой линии статуса государственных работ со всеми льготами и преференциями при отчуждении частных земель и имуществ; 2) длина железной дороги составит 270 верст, начиная от 459 версты Либаво-Роменской железной дороги в западном направлении по берегу реки Сож и, заканчивая возле полустанции «Снежино» Орловско-Витебской железной дороги; 3) завершить строительство Гомель-Брянской железной дороги в черновом исполнении к 1 ноября 1885 г.; 4) правление Полесских железных дорог должно компенсировать стародубскому земству расходы за сооружение линии Гомель-Брянск и снабжение ее подвижным составом в размере 11070 тыс. рублей (41 тыс. рублей кредитных за 1 версту); 5) после завершения строительства железная дорога переходит в собственность государства для последующей ее эксплуатации [6, лл. 36 об.–37].

Вскоре выяснилось, что проект стародубского земства был далеко не единственным. Альтернативное видение проблемы выбора направления Гомель-Брянской железной дороги предлагали представители таких населенных пунктов, как Клинцы и Почеп. Если Военное министерство лоббировало т. н. «Южный вариант», предложенный П.И. Скоропадским, то МПС ратовало за «Северный вариант», то есть продвигало направление на Клинцы.

12 апреля и 13 декабря 1884 г. военный министр обращался также к министру путей сообщений К.Н. Посьету с просьбой включить в программу постройки новых железных дорог в России Брянско-Гомельский участок Брестско-Брянской магистрали в первую очередь [6, л. 3]. В результате 27 сентября и 25 октября 1884 г. состоялись заседания комиссии по постройке новых железных дорог в России. Председателем комиссии был назначен В.В. Салов. В ее состав вошли военный министр, министры государственных имуществ, финансов, внутренних дел и путей сообщений. Главным в повестке работы комиссии стал вопрос о строительстве железнодорожной линии Гомель-Брянск.

На рассмотрение комиссии поступило пять ходатайств городов, местечек и земств Черниговской и Орловской губерний о направлении железной дороги. Первым в списке значился уже известный вариант, предложенный П.И. Скоропадским и органами общественного самоуправления г. Стародуба и Стародубского уезда. Затем следовало ходатайство Черниговского губернского земства, представлявшего собой комбинацию «южного» и «северного» направлений с учетом интересов губернского центра: проведение железной дороги в направлении г. Стародуба с ветвями от него на Клинцы и от Городни к Чернигову и дальнейшим соединением с Курско-Киевской железной дорогой в г. Нежине или Бобровице. Местечко Почеп Мглинского уезда Черниговской губернии и посад Клинцы Суражского уезда той же губернии отстаивали выгодный для их населенных пунктов вариант направления железной дороги. Суражское уездное земское собрание хотело скорректировать линию железной дороги и вести ее через г. Сураж. В последнюю очередь заявил о своих интересах г. Трубчевск Орловской губернии, стремившийся приблизить железную дорогу к городу на максимально близкое расстояние. При положительном решении вопроса трубчевская уездная городская дума обещала бесплатно уступить под станцию железной дороги необходимое количество земли.

Министерство внутренних дел с удивительным упорством защищало экономические интересы населения Мглинского и Суражского уездов. Фактически это означало возврат к результатам старых правительственных изысканий, выполненных в северном направлении. Логика руководства МВД основывалась на понимании экономических функций Гомель-Брянской железной дороги для региона: поддержка суконных фабрик, расположенных в городе Клине и вынужденных из-за отсутствия удобных путей сообщений постепенно сворачивать объемы производства своей продукции, а также оказание помощи местным жителям, страдающим от бесплодия почв и отсутствия заработков [6, л. 4].

Межведомственная комиссия проанализировала экономический потенциал 4 уездов и пришла к выводу, что Брестско-Брянская линия (260 верст) при любом ее направлении не будет обеспечена местными грузами в количестве, способном окупить ее эксплуатационные расходы. При стоимости 8500 тыс. рублей без подвижного состава она сможет длительное время выполнять функции второго пути на Брянско-Смоленском участке Орловско-Витебской железной дороги (235 верст). В таком случае экономия для бюджета страны составит 5750 тыс. рублей [6, л. 7].

Представитель Военного министерства, подчеркнув огромное стратегическое значение железной дороги, в итоге признал, что его ведомству безразлично по какому направлению пройдет линия. Это дало основание комиссии отдать предпочтение самому кратчайшему и наименее затратному северному варианту (на Клинцы). В таком случае грузопотоки из Клинцов и соседних северных уездов Черниговской губернии могли пойти на Гомель-Брянскую железную дорогу, а не на частную Орловско-Витебскую магистраль. Этот вариант направления поддержал Черниговский губернатор. Новая железнодорожная линия должна сооружаться на одинаковых с Лунинец-Гомельской дорогой технических условиях. Администрации Лунинец-Гомельского участка Полесских железных дорог вменялось в обязанность проведение подготовительных работ по сооружению Брянско-Гомельской железной дороги. На эти цели ей выделялся правительственный кредит в 400 тыс. рублей. В течение 1885 г. требовалось провести все технические изыскания, заключить предварительные соглашения об отчуждении земель с их собственниками, заготовить и доставить материалы [6, лл. 10–10 об.].

Военный министр П.С. Ванновский был последним из официальных лиц, внесших коррективы в проект Гомель-Брянской железной дороги. По его мнению, разъезды и водоснаб-

жение станций должны рассчитываться на 14 пар поездов, а продовольственные пункты в Брянске на 500 человек и в Гомеле на 1000 человек [6, л. 20 об.].

16 февраля 1885 г. Министерство путей сообщения подготовило официальное заключение по Гомель-Брянской железной дороге, адресованное военному министру. В данном документе Департамент железных дорог сформулировал свое видение проблемы, кардинально расходившееся с мнением военных. Представители путейского ведомства полностью отрицали какое-либо экономическое значение железной дороги Гомель-Брянск, способное оправдать расходование крупных денежных средств из бюджета страны [6, л. 1 об.]. С целью рационального использования, вложенного в железнодорожное строительство финансирования, руководство МПС заявило о решении отложить строительство утвержденной 9 июля 1882 г. железной дороги Могилев-Новосельцы до 1890 г., а высвободившиеся денежные ресурсы использовать для строительства линии Гомель-Брянск через северные уезды Черниговской губернии – на Клинцы и Почеп [6, л. 2].

После смерти предводителя дворянства Стародубского уезда П.И. Скоропадского начатое им дело пытались продолжить председатель местной земской управы Рогович и уполномоченный г. Стародуба дворянин Рубец. Они доказывали предпочтительность южного направления железной дороги на Стародуб [6, л. 24]. Аргументы о преимуществах южного направления по сравнению с северным – сокращение протяженности Гомель-Брянской линии на 7 верст, наличие в районе материалов и рабочих, меньшее количество рек, а значит и мостов через водные преграды, дешевая транспортировка грузов из промышленных центров южного направления за рубеж (прямая связь производителей продукции с потребителями без посредников) – уже не могли изменить принятого «в верхах» решения. Предложение стародубского земства было окончательно отвергнуто [6, л. 31 об.]. В 1900 г. узкоколейная железная дорога соединит Стародуб со станцией Унеча Полесских железных дорог.

Новая и опять безуспешная попытка стародубского земства добиться проведения железной дороги широкой колеи через свой уезд относится уже к началу XX в. 3 сентября 1908 г. Черниговский губернатор и губернское по земским и городским делам присутствие выступили защитниками интересов стародубского земства в МПС. Исполнительные структуры Черниговской губернии ходатайствовали о реализации через Стародубский уезд одного из двух проектов инженера Синявского: а) строительство железнодорожного пути от станции Бобрик Московско-Киево-Воронежской железной дороги до станции Почеп Полесских железных дорог или б) строительство акционерным обществом Приднепровских железных дорог линии Херсон–Екатеринослав–Полтава [9, лл. 1–1 об.]. 10 октября 1908 г. технический отдел управления по сооружению железных дорог МПС ответил Черниговскому губернатору, что строительство обозначенных железных дорог на средства частных инвесторов не планируется, а государственное финансирование на эти проекты не распространяется. Исполняющий обязанности министра путей сообщений, учитывая подобные обстоятельства, отклонил ходатайство стародубского земства [9, л. 2]. Первые поезда на участке Унеча–Стародуб пойдут по широкой колее только летом 1928 г.

Таким образом, попытки земских и дворянских учреждений Стародубского уезда добиться учета интересов своих населенных пунктов при проектировании новых железных дорог натолкнулись на ведомственные противодействия. Главы министерств и ведомств, задействованные в железнодорожном строительстве, занимаясь решением приоритетных государственных задач (поддержание обороноспособности страны, наращивание хлебного и сырьевого экспорта), фактически упускали из вида местные экономические проблемы. В итоге, сэкономив за счет максимального спрямления Гомель-Брянской железной дороги несколько миллионов рублей, и построив ее в местности с низкой плотностью населения и слабой экономической активностью, государство в перспективе терпело многомиллионные убытки при ее последующей эксплуатации из-за отсутствия коммерческого грузооборота. А такие промышленно развитые населенные пункты, как Новозыбков, Стародуб и др., оказавшись без железнодорожного сообщения, быстро теряли темпы своего экономического роста и выпадали из процессов экономической модернизации.

Литература

1. Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России / Г.А. Герасименко. – М., 1990. – 262 с.; Лаптева, Л.Е. Земские учреждения в России / Л.Е. Лаптева. – М., 1993; Абрамов, В.Ф. Российское земство: экономика, финансы и культура / В.Ф. Абрамов. – М., 1996; Кашин, В.Н. Российское земство в 1864–1918 гг.: его социально-экономическое значение и нереализованный потенциал / В.Н. Кашин // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд: сб. ст.; под. ред. В.А. Виноградова. – М. : Росспэн, 2000. – С. 330–341; Важанин, А.Г., Галкин, Н.В. Московское земство в начале XX века. Из опыта регионального самоуправления / А.Г. Важанин, Н.В. Галкин. – М., 2004; Королева, Н.Г. Финансовое обеспечение земских программ в 1907–1914 гг. / Н.Г. Королева // Земское самоуправление в России 1864–1918 гг. – М. : Наука, 2005. – Т. 2.

2. Королева, Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914) / Н.Г. Королева. – Москва : Росспэн, 2011. – 214 с.

3. Соловьева, А.М. Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. / А.М. Соловьева. – М. : Наука, 1975. – 314 с.; История железнодорожного транспорта России: в 2 т. / Ред. кол. : Г.М. Фадеев (пред.), Н.М. Бурносов, М.И. Воронин [и др.] ; под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. – СПб. : АО «Иван Федоров», 1994. – Т. 1 (1836–1917 гг.). – 335 с.; История Белорусской железной дороги. Из века XIX – в век XXI / В.В. Яновская [и др.]. – Минск : Маст. літ., 2012.

4. Докладная записка уполномоченных Стародубского земства и города Стародуба Черниговской губернии правительству о постройке Брянско-Гомельской железной дороги // Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА). – Ф. 1219 (Скоропадские). – Оп. 2. – Д. 1313. – 4 лл.

5. Записка уполномоченного Стародубского земства и города Стародуба П.И. Скоропадского о наиболее целесообразном направлении и варианте Брянско-Гомельской линии // ЦГИА Украины. – Ф. 1219. – Оп. 2. – Д. 1314. – 5 лл.

6. Материалы о строительстве новых железных дорог и открытии движения по ним, о строительстве стратегических линий и их значении (Гомель-Брянск, Лунинец-Гомельская, Барановичи-Белостокская) о финансировании и удешевлении строительства железных дорог, об их осмотре // Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 400 (Главный штаб). – Оп. 24. – Д. 672. – 364 лл.

7. Поклонский, Д.Р. Стародубская старина. XI–XIX вв. Исторические очерки / Д.Р. Поклонский. – Клинцы : Изд. Клинцовской городской типографии, 2002. – Кн. 2. – 384 с.

8. Циркулярное отношение военного министра о включении постройки Гомель-Брянского участка в число первоочередных железнодорожных линий // ЦГИА Украины. – Ф. 1219. – Оп. 2. – Д. 1311. – 3 лл.

9. По ходатайству Стародубской уездной земской Управы о проведении ширококолейной железной дороги через Стародубский уезд // Государственный архив Черниговской области. – Ф. 145. – Оп. 3. – Д. 528. – 4 лл.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 23.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 069.01:930.1

Научное комплектование археологических фондов Херсонского музея: штрихи к интеллектуальной биографии В.И. Гошкевича

А.В. Костенко

Рассматривается процесс создания и развитие археологических фондов губернского музея конца XIX – начала XX вв. на примере Археологического музея в Херсоне. Особый акцент сделан на ключевую роль в деятельности этого музея представителей украинско-белорусского рода Гошкевичей, в частности его основателя и первого руководителя – Виктора Ивановича Гошкевича (1860–1928 гг.).
Ключевые слова: музеология, археология, семейная история, Херсон, В.И. Гошкевич.

The process of creation and development of archaeological collections of province museum of the XIX – XX centuries on the example of Archaeological museum in Kherson is examined. Special emphasis is placed on a key role in the activity of this museum the representatives of Ukrainian-Belarussian family Goshkevich, in particular a founder of this museum Victor Ivanovich Goshkevich (1860–1928).
Keywords: museology, archaeology, family history, Kherson, V.I. Goshkevich.

В современной музеологии одно из ведущих мест занимает проблема комплектования и сохранения музейных фондов, ведь именно хранящиеся в них коллекции и экспонаты являются фундаментом музея, предметом изучения и популяризации. Главнейшая форма просветительской деятельности музеев – это экспозиционно-выставочная работа. Особый интерес и у исследователей, и у обычных заинтересованных посетителей всегда вызывали археологические экспонаты, повествующие о древнейшей истории того или иного края. Однако, в связи с движением археологической науки вперед, со временем изменяется интерпретация и отдельных предметов, и целых археологических культур. Это, а также периодически меняющийся подход к оформлению экспозиций и выставок, приводит к их изменению. Иными словами, экспозиция приходит и уходит, а хранящиеся в музейных фондах предметы остаются – и именно от научного уровня комплектации археологических фондов того или иного музея зависит качество его экспозиционно-выставочной деятельности. Этот уровень, в свою очередь, зависит от количества экспонатов и от полноты освещения определенного исторического периода, здесь важно отсутствие тематических лакун.

В этом контексте представляет интерес историческая ретроспектива вопроса, ведь фонды многих современных музеев начали свое существование в кон. XIX – нач. XX вв. И если сегодня в Херсонском областном краеведческом музее, как и в других музейных учреждениях Украины и Беларуси, археологические фонды соответствуют названным требованиям, то этим музеи в значительной степени обязаны работам своих основателей.

Херсонский областной краеведческий музей возник в 1890 г. как Археологический музей Статистического комитета Херсонской губернии, это был один из первых музеев Юга Украины [1, с. 3]. Основателем, а на протяжении трех следующих десятилетий – бессменным директором и единственным сотрудником музея был Виктор Иванович Гошкевич (1860–1928 гг.). Научная деятельность В.И. Гошкевича была многогранной, но мы коснемся лишь одной ее стороны – комплектования фондов основанного им музея. Отметим, что его успех в этом деле был бы невозможен, если бы не безвозмездная помощь представителей разветвленного рода Гошкевичей. Поэтому имеет смысл проследить их генеалогию и научные связи, ведь к началу XX в. украинско-белорусский род Гошкевичей был весьма почтенным и разветвленным. На протяжении XIX–XX вв. его представители участвовали в научной и религиозной жизни Беларуси и Украины, на территории которой судьба Гошкевичей к началу XX в. была неразрывно связана с южным губернским центром – Херсоном.

Первым «историческим» представителем рода можно считать Григория Гошкевича. Известно, что его сын – воспитанник Киево-Могилянской Академии – с 1738 г. был препода-

вателем в Переяславской коллегии, а внук Иван (Иоанн) Гошкевич – канцеляристом Переяславской духовной консистории в 1774–1777 гг. По неизвестным причинам Иван переезжает из Украины в Беларусь, где становится священником Могилевской епархии [2]. Именно потомки Ивана Гошкевича составят «ветви» этого рода, поэтому в дальнейшем рассказе мы будем условно считать его представителем первого поколения рода.

Ко второму поколению Гошкевичей принадлежали трое сыновей Ивана. Старшим из них был Онуфрий Иванович Гошкевич – священник в местечке Стрешин Рогачевского уезда Могилевской губернии, информацией о семье и детях которого мы не располагаем. Священником в Стрешине был и средний сын – Иван Иванович Гошкевич. Младший сын – Антон Иванович Гошкевич (1785–1836 гг.) – также избрал судьбу священника. В 1804 г., после окончания Могилевской духовной семинарии (МДС), А.И. Гошкевич был определен Могилевской консисторией в число канцелярских служителей. В 1806 г. он перешел в Минскую епархию, где в 1809 г. его рукоположили в сан священника, определив местом служения село Стреличев Речицкого уезда Минской губернии. Здесь А.И. Гошкевич женился на представительнице другого известного священнического рода Гликерии Яковлевне Голишевич; в этом браке супруги имели троих сыновей.

Итак, к третьему поколению рода относятся дети И.И. Гошкевича и А.И. Гошкевича. Известно, что старший сын И.И. Гошкевича – Николай Иванович Гошкевич – окончил МДС и, приняв сан, служил в местечке Ветка Гомельского уезда Могилевской губернии. В МДС обучался и Лев Иванович Гошкевич. Наконец, с этой семинарией связаны и годы учебы младшего сына – Ивана Ивановича Гошкевича (1837–1917 гг.), который закончил МДС в 1859 г., а в дальнейшем служил священником в селах Шерстин (1862–1876 гг.) и Огородня (близ Кормы) Гомельского уезда. Здесь он женился на дочери священника Марии Филипповне Трусевич и имел с ней семерых детей. Как известно И.И. Гошкевич в 1997 г. был канонизирован как местночтимый святой – святой праведный Иоанн Кормянский [2].

Богословское образование получили и сыновья А.И. Гошкевича, наиболее известным из которых был старший – Иосиф Антонович Гошкевич (1814–1875 гг.) – дипломат и востоковед, первый дипломатический представитель Российской Империи в Японии (1858–1865 гг.), чья биография достаточно хорошо известна. Интересно отметить, что писатель И.А. Гончаров в своей книге «Фрегат “Паллада”» упоминает, что «*Гошкевич был из малороссиян*» [3, с. 311], хотя и сам Иосиф Антонович, и его отец родились и выросли в Беларуси.

Андрей Антонович Гошкевич (1819–? гг.) в 1841 г. окончил Минскую духовную семинарию (МинДС) и стал священником в селе Якимова Слобода Речицкого уезда [2].

Иван Антонович Гошкевич (1824–1871 гг.) также избрал для обучения МинДС, а после продолжил обучение в Киевской духовной академии. Получив в ней диплом магистра богословия, он стал профессором академии и священником в церкви святых Константина и Елены на Подоле. Из известного киевского священнического рода происходила и его жена Анна Ивановна Веледницкая (1836–1912 гг.), родившая мужу четырех сыновей. В 1871 г. И.А. Гошкевич скончался в возрасте 47-ми лет.

К четвертому поколению Гошкевичей мы относим потомков сыновей Антона Ивановича Гошкевича. Здесь особо стоит упомянуть единственного сына Иосифа Антоновича Гошкевича, Иосифа Иосифовича (1872–? гг.) – известного статистика и почетного мирового судью Виленского округа.

Мало что известно о живших в Минской губернии сыновьях Андрея Антоновича Гошкевича – Антоне Андреевиче (1846–? гг.) и Андрее Андреевиче (1852–? гг.).

Более подробно стоит остановится на сыновьях Ивана Антоновича Гошкевича, с которыми, преимущественно, будет связан наш дальнейший рассказ. Как мы уже упоминали, он умер в 1871 г. – в год рождения своего младшего сына Николая. Старшие сыновья – Михаил и Виктор – вынуждены были самостоятельно заботится о матери и младших братьях.

Михаил Иванович Гошкевич (1853–? гг.) в 1871–1876 гг. обучался на медицинском факультете киевского Университета святого Владимира (УСВ), после успешного окончания которого был призван на медицинскую службу в действующую армию (на время русско-турецкой

войны 1877–1878 гг.). После войны М.И. Гошкевич работал земским участковым врачом в Переяславском уезде Полтавской губернии, а в 1881 г. был назначен на должность городского санитарного врача в Херсон, где очень скоро стал известным губернским деятелем [4, с. 125].

Виктор Иванович Гошкевич (1860–1928 гг.) свое обучение начал в Киевской духовной семинарии, после завершения которой в 1881 г. приступил к занятиям на физико-математическом факультете УСВ. Тогда же В.И. Гошкевич женился на Клавдии Александровне Бакановской, которая в следующем году родила ему дочь Екатерину. Тем временем, В.И. Гошкевич со второго курса перешел на историко-филологический факультет университета, где и продолжил обучение. Параллельно учебе он много работал: в 1880–1883 гг. – вычислителем университетской астрономической обсерватории, а с 1882 г. – внештатным корреспондентом многих киевских газет, где публиковал статьи преимущественно исторической тематики. Среди киевских ученых В.И. Гошкевич с особым уважением относился к историку и археологу В.Б. Антоновичу, в кружке которого начал изучение украинской истории параллельно с университетским официальным курсом [5, с. 7]. Эти «нелегальные» занятия стоили В.И. Гошкевичу дорого – с третьего курса университета он был исключен. Расстроилась и его семейная жизнь, молодые супруги расстались. С другой стороны, эти неурядицы позволили В.И. Гошкевичу сосредоточится исключительно на научной деятельности в сфере археологии – к 1889 г. это был уже известный в Киеве ученый. В это же время он вступил в брак с Варварой Амосовной Фабрициус, которая от первого брака с киевским ученым-астрономом Василием Ивановичем Фабрициусом (1845–1895 гг.), уже имела детей – Федора и Ирину.

Вынужденный заботится о своей новой семье и, не имея возможности найти в Киеве постоянную работу, отвечающую его талантам и интеллектуальным интересам, В.И. Гошкевич в 1890 г. с радостью откликнулся на предложение М.И. Гошкевича переехать в Херсон на должность секретаря губернского Статистического комитета. Уже в первый год своего пребывания в Херсоне В.И. Гошкевич организовывает в структуре комитета Археологический музей, который в 1898 г. переходит в ведение Херсонской губернской ученой архивной комиссии, сооснователем которой также был Виктор Иванович [3, с. 22]. Приступая к созданию музея и к главнейшей части этой работы – комплектованию его предметами древности, В.И. Гошкевич ставил перед собой в первую очередь просветительские задачи. Позже, в 1915 г. он писал «*…собирая и сохраняя остатки старины своего края, музей делает их доступными всем: и людям науки, и … любителю старины, и детям, чтобы они приучались уважать памятники человеческого ума, искусства, труда и … вырастали бы людьми культурными*» [6, с. 421].

Со временем в Херсоне обосновались и младшие братья Виктора – Леонид Иванович Гошкевич (1868–1963 гг.) и Николай Иванович Гошкевич (1871–? гг.).

Упоминая о пятом поколении рода Гошкевичей, мы не можем не отметить тесные связи между «херсонской» ветвью рода и Иосифом Иосифовичем Гошкевичем. В 1897 г. В.И. Гошкевич принимал последнего в Херсоне, куда тот прибыл на отдых вместе с беременной супругой. В Херсоне же у них родился сын, которого в честь хозяина назвали Виктором. В.И. Гошкевич стал крестным отцом своего двоюродного племянника.

Екатерина Викторовна Гошкевич (1882–1925 ? гг.) в 1905 г. познакомилась в Киеве с генералом В.А. Сухомлиновым, который вскоре стал ее супругом, а в 1909 г. был назначен военным министром. Со своим отцом, после его отъезда в Херсон, она встретилась единственный раз – в июле 1910 г., однако доверительных отношений между ними не сложилось. Напротив, близкими к В.И. Гошкевичу были его приемные дети. Федор Васильевич Фабрициус избрал военную карьеру и к 1912 г. имел чин поручика. Ирина Васильевна Фабрициус (1882–1966 гг.) в 1900 г. с золотой медалью закончила II Херсонскую женскую гимназию, а в 1905 г. – Высшие Бестужевские женские курсы [5, с. 17]. Итак, на протяжении 1890–1911 гг., когда В.И. Гошкевич занимался созданием и развитием Археологического музея, он мог рассчитывать на безвозмездную помощь обширной «сети» родственников.

В 1909 г., когда был составлен нотариальный акт передачи музейных фондов в собственность города, в них насчитывалось 16 410 экземпляров, в том числе относящихся к первобытнообщинному строю – 1 316, к скифо-сарматской и античной культурам – 5 589, к

средневековым кочевникам – 544 и ко времени XIII–XVIII вв. – 2 183 [1, с. 5]. То есть к этому времени Археологический музей В.И. Гошкевича был уже солидным научным учреждением, которое достойно представляло публике главные исторические периоды Юга Украины.

Значение «родственной сети» Гошкевичей выросло после 1911 г., когда, после ликвидации губернской ученой архивной комиссии, музей перешел в ведение городского управления. В здании на ул. Говарда В.И. Гошкевичем была открыта новая обширная экспозиция Херсонского музея древностей и изящных искусств (ХМД) [6, с. 232].

В это время Анна Ивановна Гошкевич пожертвовала музею своего сына 29 серебряных русских монет [4, с. 39], а после ее смерти музею по завещанию отошли изделия упраздненной Межигорской казенной фабрики и кабинетные часы начала XIX в., а также ряд ценных печатных и рукописных изданий конца XVIII – начала XIX вв. [7, с. 25].

Участвовали в пополнении фондов музея и братья В.И. Гошкевича. Так, М.И. Гошкевич в 1912 г. передал музею бронзовую медаль в честь баронета Вилье (1840 г.), а в 1914 г. – одиннадцать византийских, пять западноевропейских и три русских серебряные монеты. Л.И. Гошкевич в 1909–1911 гг. передал 15 русских и западноевропейских монет, а в 1914 г. – три римских (две серебряные и одну бронзовую). Его жена В.Ф. Гошкевич в 1914 г. подарила музею расписное блюдо Межигорской фабрики [8, с. 27].

Но наиболее близкими к музею В.И. Гошкевича были его приемные дети – Ф.В. и И.В. Фабрициус. Ф.В. Фабрициус в 1909–1912 гг. безвозмездно исполнил десятки планов античных городищ и сделал для музея множество неоднократно опубликованных фотографий археологических предметов. Под руководством В.И. Гошкевича он участвовал во многих раскопках на территории Херсонской губернии и был его ближайшим помощником. И.В. Фабрициус с 1913 г. неформально исполняла обязанности помощника хранителя ХМД В.И. Гошкевича [5, с. 18].

Кроме даров близких людей, которые понимали смысл научной деятельности В.И. Гошкевича и полностью разделяли его цели, последний использовал и иные пути комплектования фондов. Обширные материалы дали его собственные разведки в Херсонском, Днепровском и Одесском уездах. В музей благодаря этим разведкам поступили экспонаты нижнеднепровских Понятовского, Змиевского, Красномаяцкого, Гавриловского, Золотобалковского и Любимовского постскифских («позднескифских») городищ; из пунктов, расположенных на побережье Днепровско-Бугского и Березанско-Сосицкого лиманов; из множества других пунктов, относящихся главным образом к скифо-сарматскому периоду. Сборы на территории нижнеднепровских песков дали многочисленные экспонаты каменного века, эпохи меди и бронзы, средневековые материалы. У Бизюкова монастыря (село Красный Маяк) открыт постскифский могильник, находки из которого – рыболовные крючки, краснолаковая керамика, костяные подвески и гребень, бронзовая фибула и браслет, разнообразные бусы и другие предметы – поступили в музей. Восточнее Скадовска в 1912 г. В.И. Гошкевич выявил средневековое городище и собрал на нем керамику [1, с. 8].

Значительные для того времени раскопочные работы В. И. Гошкевич произвел на постскифском Николаевском (Казацком) городище (Бериславский район) в 1909 г., где найдено несколько сотен предметов: обломки амфор, краснолаковой керамики, лепных орнаментированных сосудов, плошки, точильные камни, римская бронзовая фибула.

В 1912 г. по ул. Говарда (на которой, напомним, находилось здание музей) в Херсоне раскопано сарматское погребение с фибулой, а у села Республиканец (Бериславский район) В.И. Гошкевичем исследован курган эпохи бронзы, где погребения сопровождались лепными сосудами. Накануне мировой войны, в 1914 г., В.И. Гошкевич на острове у села Тягинка исследовал остатки средневековой татарской крепости Тягин, где были выявлены каменные пушечные ядра и поливная расписная керамика XV в. Все материалы исследованных памятников также пополнили археологические фонды Херсонского музея древностей.

Также в течение нескольких лет известные художники – братья Бурлюки – раскапывали под руководством В.И. Гошкевича скифские курганы вблизи Черной Долины (Чаплинский район), давшие разнообразные материалы.

В деле комплектования фондов музей получал помощь и от ведущего научного центра – Императорской археологической комиссии, которая санкционировала получения В.И. Гошкевичем материалов из раскопок Ольвии и Пантикапея. Первая коллекция из раскопок Пантикапея поступила в музей еще в конце 1890-х гг. Позже, в 1912 г., сюда прибыли экспонаты из раскопок 1907–1908 гг.: краснофигурные гидрия и пелики с изображением Эдипа перед Сфинксом, Диониса, менад, сражения амазонок с греками, краснолаковая пелика с изображением Эрота и девушки, каннелированный чернолаковый сосуд, краснолаковый кувшин, арибалы с изображением женской головки и дельфина, лекифы, алабастры, светильник с изображением кентавра, пантикапейские монеты [9, с. 68].

В том же 1912 г. музей получил из раскопок Б.В. Фармаковского в Ольвии надгробные стелы, антовую капитель, украшенную розетками, стелу с четырьмя стоящими фигурами, мраморную антовую базу, постамент от статуи с надписью, каменное блюдо. Спустя год из раскопок 1904–1908 гг. из Ольвии поступила новая коллекция, насчитывающая почти 400 экспонатов: обломки мраморных архитектурных деталей и статуй, керамика (амфориск, аск, чернолаковые и краснолаковые сосуды, светильники), терракоты, изделия из кости, бронзовые кольца и колокольчики, изделия из свинца, оружие (наконечники копий и стрел), предметы производства (ножи, оселки, рыболовные крючки, пирамидальные глиняные грузила), украшения и предметы туалета (костяной гребень, зеркала, серьги, бусы, перстни, браслеты, подвески, фибулы), фрагменты мраморных плит с надписями, предметы культа (фрагмент мраморной стелы, свинцовые букрании).

Через Императорскую археологическую комиссию музей приобрел скифский бронзовый котел, найденный в 1909 г. у села Осокоровка (Нововоронцовский район), половецкую «каменную бабу» из Каховки, выявленную в том же году, и такой же памятник, найденный возле Великой Лепетихи в 1913 г.

В музей поступила большая коллекция разновременных материалов из курганов Поднестровья, раскопанных И.Я. Стемпковским в 1890-х гг. Значительную научную ценность представляют собой и специфические амфоры, присланных музею Н.И. Веселовским, исследовавшим скифский курган «Солоха» под Никополем.

Для выявления археологических памятников В.И. Гошкевич следил за ведением земляных работ. Когда в 1910–1911 гг. на острове Березани военное министерство производило земляные работы, В.И. Гошкевич прибыл на остров (статус родственника военного министра В.А. Сухомлинова изрядно помог ему), где получил античную керамику, нумизматические материалы и другие вещественные находки. Однако наибольшую ценность представляют многочисленные и разнообразные материалы из раскопок на Березани, произведенных в 1900–1901 гг. другом В.И. Гошкевича херсонским археологом Г.Л. Скадовским. Часть находок поступила в Эрмитаж, а часть – в Херсонский музей древностей.

С целью сбора экспонатов В.И. Гошкевич также расширял связи с различными слоями населения Херсонской и Таврической губерний. С огромной территории «корреспондентами» или «сотрудниками» музея, как называл В.И. Гошкевич сеть своего актива, направлялись материалы в Херсон.

Иногда экспонаты поступали в музей целыми коллекциями. В 1913 г. семья умершего украинского историка и общественного деятеля Н.Н. Аркаса передала в музей его коллекцию материалов из раскопок в Христофоровке и Старой Богдановке (в пределах современной Николаевской области), а также находки из других мест. Среди экспонатов были голова от мраморной женской статуи, чернолаковая керамика, наконечники скифских стрел, свинцовые ручки от античного деревянного саркофага, орнаментированные костяные пластинки, смальта для мозаики из Херсонеса, античные геммы, бронзовый светильник, разнообразные античные бусы, нумизматические материалы из Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Фасоса, Фракии, Амиса, Хиоса, Родоса, Египта, Македонии, Афин и Рима – всего 1 048 монет.

Значительным событием в жизни музея стало поступление в 1917 г. значительной части коллекции И.К. Суручана из Кишинева. Насчитывая свыше 300 экспонатов, коллекция состояла из античных скульптур, стел, надписей из Ольвии и Пантикапея; среди них находи-

лась скульптура льва из Ольвии. Вскоре, в 1919 г., после трагической гибели Г.Л. Скадовского, в музей поступили и многочисленные материалы из курганов, исследованных им ранее в Белозерке, урочище Глубокой Пристани, Маячке и Козырке.

Музей получал также помощь от учителей, которые организовывали учащихся школ для сбора экспонатов. В 1913–1914 гг. юные «сотрудники» музея работали под руководством учителей Л.Е. Торского (село Раденск), Н.Н. Фугеля (село Кардашинка) и многих других. Как сообщал В.И. Гошкевич, в качестве поощрения «*детям, собравшим по пескам ... предметы, посылались в награду детские книги для чтения*» [9, с. 69].

В.И. Гошкевич занимался также закупкой экспонатов у населения. Так музеем были приобретены нумизматические материалы, скифский бронзовый котел из Новой Пристани (в пределах нынешней Николаевской области), изделия из камня, керамика, пряслица, изделия из бронзы (топор-кельт, наконечник копья, наконечники стрел, шилья). Для привлечения актива В.И. Гошкевич публиковал в издаваемом им ежегоднике «Летопись музея» и в херсонской прессе материалы о лицах, подаривших музею экспонаты [9]–[11].

Таковы были основные пути комплектования фондов музея на протяжении 1890–1917 гг. В результате научной работы В.И. Гошкевича к 1914 г. в музее уже насчитывалось 23 587 экспонатов, в том числе относящихся к периоду с древнейших времен до XIV в. – 9 703 экземпляра, к XIV–XVIII вв. – 2 814 и к XVIII–XIX вв. – 11 070 экспонатов [1, с. 7].

Таким образом, музей стал центром поступления археологических находок, что сократило случаи бесследной пропажи памятников, как это было до его возникновения. В.И. Гошкевич имел все основания писать о нем в 1913 г.: *«...возрастающий интерес к этому просветительскому учреждению, выразившийся ... во множестве пожертвований, поступающих не только единичными экземплярами, но и целыми коллекциями ... дает нам основания надеяться на дальнейшее развитие и обогащение древнехранилища Херсонского края*» [9, с. 68].

События революции и последовавшей за ней Гражданской войны 1917–1921 гг. приостановили деятельность ХМД, практически прекратились поступления в фонды музея новых экспонатов. Само его выживание в этих условиях – заслуга В.И. Гошкевича и И.В. Фабрициус, которые продолжали свою работу в те тяжелые годы. Тем временем, судьба их родственников радикально изменилась. Ф.В. Фабрициус в 1916 г. упоминается в изданиях музея как пребывающий в немецком плену [8, с. 35]. Во время Гражданской войны его имя встречается в списках офицеров – к этому времени он имел чин подполковника – Вооруженных Сил Юга России под командованием А.И. Деникина и Русской Армии под командованием П.Н. Врангеля. Но о дальнейшей судьбе человека, много сделавшего для систематических археологических исследований в Херсонской губернии, пока не известно.

В Херсоне оставался и продолжал свою врачебную и научную деятельность М.И. Гошкевич. В 1924 г. он участвует в учредительном собрании основанного В.И. Гошкевичем Общества изучения Херсонского края [11, с. 456]. Увы, после этой даты упоминания о М.И. Гошкевиче не встречаются в источниках [4, с. 127]. Ничего определенного не можем сказать и о судьбе Николая Ивановича Гошкевича и его семьи.

В 1923 г. музей был национализирован и реорганизован в Херсонский историко-археологический музей (ХИАМ). С 1923 по 1925 гг. хранителем его фондов уже официально состоит И.В. Фабрициус, а в 1925 г. она становится новым директором ХИАМ. Однако, после смерти в 1928 г. В.И. Гошкевича, И.В. Фабрициус стала объектом целенаправленной травли как родственница В.А. Сухомлинова и в 1931 г. вынуждена была покинуть Херсон. После ее отъезда Херсонский историко-археологический музей был расформирован и на правах отделов, вместе со всеми своими археологическими фондами, включен в состав новосозданного Херсонского краеведческого музея [5, с. 43].

В итоге собирательской деятельности В.И. Гошкевича фонды музея составляли свыше 30 тысяч экспонатов – они качественно представляли все археологические культуры Южной Украины. Этот результат был достигнут В.И. Гошкевичем благодаря его методичному научному подходу к своей деятельности и комбинированию им способов пополнения археологических фондов своего музея – это была и опора на помощь представителей разветвленного

рода Гошкевичей, и собственные археологические исследования на обширной территории (при этом В.И. Гошкевич избегал концентрации своего внимания на одной археологической культуре и пытался в равной степени изыскать материалы всех эпох), и тесное сотрудничество с ведущими научными центрами, и поддержка научных связей с ведущими археологами Юга Украины (коллекции которых также концентрировались в музее), и создание обширной сети добровольных помощников из числа образованных сограждан.

Литература

1. Абикулова, М.И. Археологическая коллекция В.И. Гошкевича в фондах Херсонского областного краеведческого музея / М.И. Абикулова // Наукові записки. Херсонський обласний краєзнавчий музей. – Херсон : Айлант, 2010. – С. 3–8.

2. Гошкевичи. Генеалогическая база данных «Родовод» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ru.rodovid.org. – Дата доступа : 09.04.2015.

3. Гончаров, И.А. Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. / И.А. Гончаров. – Л. : Наука, 1986. – 879 с.

4. Сінкевич, І.Ю. Херсонська губернська вчена архівна комісія: нові знахідки та старі проблеми / І.Ю. Сінкевич // Південний архів: історичні науки : зб. наук. праць. – Херсон, 1999. – Вип. 1. – С. 18–40.

5. Оленковський, М.П. Відомі херсонські учені-археологи / М.П. Оленковський. – Херсон : ХОВ КУІН, 2000. – 60 с.

6. Херсонский музей древностей. Сборник газетных статей и заметок. 1871–1928 гг. / сост., предисл., прим. В.Л. Черникова. – Херсон : Наддніпряночка, 2012. – 506 с.

7. Гошкевич, В.И. Сотрудники Музея в 1913 г. / В.И. Гошкевич // Летопись Музея. – 1915. – Вып. 5. – С. 21–34.

8. Гошкевич, В.И. Сотрудники Музея в 1912 г. / В.И. Гошкевич // Летопись Музея. – 1914. – Вып. 4. – С. 30–61.

9. Былкова, В.П. Археологическая деятельность В.И. Гошкевича / В.П. Былкова // Проблемы археологии Северного Причерноморья: к 100-летию основания Херсонского музея древностей: тез. докл. юбил. конф. – Херсон, 1990. – Ч. 3. – С. 67–69.

10. Гошкевич, В.И. Сотрудники Музея в 1914 г. / В.И. Гошкевич // Летопись Музея. – 1916. – Вып. 6. – С. 20–37.

11. Макієнко, Н.В. Родина Гошкевичів у документах і пам’яті / Н.В. Макієнко // Константи. – 2006. – № 1 (12). – С. 125–127.

Центр памятниковедения НАН Украины
и Украинского общества охраны памятников
истории и культуры

Поступила в редакцию 27.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 94(476)“1861/1914”

Этнокультурная эмансипация белорусов на стыке эпох и культур (вторая половина XIX – начало XX вв.)

А.Г. Кохановский

Проведен анализ социально-культурных изменений в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в., на перекрестке влияний цивилизаций и культур. Акцент сделан на процессах распространения грамотности среди населения Беларуси, формирования интеллектуальной элиты, создания социальных предпосылок этнокультурной эмансипации белорусов в условиях, когда общество находилось на начальном этапе перехода от традиционности к современности. В статье показаны черты, которые выделяют реализацию указанных процессов на территории Беларуси.
Ключевые слова: этнокультурные процессы, Беларусь, белорусы, модернизация, грамотность, интеллигенция, социокультурные изменения.

The analysis of the sociocultural changes in the Belarusian society in the second half of the XIX – beginning of the XX century, when Belarus stood at the crossroads of the different civilizations and cultures is given. Special attention is paid to the processes of the widening of literacy among the Belarusians, formation of the intellectual elites and premises of the ethnocultural emancipation of the Belarusians in the conditions when the society had just taken first steps from the traditional culture towards modernity. The special features that distinguish the development of the mentioned processes on the territory of Belarus are emphasized.
Keywords: ethnocultural processes, Belarus, the Belarusians, modernization, literacy, intelligentsia, sociocultural changes.

История Беларуси – это опыт реализации культурных взаимовлияний на стыке цивилизаций, на перекрестке западного и восточных влияний. Любое макроисторическое изменение имело здесь свой специфический след. Нередко белорусские публицисты подчеркивали противоречивое воздействие этой особенности развития Беларуси. Эту черту назвал основной в истории белорусского народа поэт и публицист начала XX в. Игнат Канчевский, опубликовавший под псевдонимом Игнат Абдиралович философско-историческое эссе «Адвечным шляхам». По его мнению, данная черта стала определяющей в истории белорусской интеллигенции, формировании белорусского менталитета и самосознания [1, с. 45]. «Долгими веками белорусы стояли на роздорожье: один путь был направлен на Запад, другой на Восток; так наши дороги, начинаясь вместе, расходились в разные, противоположные стороны» [1, с. 48].

Социально-культурные изменения в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в. происходили в условиях его перехода от традиционного уровня развития к современному, в рамках модернизационной перспективы. Следует отметить, что опыт развития модернизационных процессов в изучении истории Беларуси достаточно актуален [2], [3], [4], [5]. Эта тема недостаточно разрабатывалась как самостоятельная научная проблема и ее решение имеет ключевое значение для цельного осмысления тех изменений, которые происходили в Беларуси в XIX–XX вв. Отдельные вопросы изучения модернизационных процессов в Беларуси через парадигму формационного подхода нашли отражение в ряде монографий и научных статей [6]–[10], [11], [12], [13], [14], [15]. Но из поля зрения исследователей выпали ряд составляющих модернизации белорусского общества второй половины XIX – начала XX вв., в том числе изменения в менталитете населения, становление элементов гражданского общества, взаимосвязи этнокультурной и политической составляющих модернизационной перспективы и др.

Системная модернизация сопровождалась пробуждением этнокультурных процессов. Реформы сделали актуальным вопрос о природе национального. В период после них увеличились масштабы русификации, в том числе добровольной. Железнодорожное строительство, развитие промышленности и внутреннего рынка, усиление социальной и территориальной мобильности населения создавали основу для этнокультурной унификации и русифика-

ции, которые воспринимались правительственными кругами Российской империи как необходимый элемент модернизации. В этот период произошло формирование и распространение в Беларуси «западнорусизма» как идеологии и формы этнического самосознания части городского населения.

Эмансипация крестьянства, индустриализация и урбанизация содействовали формированию в городе и деревне среднего слоя, который выступал социальной базой пробуждения и расширения национальных движений. Эволюция крестьянства как сословного института на территории Беларуси определялась как консолидацией и унификацией в контексте общеимперской перспективы, так и региональными особенностями. Последние напрямую были связаны с традиционной культурой белорусского крестьянства, спецификой его мироощущения, функционированием норм традиционного права, сельского общества. Многонациональный и во многом отличный от окружающей сельской среды этнический состав городского населения усложнял социальные контакты между городом и деревней Беларуси. Правительственная политика этому содействовала.

Под влиянием споров об историческом пути и месте Беларуси, активизировавшихся между сторонниками «западнорусизма» и идеологами польского движения, формировалась белорусская национальная идея. Модернизация сопутствовала становлению современной белорусской нации, распространению этнического самосознания. На протяжении всего рассматриваемого периода сосуществовали два альтернативных пути самовыявления национально-культурного движения, белорусского этноса и интеллигенции: первый опирался на литвинско-шляхетские традиции, «краёвый» литвинский патриотизм, восходящий от государственно-политических идеалов Великого княжества Литовского. Но к концу XIX в. лидирующим в силу различных причин, в том числе процессов модернизации и унификации белорусских губерний, оказался второй путь, основанный на возрождении и популяризации белорусской традиционной культуры, создании современной нации посредством этнокультурной эмансипации крестьянства. Он был поддержан революционно-демократическим и социалистическим крылом белорусского национального движения. Главный итог их культурно-просветительской деятельности – формирование современного представления о белорусской нации, соответствующей ему национальной интеллигенции [2, с. 65–66].

Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Беларуси происходят значительные изменения в образовательной сфере, связанные с расширением ее инфраструктуры, ростом количества обучающихся и их мотивации в овладении грамотой. В первые десятилетия после отмены крепостного права проявилось стремление получить образование, в первую очередь, дворянства, чиновников, духовенства, значительной части представителей городских сословий. Рост учебных учреждений на рубеже XIX–XX вв. был обусловлен увеличением заинтерисованности населения, прежде всего сельских жителей, в возможности получить образование. Крестьянство Беларуси начало воспринимать полезность школы для своих детей. Иным в обществе становится восприятие понятия «грамотный человек»: от овладения элементарными навыками читать и писать до приобретения профессиональных знаний [2, с. 78]. В начале XX в. актуальность приобретает вопрос о введении всеобщего начального образования. В белорусских губерниях наблюдался достаточно значительный процент охвата детей школьного возраста различными формами образования наряду со сравнительно невысокими расходами государства на развитие системы образования. Одно из объяснений такого явления – наличие здесь более высокой заинтересованности у частных лиц, инвестирование ими, в том числе крестьянами, личных средств в обучение детей [2, с. 80–81]. На территории Беларуси выделялись временные и региональные особенности в распространении грамотности. В конце XIX в. наиболее значимыми успехами в этом направлении выделялись западные районы Беларуси, в начале XX в. высокими темпами выделялись Могилевская и Витебская губернии. Статистика распространения грамотности позволила проследить тенденцию: чем крупнее был населенный пункт, тем больше был удельный вес среди населения школьников и девочек среди учеников. Важное значение имела социально-культурная трансформация, связанная с секуляризацией образования, появлением автономной личности,

формированием гражданского общества и др. Появляются вера в прогресс, способности адаптироваться к изменениям, мобильность.

Для Российской империи характерной была государственная монополия на образовательную деятельность. Власть выполняла определяющую роль при формировании содержания школьного образования. Степень полноты государственной монополии на образовательную деятельность, уровень сословности тех или иных типов учебных заведений, появление частных учебных заведений были показателями эволюции государственной системы в целом [16, с. 41]. Согласно подсчетам Н.Н. Улащика, в 1897 г. в Беларуси удельный вес грамотных людей среди взрослых и детей с 10 лет составил 25,9 %, в том числе среди мужчин – 36,4, женщин – 15,2 [17, с. 109]. Наиболее высокий уровень грамотности был отмечен среди населения Виленской губернии – 33,9 %, в том числе и среди женской части жителей – 25,2 % [18, с. 34–45], [19, с. 32–35, 40–43, 48–51, 56–59, 62–67, 70–71], [20, с. 58–69], [21, с. 52–54, 57], [19, с. 52–55, 59]. На втором месте находилась Гродненская губерния – 33,1 %, причем здесь был самый высокий показатель грамотности среди мужчин – 46,5 %. По остальным белорусским губерниям удельный вес грамотных по своей величине существенно не отличался: в Витебской – 25,2 %; Минской – 23,8 %; Могилевской – 23,3 %. Среди городского населения белорусских губерний примерно одинаковым был уровень грамотности – от 55,5 % (Минская губерния) до 59,6 % (Гродненская губерния). Этот показатель значительно отличался в зависимости от этнической и конфессиональной группы. По данным переписи населения 1897 г. самым невысоким он был у белорусов. К примеру, в Минской губернии удельный вес грамотных белорусов среди молодых людей в возрасте с 10 до 19 лет составил 18,6 %, среди русских – 38,2 %, поляков – 50,4 %, евреев – 53 %. Среди православного населения Минской губернии уровень грамотности составил – 18,9 % у мужчин и 3,7 % у женщин; у католиков – 33,5 % мужчин и 23,4 % женщин; протестантов – соответственно 57,8 и 52,2 %; иудеев – 50,7 и 29,7 %; магометан – 38,3 и 25,8 %; старообрядцев – 13,9 и 1,5 % [23, с. 9–10].

Среди сословных групп населения Беларуси наибольшим удельным весом лиц, получивших образование, отличалось христианское духовенство. Уровень грамотности священников-мужчин по всем белорусским губерниям приближался к 100 %, несколько ниже он был среди женской части духовного сословия – от 85 до 95 %, но этот показатель был в среднем выше за остальные группы населения. Дворяне и чиновники по степени овладения грамотой занимали следующую позицию после духовенства. Наиболее высоким уровнем грамотности отличались представители высшего сословия Гродненской (91,5 %) и Витебской (79,2 %) губерний [23, с. 8]. Неожиданно низкое значение аналогичного показателя было зафиксировано среди дворян и чиновников Виленской (66,4 %) и Минской (63,9 %) губерний. Достаточно однородными, без значительной варриативности, цифрами был зафиксирован уровень грамотности почетных граждан, купцов и мещан. Средние значения их находились в пределах от 57,2 % (Гродненская губерния) до 47,8 % (Минская губерния).

Представители крестьянского сословия, которые проживали в городах, имели почти в два раза больший, чем в среднем по Беларуси, уровень грамотности. Наиболее высокий показатель был зафиксирован среди крестьян, которые проживали в городах Гродненской губернии (57,5 %). Значительной варриативностью отличались сведения о степени овладения письменностью крестьянками, особенно в сравнении между теми, кто жил в деревне и в городе. Здесь соотношение числа грамотных и неграмотных отличалось во много раз. Например, в Минской губернии удельный вес грамотных крестьянок, проживавших в городах, составлял 29,2 %, а в сельской местности – 3,8 %. Дистанция между обозначенными показателями почти восьмикратная. В Могилевской губернии подобное соотношение было близким к девятикратному, в Витебской и Гродненской – почти пятикратным и только в Виленской – двухкратным. У мужчин-крестьян такое сравнение было близким к двухкратному с небольшим разбросом данных по губерниям.

Носителем социально-культурных изменений в ходе развертывания процессов модернизации выступила интеллигенция Беларуси, история которой не получила до сегодняшнего дня своего предметного осмысления. В отличие от многих европейских государств, где соз-

дание единого социально-культурного пространства происходило путем завоевания третьим сословием своего собственного места в культуре верхних слоев общества, в управлении государством, в Беларуси этот процесс реализовывался часто через сознательную уступку шляхтой части своих прав в пользу буржуазии и включение элементов традиционной субкультуры в культуру элиты [24, с. 259]. Вхождение Беларуси в состав Российской империи замедлило этот процесс. Наличие здесь жестких сословных перегородок закрывало доступ непривилегированным группам населения к образованию и иным достижениям профессиональной культуры. В Беларуси, в отличие от центральных губерний Российской империи, в первые десятилетия XIX в. формирование интеллигенции шло не путем рекрутирования представителей третьего сословия в его ряды, а посредством привлечения части шляхты к социально-профессиональной группе лиц преимущественно интеллектуального труда [24, с. 259].

Одна из основных черт, которая поставила под сомнение непрерывность развития интеллигенции Беларуси – утрата физической и нередко духовной преемственности между разными поколениями этой группы. Причинами этого явления стали восстания, активизация национально-освободительного движения и репрессии в отношении их участников. Последними очень часто становились представители творческой элиты, студенческая и ученическая молодежь. Кто избегал ареста, вынуждены были эмигрировать в страны Западной Европы. Кроме того, неблагоприятные условия развития национальной культуры обусловили появление еще одной особенности развития интеллигенции Беларуси. Она во многом стала донором развития культур соседних народов, что привело фактически к потере значительной части собственной элиты, обеднения местной интеллектуальной жизни. К примеру, бывший член студенческого общества филоматов, действовавшего среди студентов Виленского университета в 1817–1823 гг., участник восстания 1830–1831 гг. Игнат Домейко (1802–1889) вынужден был эмигрировать во Францию, а затем по приглашению правительства выехал в Чили и внес значительный вклад в изучение геологии и минералогии этой страны. Правительство Чили провозгласило И. Домейко национальным героем [25, с. 9]. Другой филоматовец Осип Ковалевский (1800–1878), который был сослан за участие в студенческих тайных организациях в Казань, стал ректором местного университета и одним из основателей российского востоковедения. Главный труд его жизни – первое издание трехтомного «Монгольско-русско-французского словаря». Первой в мире женщиной-профессором стала Софья Ковалевская (1850–1891), которая происходила из белорусского шляхетского рода. Она работала профессором математики в университете Стокгольма [25, с. 9]. Уроженцы Беларуси Адам Мицкевич и Владислав Сырокомля стали классиками польской литературы. Донорская функция интеллигенции Беларуси – это во многом нереализованная возможность растущей социальной мобильности на родине, шанс повысить свой социальный статус на чужбине. Интеллигенция Беларуси характеризовалась многонациональностью своего состава, причем, в сравнении с многими другими народами Европы, титульная национальная интеллигенция составляла одну из групп и меньшинство среди местной интеллигенции.

Первая треть XIX в. отличалась преобладанием польских общественно-культурных влияний в Беларуси. Распространению польского влияния в значительной степени способствовала деятельность администрации Виленского учебного округа [9, с. 293–297]. Попытка императора Николая I в первые годы своего правления изменить ситуацию ощутимых результатов не дала. Творчество и взгляды представителей интеллигенции в первой половине XIX в. не всегда имели отчетливое национальное содержание. Прежде всего, это замечание относится к тем кружкам, деятельность которых заложила основу белорусского национально-культурного движения – Адама Киркора в Вильно, Винцента Дунина-Мартинкевича в Минске, Артема Вериги-Даревского в Витебске. Белорусская интеллигенция, которая группировалась вокруг них, по общественно-политическим взглядам придерживалась преимущественно либеральных позиций.

Среди демократической интеллигенции начала 60-х гг. XIX в. сформировалась относительно небольшая группа, для которой абсолютно понятным было, что Беларусь имеет все условия для самостоятельного развития. Лидером этой группы был один из руководителей

восстания 1863 г. на территории Беларуси и Литвы Константин Калиновский, который косвенно высказал идею о самостоятельности Белорусско–Литовской республики. Поколению Калиновского и его соратников не удалось реализовать свои идеалы и, боле того, оно не имело своих непосредственных последователей [25, с. 12].

Время от восстания 1863 г. до революционных событий 1905–1907 гг. стало новым этапом формирования интеллигенции Беларуси. Ее дальнейшее развитие было связано с противоречивым, иногда взаимоисключающим воздействием двух факторов: модернизации и унификации. Модернизация сопутствовала становлению современной белорусской нации, распространению этнического самосознания, унификация – это и российская репрессивная политика, и впервые сформированная система мероприятий по русификации западных окраин империи, оформленная после подавления восстания 1863 г., которая значительно затруднила национальную культурно-просветительскую деятельность, создание политических сил и организаций [25, с. 13].

После подавления восстания 1830–1831 гг. и закрытия Виленского университета проявила себя тенденция постепенного перемещения центров формирования интеллигенции за границы Беларуси. Ими стали, прежде всего, высшие учебные заведения и общественно-культурные объединения Санкт-Петербурга и Москвы, а также стран Западной Европы. Более отчетливую роль это обстоятельство стало играть после восстания 1863 г. и только активизация национально-культурной жизни в начале XX в., издание газеты «Наша ніва» изменили эту ситуацию. Распространение и популяризация белорусского по своему сегодняшнему содержанию сознания связано с деятельностью местной народнической, а затем социалистической молодежи. Она не принимала прежнюю «литвинскую», «краевую» идеологию, связанную со шляхтой и прежними традициями политической жизни, а более ориентировалась на социальные низы, на крестьянство. Типичный пример в данном случае деятельность в Петербурге белорусской социально-революционной народнической группы «Гомон» и ее одноименный нелегальный журнал (1884 г.). Обостряется борьба между различными национальными группами интеллигенции за влияние над формированием гражданского сознания широких слоев населения.

В начале 90-х гг. XIX в. в Москве и Петербурге действовали организации белорусского студенчества под руководством Адама Гуриновича, Марьяна Абрамовича и др. Большое значение имела общественная и литературная деятельность Каруся Каганца, Ольгерда Абуховича и др., работа Бронислава Эпимах-Шыпилы по развитию краеведения и сбору древностей и т. д. Были созданы Кружок молодежи польско-литовской, белорусской и малорусской, Круг белорусского народного просвещения и культуры, сделаны попытки выпуска нелегальной газеты «Свобода», создания Революционной партии Белой Руси. В 1902–1903 гг. на основе кружков Вацлава Ивановского, братьев Антона и Ивана Луцкевичей происходит политическая самоорганизация белорусского национально-освободительного движения. Была создана Белорусская революционная громада, которая несколько позднее стала называться Белорусской социалистической громадой.

Глубокие качественные изменения в формировании интеллигенции и эволюции этнокультурной жизни произошли во время и после революционных событий 1905–1907 гг. Процессы этнического самосознания широко затронули различные слои населения, прошли через отдельные семьи, разделив их на разные национальности, в том числе нередко представителей интеллектуальной элиты. В ее среде обостряются поиски собственной идентификации, отчетливо очерченными становятся различные этнические группы интеллигенции. Центром притяжения белорусской интеллигенции стала редакция газеты «Наша ніва», издававшаяся в Вильно в 1906–1915 гг. Именно в этот период происходит формирование белорусской национальной интеллигенции как социальной группы в современном представлении. В ее среде происходит унификация, постепенное стирание различий между православной и католической группами интеллигенции, которое было ощутимым на протяжении XIX в. и поддерживалось правительственной политикой [26, с. 3–10]. «Нашай ніве» удалось объединить «пропольское» и «проросийское» течения белорусского движения. Это произошло на основе социалистической идеологии. Издатели газеты отчетливо дистанцировались от местной

дворянской, шляхетской интеллектуальной элиты, расчитывали на формирование новой интеллигенции из числа выходцев из крестьян, что несколько видоизменило и усложнило процессы этнической консолидации белорусов.

«Наша ніва» выступила в качестве организационного и духовного центра многочисленных белорусских национальных культурно-просветительских обществ [27, с. 140–144]. С распространением легальных периодических изданий («Беларус», «Лучынка» и др.), профессиональных и музыкально-драматических кружков, издательских товариществ и т. д., появившихся после 1906 г., появились новые формы интеллектуальной жизни.

Социально-культурные изменения, которые происходили в белорусском обществе во второй половине XIX – начале XX в., преобрели системный характер. Они определялись правительством Российской империи в рамках общеимперской перспективы. Данный процесс, получивший ускорение после восстания 1863 г., был оформлен законодательно, однако до конца не был завершен. Это частично было связано с оппозицией на уровне общественного сознания местных элит, а нередко и отдельных категорий городского и даже сельского населения. Режим ограничительных законов, в особенности в отношении католиков и евреев, имел не только этноконфессиональный контекст, направленный на укрепление русского влияния в белорусских и литовских губерниях, но также предусматривал разрушение традиционной системы социальных и экономических связей, которая проявила способность модифицироваться, адаптироваться к новым условиям существования. На территории белорусских губерний государство выполняло более ощутимую сравнительно с другими регионами империи сдерживающую роль в реализации модернизационной перспективы. Причина такого положения – необходимость проведения национально-культурной унификации западных губерний, борьба с польским, еврейским влиянием и другими вызовами российской имперской идентичности. В таком случае государство искусственно сдерживало общество в переходном состоянии.

Литература

1. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. (Даследзіны беларускага сьветагляду) / І. Абдзіраловіч // Вобраз – 90: Літаратурна-крытычныя артыкулы ; уклад. С. Дубавец. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – С. 43–85.

2. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.

3. Носевич, В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В.Л. Носевич. – Минск : Тэхналогія, 2004. – 350 с.

4. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2004. – 223 с.

5. Токць, С. Беларуская вёска ў эпоху зьменаў: другая палова XIX – першая траціна XX ст. / С. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 308 с.

6. Бич, М.О. Рабочее движение в Белоруссии в 1861–1904 гг. / М.О. Бич. – Минск : Наука и техника, 1983. – 280 с.

7. Біч, М.В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. / М.В. Біч // Вес. Акад. навук БССР. Сер. грамад. навук. – 1972. – № 4. – С. 32–40.

8. Болбас, М.Ф. Промышленность Белоруссии, 1860–1900 / М.Ф. Болбас. – Минск : Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 312 с.

9. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск : Беларусь, 2003. – 680 с.

10. Довнар-Запольский, М.В. Народное хозяйство Белоруссии, 1861–1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Минск : Изд. Госплана БССР, 1926. – 239 с.

11. Панютич, В.П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861–1914 гг. / В.П. Панютич ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1969. – 190 с.

12. Панютич, В.П. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В.П. Панютич ; Акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; науч. ред. П.Г. Козловский. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 375 с.

13. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. / С.М. Самбук ; ред. В.П. Панютич ; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1980. – 224 с.

14. Шабуня, К.И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. / К.И. Шабуня ; под ред. Т.С. Горбунова. – Минск : Изд-во М-ва высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. – 435 с.

15. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX ст.) / З.В. Шыбека ; Нац. навук.-асвет. цэнтр імя Ф. Скарыны пры М-ве адукацыі Рэсп. Беларусь. – Мінск : Цэнтр еўрап. супрацоўніцтва «ЭўроФорум», 1997. – 292 с.

16. Раскин, Д.И. Система институтов российской императорской государственности кон. XVIII – нач. XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Д.И. Раскин. – СПб., 2006. – 54 л.

17. Улащик, Н.Н. Грамотность в дореволюционной Белоруссии / Н.Н. Улащик // История СССР. – 1968. – № 1. – С. 106–116.

18. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 4 : Виленская губерния. Тетрадь 3 (последняя). – XI, 179 с.

19. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 5 : Витебская губерния. Тетрадь 3. – XIV, 281 с.

20. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 11 : Гродненская губерния. – XV, 319 с.

21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1904. – [Вып.] 22 : Минская губерния. – XVI, 243 с.

22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел, 1903. – [Вып.] 23 : Могилевская губерния. – XV, 275 с.

23. Каханоўскі, А.Г. Узровень пісьменнасці жыхароў Беларусі на мяжы XIX–XX ст. / А.Г. Каханоўскі // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2006. – № 1. – С. 7–11.

24. Куль-Сяльверстава, С.Я. Беларусь на мяжы стагоддзяў і культур: Фармаванне культуры Новага часу на беларускіх землях (другая палова XVIII ст. – 1820-я гады) / С.Я. Куль-Сяльверстава. – Мінск : БДУ, 2000. – 260 с.

25. Кохановский, А.Г. Белорусская интеллигенция: самоопределение и этапы становления в XIX – начале XX в. / А.Г. Кохановский // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. ; Беларус. дзярж. ун-т. – 2007. – Вып. 2. – С. 3–20.

26. Падгайская, Л.І. Роля паўстанняў 1794, 1830–1831 і 1863–864 гг. у фарміраванні ўяўленняў пра беларуска-ліцвінскую шляхту / Л.І. Падгайская // Беларус. гіст. часоп. – 2003. – № 7. – С. 3–10.

27. Унучак, А.У. «Наша ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.) / А.У. Унучак ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 186 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 27.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 94:351.9"1941"

Государственно-политическое управление в начале Великой Отечественной войны на Гомельщине

В.С. Селицкий

Рассматриваются вопросы организации государственно-политического управления на территории Гомельской и Полесской областей в начальный период Великой Отечественной войны. Дается оценка деятельности органов управления и принятых ими решений.
Ключевые слова: военные действия, организация управления, органы государственно-политического управления, направления деятельности и решения органов управления, информация о военных событиях.

The questions of the organization of public-political management in the Gomel and Polesie regions in the initial period of the Great Patriotic War are considered. The activities of the management bodies and their decisions are assessed.
Keywords: military operations, organization management, bodies of public-political management, information about military events.

В военной историографии абсолютное большинство исследований по проблемам управления посвящено военачальникам и их полководческому искусству. Гораздо меньше уделяется внимания деятельности государственного и политического руководства в ходе войны. Это не касается центральных органов страны: Политбюро ЦК ВКП(б), Совнаркома, Наркомата обороны, ГКО, Ставки Верховного командования и других ведомств, деятельность которых активно изучается. Нам представляется, что вызывает особый интерес организация управления на местном уровне. Особенно в ситуации, возникшей в июле – августе 1941 года на территории Гомельской и Полесской областей Беларуси.

Напомним кратко о событиях в этот период в рассматриваемом регионе. Командование вермахта, планируя нападение на Советский Союз, главным направлением выбрало путь на Москву через Беларусь. При этом основные части, наступавшие из района Бреста, в ходе боев повернули от восточного (гомельского) направления на Могилев – Смоленск. Они обходили район белорусского Полесья из-за высокой лесистости, заболоченности, плохих дорог, низкой танкодоступности и отсутствия данных разведки о наличии советских войск. О «нежелании» немцев воевать на Полесье свидетельствует тот факт, что предназначенная для этого 1-ая кавалерийская дивизия оказалась на сто километров севернее намеченного маршрута наступления.

Такая недооценка немецким командованием данного театра боевых действий привела к тому, что на Гомельском направлении была создана и сыграла определенную роль в срыве немецких наступательных планов система обороны. В районе Жлобина-Рогачева 13 июля по наступающим немецким частям был нанесен неожиданный и чувствительный контрудар 63-им стрелковым корпусом генерала Л.Г. Петровского. В это же время относительно сильная кавалерийская группа в составе 3-х дивизий прошлась по тылам передовых немецких частей в направлении Бобруйск–Осиповичи.

В Гомельской и Полесской областях оказалось большое число отступающих советских частей и окруженцев. Об их количестве можно судить по информации в ЦК КП(б)Б «О ситуации в Могилевской и Гомельской областях» от 13 июля, в которой указывается, что только на территории одного сельсовета находилось свыше 16 тыс. военнослужащих [1, с. 372]. К концу июля в основном из них и местных призывников на Гомельщине были воссозданы две армии. Начальник штаба Центрального фронта Л.М. Сандалов отмечал, что поредевшие части 4-ой (брестской) армии на р. Сож в быстрых темпах восстанавливались: «В дивизии, от-

дельные армейские части беспрерывным потоком шло людское пополнение, боевая техника, стрелковое оружие, транспорт и кухни» [2, с. 143]. В основном все это обеспечивалось местными органами управления.

Немцы в конце июля осознали угрозу флангового удара с юго-востока Беларуси в тыл группы армии «Центр». Поэтому было остановлено наступление на Москву и крупные силы повернуты в южном направлении (первая корректировка плана «Барбаросса») согласно директиве Гитлера № 33 от 19.07.1941 г. [3, с. 279]). Для наступления на Гомель было сконцентрировано 25 пехотных, моторизированных и танковых дивизий немцев, в основном переброшенных с московского направления и, благодаря включению в боевые действия 2-ой полевой армии, из резерва. Таким значительным силам не могли противостоять советские войска крайне слабого Центрального фронта, и 19 августа Гомель пал (для сравнения – Могилев был оккупирован почти на месяц ранее – 26 июля). Впоследствии «Гомельская пауза» сыграла огромную роль в зимнем поражении немцев под Москвой.

В ходе боевых действий на Гомельском направлении с положительной стороны проявили себя не только войска, но и руководящие партийно-государственные органы республики, Гомельской и Полесской областей. Уникальность ситуации на Гомельщине в начале Великой Отечественной войны обуславливается следующими обстоятельствами:

– это была достаточно большая территория предвоенной Беларуси, которая продержалась с боями до 21 августа 1941 г.;

– в Гомеле с 17 июля функционировали высшие партийно-государственные органы управления республикой;

– в этот период были приняты важнейшие решения по организации сопротивления немецкой оккупации, эвакуации населения и материальных ценностей на Восток, мобилизации ресурсов для военных нужд, всестороннему взаимодействию с Красной Армией, развертыванию организованного партизанского движения и по многим другим вопросам;

– накоплен и селекционирован опыт управления в военное время, в том числе на оккупированных территориях;

– отработано взаимодействие местных органов управления с военным командованием от отдельных частей и до штаба Центрального фронта;

– к положению, сложившемуся в Гомельской и Полесской областях, было привлечено особое внимание высшего военно-государственного руководства как Советского Союза, так и фашистской Германии, которые приняли стратегические решения, повлиявшие на ход войны. Прежде всего, здесь имеется в виду создание Москвой в конце июля отдельного фронта на гомельском направлении и отвлечение значительных немецких сил для наступления на Гомель.

Необходимо отметить, что деятельность республиканских и местных органов была детерминирована решениями Центральных органов управления Советского Союза, которые в условиях военного времени требовали беспрекословного подчинения и выполнения всех указаний. В Гомельской и Полесской областях в начальный период самыми важными направлениями управленческой деятельности государственных и партийных органов были:

– перевод всех органов управления на военное положение;

– выполнение мобилизационных мероприятий и оказание всесторонней помощи регулярной армии;

– осуществление эвакуационных мероприятий;

– перевод экономики на выпуск продукции для нужд обороны;

– организация диверсионной и партизанской деятельности в связи со скоротечной оккупацией территории;

– борьба с проникновением диверсионных и агентурных групп противника;

– задержание дезертиров;

– завершение уборки урожая;

– подготовка военных объектов и неэвакуированных материальных ценностей к ликвидации;

– перестройка идеологической работы с населением в соответствии с военным положением.

Таким образом, местное управление охватывало основные проблемы на тот момент. Вся система партийных и государственных органов немедленно, начиная с первого дня войны, обсудила директивы и указы руководства страны на принятых в действующей системе управления мероприятиях – пленумах, заседаниях и совещаниях. Для этого использовался довоенный механизм управления в виде привычных форм и инструментов. В сложнейших условиях неопределенности, отсутствия достоверной информации и паники центральные органы не могли принимать адекватные обстановке решения. Это более точно и оперативно делали местные органы.

С началом войны была усилена партийная централизация в управлении. При этом основная ставка делалась на действующих секретарей комитетов партии и их аппараты. Это не всегда было оправдано, о чем свидетельствуют факты снятия с должностей и наказания партийных руководителей, как это произошло в Гомеле 29 июня [4, с. 12–13].

На начальном этапе просматривается некоторое разделение функций между партийными и государственными органами. Последние принимали более конкретные решения, выполняя, как правило, поручения партийных комитетов. Так Гомельским облисполкомом было принято 26 июня решение о проведении дорожно-строительных работ в 7 районах и введении трудовой повинности для мужчин и женщин сельской местности с 16 лет [4, с. 9]. Начало организации народного ополчения в Гомельской области положило решение областного Совета депутатов от 12 июля [4, с. 17]. Практиковалось принятие совместных решений партийных и государственных органов. Однако уже в августе все больше власть концентрируется в партийных органах, которые принимали решения по всем основным вопросам. Очевидно, это делалось по аналогии с тем, что руководитель Коммунистической партии страны И.В. Сталин сконцентрировал всю власть в своих руках, получив пост председателя Государственного комитета обороны. В республике 1-ый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко стал членом Военного Совета Западного фронта. Фактически от имени ЦК КП(б)Б действовало его бюро.

С 17 июля ЦК КП(б)Б и правительство передислоцировались из г. Рославль в Гомель. Также была переведена в Ченки под Гомелем школа по подготовке диверсионных групп в районах, занятых немецкими войсками. О значении этой школы можно судить по тому, что в дальнейшем руководством страны было принято решение о распространении ее опыта на всех фронтах. Именно в этой школе отрабатывалась тактика, которая всю войну использовалась партизанами.

Анализ практики управления на территории Гомельской и Полесской областей показывает, что Бюро ЦК КП(б)Б фактически обладало многими функциями Государственного комитета обороны в Беларуси. Причем эти функции не предусматривались ни одним документом и возникли исходя из быстротечных и трагических событий войны на территории Беларуси. Решения, как правило, принимались по принципу необходимости. Так в директиве ЦК КП(б)Б о переходе на подпольную работу парторганизаций районов, занятых врагом» от 30 июня ставились не только общие задачи, но и выработаны детальные рекомендации по организации подпольных ячеек [4, с. 13–14]. В начальный период войны этот документ вполне соответствовал обстановке. Имелись факты, когда после освобождения районных центров в результате отдельных контрударов частей Красной Армии местные руководящие органы возвращались и сразу же возобновляли свою деятельность. Это происходило в Турове, Глуске, Жлобине и Рогачеве.

ЦК КП(б)Б после переезда в Гомель фактически осуществил реординацию (переподчинение) местных органов, переключившись непосредственно на выполнение ряда их основных функций. Бюро ЦК КП(б)Б на своих заседаниях заслушивало любые органы управления – СНК и его комиссии, наркоматы, военкоматы, органы юстиции, НКВД. При этом отдавались соответствующие распоряжения, усилился повсеместный контроль за их выполнением, давались соответствующие оценки. Райкомы партии и райисполкомы обязаны были докладывать ситуацию в ЦК КП(б)Б практически по каждому сельскому совету и даже по отдельным населенным пунктам. С этой целью писались ежедневные предельно конкретные сводки с указанием казалось бы самых мелких фактов на основании телефонных докладов секретарей об-

комов и райкомов партии. Так в сводке от 21 июля сообщается: «Уваровичи. Сегодня утром противник сбросил 2 бомбы на разъезд № 23, ущерба не причинил. Сегодня утром над Чечерском летал вражеский самолет. Над городом (Речицей) пролетел неприятельский самолет, бомбардировки не было» [4, с. 38].

С одной стороны такая практика позволила:

– быстро сориентироваться в постоянно меняющейся обстановке;

– сконцентрировать власть и принятие решений в одном центре;

– обеспечить оперативность управления всеми основными процессами;

– избежать в критические моменты ненужного дублирования и сэкономить время;

– до минимума сократить согласования, волокиту и бюрократизм, оптимизировать информационные потоки;

– наладить по краткой схеме взаимодействие с армией;

– использовать для выполнения решений разветвленную и самую организованную и дисциплинированную на тот момент систему партийных органов.

С другой стороны имелись и недостатки, государственные органы управления – Советы и исполкомы:

– переходили в режим простых исполнителей и не могли в полной мере использовать свои властные полномочия;

– принимали решения даже в критической обстановке после согласования с партийными органами;

– действовали с оглядкой на партийные органы, которые особо не церемонились в жестких оценках и санкциях к руководителям, которые в основном имели партийные билеты.

Находясь в Гомеле, Совнарком и наркоматы главное внимание уделяли конкретным вопросам, соответствующим обстановке. Так, например, к строительству оборонительных сооружений было привлечено от 100 до 150 тыс. человек. Осуществлялись мероприятия по оказанию помощи армии в пошиве обмундирования, ремонте автотранспорта в машинотракторных мастерских, танков и вооружения в двух цехах Гомеля и в Мозыре. На Гомельском заводе «Двигатель Революции» ремонтировали пушки, на станкостроительном заводе производились минометы, на деревообрабатывающем комбинате – мины, ремонтировался обоз и изготавливались лыжи. Кондитерская фабрика «Спартак» готовила противотанковые «коктейли Молотова». Была налажена эвакуация предприятий и одновременно производство необходимой продукции, особенно продовольствия для нужд армии и населения. Фактически до момента прихода немецких войск осуществлялась уборка урожая и его сдача государству. СНК оказывал материальную и денежную помощь семьям мобилизованных в РККА, через своих представителей – помощь в обустройстве эвакуированных на новом месте жительства.

Согласно имеющимся архивным документам, в Гомельской области была проведена самая организованная эвакуация населения, в том числе беженцев из западных и центральных областей республики, а также основных предприятий и материальных ценностей. Для этого использовался огромный парк вагонов и автомобильного транспорта. Отвлечь их от военных перевозок в условиях боевых действий мог только орган с большими полномочиями и выходом на Москву. Это задачу успешно решило Бюро ЦК КП(б)Б.

Между военными и местными органами иногда возникали серьезные разногласия и конфликты. Так 29 июня секретарь Гомельского обкома КП(б)Б Ф. В. Жиженков дал телеграмму самому Сталину, в которой сообщил следующее: «Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава; уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу. Все это не дает полной возможности сделать сокрушительный удар по противнику и отбросить его, а, наоборот, создало сейчас большую угрозу для Гомельского участка фронта и тем самым создает угрозу прорыва противника в тыл Киевского участка фронта» [4, с. 124]. Кстати позже это и произошло.

В информации за 23 июля для ЦК КП(б)Б сообщаются следующие негативные факты: «Из Паричей и Бобруйска отступает 232-я дивизия численностью до 2000 чел. бойцов с на-

чальствующим составом. Все они без оружия. Они находятся сейчас возле Речицы. Нужно подослать оружие и высылать рев. трибунал. В лесу на правом берегу реки возле Речицы находится около 3000 коробок мин. Необходимо их вывезти» [5, с. 42].

Все эти и многие другие факты свидетельствуют о том, что, несмотря на военное положение и переход всей власти командованию частей, высшие партийные и местные органы:

– имели достаточно объективную информацию о положении дел, которая поступала регулярно из налаженной системы информирования;

– давали свою оценку и интерпретацию происходящим событиям, в т.ч. действию военных;

– сохраняли относительную независимость в принятии решений и информировании высших органов страны;

– указывали военным на имеющиеся проблемы и принимали участие в их решении.

Так, в личном донесении П.К. Пономаренко Сталину о развертывании партизанского движения в Беларуси 2 июля 1941 г. сформулированы важнейшие управленческие инициативы [4, с. 320]. Как известно, его предложение было реализовано на высоком уровне – через создание Центрального штаба партизанского движения.

Ежедневные информации об обстановке в прифронтовых Полесской и Гомельской областях показывают отсутствие паники в органах управления, спокойную констатацию фактов, в т. ч. боевых столкновений, организационную деятельность по различным направлениям. Удивительно, что гражданские руководящие органы останавливали военных дезертиров в больших количествах, пытались возвратить их на боевые позиции. Особое внимание уделялось снабжению воинских частей. Ставились, конечно, и нереальные задачи. Так, 19 августа, когда правобережная основная часть Гомеля была уже в руках у противника, 1-ый секретарь Гомельского обкома КП(б)Б Ф.В. Жиженков на совещании поручил руководству г. Гомеля закончить эвакуацию населения и имущества, обеспечить водоснабжение города, открыть два магазина для торговли. Скорее всего такие задачи ставились для отчета и оправдания перед вышестоящими органами, которые в условиях войны особо не церемонились с кадрами – отдавали под суд, наказывали, снимали с должностей.

Уже в начальный период войны ставилась задача сбора информации о поведении и зверствах немецких войск на захваченной территории. В информациях присутствовал специальный раздел «Поведение противника на занятой территории». Так И. Карпяков 31 июля сообщил в ЦК КП(б)Б: «В Паричском районе в дер. Мартыновка фашисты запрягли в телегу председателя колхоза Гусева и несколько пленных красноармейцев и заставили их перевозить раненых немцев. В м. Щедрине фашисты запрягают в телегу по 4 чел. евреев и заставляют возить сено. В Туровском районе фашисты проводят собрания крестьян, заставляют их силой оружия собирать урожай, заявляя: «Убранный урожай заберет Германия, а вас будем кормить печеным хлебом» [4, с. 59]. Данная информация использовалась в идеологической работе с населением и красноармейцами, в листовках и газетах. Она способствовала активизации сопротивления немецким захватчикам.

Изучалось также настроение населения на территории, занятой противником, факты дезертирства из рядов армии и сотрудничества с фашистами. При этом давались весьма откровенные оценки. Приведем для иллюстрации некоторые из них. В информации от 6–7 августа отмечалось: «…настроение с приходом немецких войск у большинства населения было подавленное. Отсутствие информации о действии Красной Армии порождало настроения панического характера» и «…среди коммунистов, оставшихся в тылу у противника, отдельные “коммунисты” оказались предателями. Ф. “Коммунист” из парторганизации торфзавода “Красная Беларусь” Жлобинского района скрывается от парторганизации и распространяет среди населения слухи, что немцы заняли Москву и нечего сопротивляться. Член КП(б)Б С., избач Лудчицкого с/совета Жлобинского р[айо]на, передал немцам список парторганизации, после чего немцы стали разыскивать отдельных коммунистов» [4, с. 74].

Анализ документов и воспоминаний непосредственных участников военных событий показывает, что управленческие решения принимались, как правило, при дефиците времени на подготовку и информационное обеспечение. Источники информации часто были в един-

ственном лице и не имели дублеров. Это сказывалось на содержании документов, в которых ставились общие, иногда нереальные, задачи, отсутствовали указания на источники материального и другого обеспечения. Но в целом действия органов управления свидетельствуют о том, что в Полесской и Гомельской областях они сыграли большую и положительную роль в организации жизнедеятельности населения и сопротивления немецким оккупантам. При этом необходимо отметить оперативность, объективность и адекватность многих принятых решений реальной обстановке.

В заключение необходимо подчеркнуть, что изучение сложнейших проблем управления в условиях военного времени является весьма актуальной исследовательской задачей. К ее решению должно быть привлечено внимание как профессиональных историков, так и специалистов по управлению различного профиля, что позволит ликвидировать многие «белые пятна» истории Великой Отечественной войны.

Литература

1.1941 год: Страна в огне: в 2 кн. / А.А. Коваленя (ред.). – М. : ОПМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2. Документы и материалы. – 720 с.

2.Сандалов, Л.М. 1941. На московском направлении / Л.М. Сандалов. – М. : Вече, 2006 – 576 с.

3.Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы : в 4 т. / В.И. Дашичев; Ин-т междунар.эконом. и полит.исслед. – М. : Наука, 2005. – Т. 3. – 607 с.

4.Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны. Документы и материалы / сост. : В.Д. Селемнев [и др.]; редкол. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2010. – 272 с.

5.Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. – Оп. 33а. – Д. 16. – Л. 46.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 19.06.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 94 (567):329

Партия национального единства Ирака: идеология и внутренний Устав

Худаир Дахам Али

Исследуется процесс становления Партии национального единства Ирака. Выявлены причины легализации партии, произведен анализ идеологической платформы партии и ее Устава.
Ключевые слова: Ирак, Партия национального единства, идеология, демократия, многопартийность.

The process of formation of the National Unity Party of Iraq is discussed. The causes of the Party legalization are revealed. The ideology and the Statute of the Party are analyzed.
Keywords: Iraq, National Unity Party of Iraq, ideology, democracy, multi-party system.

В данной работе раскрываются предпосылки разрешения со стороны правительства деятельности пяти партий, а также обстоятельства, вынудившие правительство возвратиться к многопартийности в Ираке. Особый акцент будет сделан на всех перипетиях, связанных с разрешением на деятельность Партии национального единства Ирака, формированию ее внутренней организации, а также самого процесса ее основания.

Итоги Второй мировой войны были определяющими для формирования послевоенной политики любого государства, независимо от того, находилось ли оно в числе победителей или побежденных. Правительства пытались перевести жизнь в стране на мирные рельсы, обеспечить контроль над внутриполитической жизнью и восстановить страну во имя подъема и процветания. Относительно демократии прочно утвердилось мнение, что именно демократические страны одержали победу в войне. В этом контексте Великобритания вынуждены была ослабить то давление, которое она оказывала на подчиненные ей народы накануне и во время войны. Все это сказалось непосредственно на Ираке, где начался переход к политике толерантности [1, с. 125].

Усилиями Совета знати и Палаты депутатов, а также других политиков, 27 декабря 1945 г. регент Абд аль-Илах выступил с посланием в парламенте, в котором говорилось следующее: «Ирак представляет собой свободное, независимое монархическое государство со своей внешней политикой, основанное Фейсалом Первым. Это основные столпы национальной политики. Любая партия или политическое образование могут выработать твердые правила, четко определяющие курс страны и направленные на службу стране и улучшение ее положения. Национальные партии, ранее лишенные такой возможности, представят нации свои проекты в ходе предвыборной кампании. Тот, кто волей народа, победит, и сформирует правительство, взяв на себя ответственность осуществить предложенный и поддержанный избирателями проект национальной политики» [2, с. 316].

Находившаяся у власти группировка рассматривала партии, заручающиеся поддержкой народа, как источник опасности для королевского режима, а кроме того, не обладала твердой уверенностью в жизнеспособности партийной системы [3, с. 40]. Отказ правительства, последовавший на требования партий разрешить открытие их филиалов в провинциях, привел к активизации национальных элементов, мобилизовав партии на получение этого разрешения [4, с. 21].

Несмотря на неподходящие условия и давление, которому подвергались национальные силы и политические партии, они воплощали демократические тенденции. На основании послания Абд аль-Илаха, регента королевства, они предприняли практические шаги по восстановлению партийной жизни. В результате 29 января 1946 г. Хамди аль-Баха распоряжением регента было поручено претворить в жизнь новую политику. 23 февраля 1946 г. премьер-министром Ирака второй раз был назначен Тауфик ас-Сувейди, что было встречено с одобрением национальными кругами и иракской прессой [5, с. 144]. 5 марта 1946 г. Тауфик ас-Сувейди представил свой кабинет Палате депутатов. Премьер-министр пообещал, что пред-

примет все усилия для развития мирной жизни в стране, в том числе, и для формирования партийной системы. Одним из первых шагов нового правительства была отмена цензуры, разрешение на издание новых газет, легализация профсоюзов [6, с. 80–81].

Правительство Тауфика ас-Сувейди приступило к политике либерализации, провозглашенной в послании регента 27 января 1945 г. 12 марта 1946 г. был утвержден кабинет министров, в который вошли Абд аль-Фаттах Ибрагим, Мухаммад Махди аль-Джавахири, Джамиль Кебба, Атта аль-Бакри, Адур Калийат, Муса аш-Шейх Ради, Муса Саббар. Чуть позднее к ним присоединился Назим аз-Зави [7, с. 113]. Они направили в Министерство внутренних дел требование о создании политической партии под названием Партия национального единства. К требованию был приложен проект внутреннего устройства партии и ее устав [8]. Министр внутренних дел профессор Саад Салих Джабар поспешил удовлетворить это требование и снял все ограничения, введенные против Партии национального единства и Народной партии. Этим шагом министр также хотел подчеркнуть, что в стране разрешена деятельность не только правых, но и левых партий. Важную роль в этом сыграла и Англия, которая в то время в большей степени была склонна поддержать левые элементы, участвовавшие в борьбе как против нацистской Германии, так и против националистического переворота в Ираке в мае 1941 г. [9, с. 204].

Распоряжением Министерства внутренних дел от 31.03.1946 г. № 4588 была разрешена регистрация Партии национального единства. Как уже было отмечено выше, это стало ответом на обращение Абд аль-Фаттаха Ибрагима и его сторонников от 12.03.1946 г. о необходимости основать политическую партию, которая принимала бы активное участие в политической жизни королевства. Было разрешено основать партию под названием «Партия национального единства» в Багдаде, а также открыть ее отделения в провинциях страны. 2 апреля 1946 г. было получено разрешение МВД на формировании уже пяти партий. Это: Партия национального единства, Народная партия, Партия свободы, Партия независимости и Национальная демократическая партия. Коммунистическая же партия Ирака предпочла работать через Партию национального единства и Народную партию [2, с. 320]. Этим партиям было разрешено проводить партийную работу, издавать газеты и другие периодические издания. Официальной газетой Партии национального единства стала газета «ар-Раи аль-Ам» («Общий взгляд»). Кроме того, партия издавала газеты «ас-Сияса – Лисан Халь аль-Хизб» («Политика – язык нынешнего положения партии») и «Саут ас-Сияса» («Голос политики») [8].

Первый съезд партии был проведен 28 апреля 1946 г., на которым были избраны члены Центрального комитета. Председателем партии был избран Абд аль-Фаттах Ибрагим [10, с. 60].

Политический курс партии. Партия использует конституционные методы борьбы для достижения следующих целей:

1. укрепление Ирака и его суверенитета, укрепление его связей с другими демократическими государствами на принципах равноправия и взаимной выгоды;

2. расширение демократических свобод и построение демократического гражданского общества;

3. укрепление национальных связей между Ираком и другими арабскими государствами, расширение сфер политического, экономического и культурного сотрудничества между ними; поддержка тех арабских государств, которые еще не получили независимость, в их борьбе за свободу, суверенитет; борьба против сионизма, который рассматривается как опасность, угрожающая арабским государствам; содействие решению палестинской проблемы на условиях независимости Палестины;

4. обеспечение равенства гражданских прав всех иракцев без различия национальности, вероисповедания или мазхабной принадлежности [11];

5. отмена всех законов и установлений, которые ущемляют демократическую природу личности и сообществ, включая свободу совести, слова, прессы и публикаций, собрания, свободу на деятельность партий и профсоюзов, свободу отправления религиозных культов;

6. укрепление демократических основ в управлении, укрепление независимости суда, обеспечение того, чтобы органы государственной власти работали во имя защиты общих и частных свобод, обеспечение правосудия для всех граждан [9, с. 205];

7. обеспечение свободных и прямых выборов на всех уровнях, начиная от общенационального и заканчивая местным;

8. унификация начального образования, введение всеобщего бесплатного обязательного начального образования, расширение среднего и высшего образования, возрождение духовного и национального наследия, распространение культуры и ликвидация неграмотности, забота о молодежи;

9. забота о всеобщем здравоохранении, обеспечение надлежащего ухода за больными через распространение сети учреждений здравоохранения и ухода в городах и сельской местности, обеспечение бесплатного здравоохранения для немощных граждан во всей стране, забота о здоровье матерей и детей [8];

10. стимулирование экономики страны через развитие национальной промышленности, ее защита, развитие национальных средств производства, механизация сельского хозяйства, стимулирование торговли, развитие ирригационных систем, расширение и улучшение транспортной сети и коммуникаций, поддержка мелких производителей и небольших промышленных проектов в городах и сельской местности, стимулирование создания производственных кооперативов, участие государства в реализации крупных промышленных проектов, защита экспорта Ирака от иностранных компаний-монополистов;

11. забота о рабочих, стимулирование процессов их объединения в профсоюзы, защита их прав, построение отношений между рабочими и работодателями на основе справедливости и национального блага [11];

12. забота о крестьянах, борьба с невежеством в их среде, поднятие их социального, экономического положения через защиту арендатора, упорядочение отношения между арендатором и владельцем земли на принципах справедливости и национального блага, облегчение доступа к необходимых орудиям производства через стимулирование создание крестьянских, потребительских и производственных кооперативов, создание государственных центров по разведению скота;

13. Национализация небольших земельных наделов, перевод кочевых племен к оседлости через конфискацию земель и племенных вождей и ее распределение среди крестьян и бедуинов, содействие им в переходе к оседлости, созданию деревень и сельскохозяйственных угодий;

14. забота о свободных ремесленниках и мастеровых, содействие процессу их организации в профсоюзы на основе кооперативов ради развития их мастерства. Укрепление их места в обществе, обеспечение для них достойных условий жизни;

15. забота о гражданах, их будущем, о развитии их потенциала через предоставление социальных услуг [12, с. 317];

16. обеспечение справедливости в налогообложении через расширение прямого налогообложения и прогрессивной налоговой школы с 1946 г. Снижение налогового бремени для мелких торговцев, а также лиц с низким доходом и невысокой покупательной способностью [11];

17. среди своих основных принципов партия считает содействие всем демократическим элементам и объединение их в одну партию во имя национального блага.

Данный политический курс в виде устава был утвержден решением Министерства внутренних дел от 02 апреля 1946 г. № 4591 [13, с. 285].

Таким образом, в своей программе партия подтвердила стремление к реформам всех сфер жизни в Ираке – политической, экономической, социальной и культурной. Это реформирование должно было улучшить положение народа, создать демократическое государство, в котором бы все граждане принимали участие в управлении. В политической сфере партия подтвердила приверженность независимости Ирака, а также необходимости выстраивать англо-иракские отношения на принципах дружбы, равенства и взаимной выгоды, с учетом балансов прав и обязанностей, что соответствовало принципам, провозглашенным ООН. Относительно арабской политики партия подтвердила курс на арабское единство, борьбу с сионизмом и поддержку палестинского народа.

Внутренний Устав партии представляет собой совокупность внутренних принципов, правил и норм поведения, а также текстов, их закрепляющих. Уставом партии определены условия приема новых членов, права и обязанности партийцев, способы и формы ее устрой-

ства, полномочия партийных органов, их задачи и взаимосвязь с вышестоящими и нижестоящими структурами. Партийные нормы и правила не являются чем-то незыблемым, они подлежат изменению и корректировке в зависимости от нужд и условий. Сам же устав сфокусирован преимущественно на теоретических позициях, исходя из идеологических и политических воззрений, определяющих роль каждого конкретного партийца в партийной и политической жизни [14, с. 584].

Как правило, партии, имеющие революционную доктрину, в своем уставе уделяют пристальное внимание партийному воспитанию своих членов, чтобы они могли играть активную роль в жизни и борьбе своей партии [14 с. 584]. С этой точки зрения Партия национального единства не является исключением, а ее Устав близок к уставам аналогичных революционных партий. Устав партии вместе с ее политическим курсом был представлен на утверждение в Министерство внутренних дел 12 марта 1946 г. и утвержден вместе с уставами других выше упомянутых партий 2 апреля 1946 г. [14 с. 585].

Сам Устав партии состоит из 13 статей. Первая статья подтверждает, что центральный аппарат находится в Багдаде, а в провинциях действуют отделения партии. Вторая статья гласит, что целью партии является построение с помощью конституционных средств истинно демократического общества. Третья статья предоставляет право любому желающему иракцу присоединиться к партии. Четвертая статья определяет, что Центральный комитет партии формируется на основе свободных выборов, а также разрешает свободные дискуссии между однопартийцами. Седьмая статья указывает на то, что решения партийных съездов и Центрального комитета являются обязательными для всех членов партии [15]. В девятой статье определен численный состав Центрального комитета – не более двадцати пяти человек, из которых должен быть выбран председатель, его заместитель, секретарь, сформированы политическая, административная и финансовая комиссии [15].

Статья десятая определяет порядок работы Центрального комитета до созыва первого съезда партии. Статья одиннадцатая определяет порядок работы и управления отделений партии, а также порядок представительства от регионов – по два делегата от отделения. В двенадцатой статье определены размеры партийных взносов – один динар в качестве вступительного взноса и четверть динара в качестве регулярного партийного взноса. Центральный комитет и отделения партии имеют право при необходимости освобождать того или иного партийца от уплаты этих взносов. Четырнадцатая статья определяет порядок финансирования партии. Это финансирование основывается на членских взносах, пожертвованиях, четверти доходов от деятельности, которой партия занимается, а также от доходов, приносимых ее имуществом [11].

Внутренний Устав был доработан в ходе Второй партийной конференции, которая прошла 27 марта 1947 г. Конференция подтвердила стремление партии включать в свои ряды представителей всех регионов Ирака. Изменениям подверглась третья статья, которая в новой редакции предусматривала, что любой иракец может стать членом партии, независимо от пола, если он не младше двадцати лет и не был лишен гражданских прав. Четвертая статья конкретизировала, что съезды партии должны созываться во второй половине апреля, а управленческие органы партии должны формироваться исключительно на основе выборов. Пятая статья утверждала, что внести изменения в политический курс и Устав партии может только съезд. В восьмой статье предписывалось, что Центральный комитет руководит партией в промежутке между съездами, а из его членов избирается председатель [15]. Статья девятая подтвердила, что Центральный комитет обладает всеми теми же полномочиями, что и партийная конференция, за исключением права вносить изменения в политический курс и внутренний Устав. Десятая статья указала, что заместитель председателя Центрального комитета избирается из числа членов политической комиссии. Одиннадцатая статья предоставила политической комиссии все полномочия, за исключением организационных и финансовых вопросов. Двенадцатая статья предусматривала, что председатель политической комиссии представляет партию перед государственными и международными органами, а также издает документы от имени партии. Тринадцатая статья предписывала, чтобы организационная комиссия занималась вопросами повышения культурного уровня партийцев, привлечением

новых членов партии, разбирала проступки однопартийцев, а также вела все необходимые реестры. Четырнадцатая статья гласила, что организационная комиссия должна избрать из числа своих членов председателя, а также секретаря. Подотчетной комиссия была Центральному комитету [15].

Статьи 16, 17 и 18 были посвящены вопросам работы представительств партии в провинциях. Так, статья 16 гласила, что местное представительство может быть открыто только по решению Центрального комитета, а число членов этого представительства должно быть не менее семи. Статья 17 гласила, что члены комитета представительства подчиняются Главному управлению представительств, а сами они должны избрать своего председателя и секретаря. Статья 18 наделяла Главное управление представительств правом назначать туда комиссии, которые бы занимались организацией финансовых вопросов представительств. Статья 19 предполагала, что если численность местного отделения партии не превышает 200 человек, то провинциальные комитеты должны сами назначать делегатов на партийный съезд. В противном случае, необходимо провести региональную конференцию во второй половине марта [15].

Статья 20 была посвящена финансовым вопросам деятельности партии. Редакция статьи подверглась изменениям. Месячный взнос был определен в размере 50 филсов, но различные партийцы уплачивали от 500 филсов до 22 динаров в год. Организационная комиссия и Главное управление представительств получили право освобождать тех или иных членов партии от уплаты этого взноса. Статья 21 регламентировала наложение взысканий организационной комиссией, однако эти взыскания вступали в силу только после утверждения Центральным комитетом. Взыскания на членов Центрального комитета мог накладывать только сам ЦК. Статья 22 регламентировала состав Центрального и провинциального комитетов. Их члены выбирались голосованием при условии набора большинства голосов. Статья 24 предусматривала, что если член комитета или комиссии три раза подряд не посещал их заседания без уважительной причины, то он покидал свой пост. Статья 25 оговаривала, что партия является юридическим лицом со всеми вытекающими из этого правами, связанными с владением и распоряжением имуществом. Статья 26 указывала, что при необходимости решения каких-либо спорных проблем, только постановления Центрального комитета являются обязательными. Статья 27 аннулировала прежний внутренний Устав партии [15].

Таким образом, Партия национального единства Ирака, чья деятельность была разрешена после Второй мировой войны, исходя из текстов ее политического курса и внутреннего Устава, стремилась к укреплению суверенитета страны, однако не указывала, какая должна быть форма правления. На основании всего этого Партию национального единства можно охарактеризовать как партию левого толка, которые стремились сменить форму правления в стране, выступали с позиций демократии и арабского единства, за упрочение отношений с демократическими странами, которые поддерживали арабский мир. К числу последних относился и СССР.

Партия выступала за равенство, поддерживала создание профсоюзов, требовала распределения земли между крестьянами, призывала к развитию образования. Правящий режим с недоверием и враждебностью относился к Партии национального единства, так как последняя будоражила массы. Даже само внутреннее устройство партии, предусматривавшей прямые и открытые выборы своих органов управления, находились в контрасте с политической ситуацией в Ираке. Правительство рассматривало Партию национального единства как прокоммунистическую силу, поэтому, даже несмотря на полученное разрешение вести политическую деятельность, партия оставалась под надзором служб безопасности.

Литература

1. Хейри, С. История современного революционного движения в Ираке. 1920–1958 гг. : в 2 т. / С. Хейри. – Багдад, 1974. – Т. 1. – 254 с.

2. Абд ар-Разак аль-Хасан. История кабинетов министров Ирака : в 10 т. / Абд ар-Разак аль Хасан. – Бейрут : Дар аль-Кутуб, 1978. – Т. 7. – 428 с.

3. Аль-Аттар, Х. Арабская Родина / Х. Аль-Аттар. – Багдад : Центр исследований политического развития, 1966. – 140 с.

4. Наджи, Р.Р. Национальное движение в Ираке в 1948–1958 гг.: дисс. … канд. ист. наук : 07.00.03 / Р.Р. Наджи. – Университет Айн аш-Шамс, 1977. – 230 с.

5. Абд ар-Раззак, М.А. Политическая энциклопедия Ирака : в 8 т. / М.А. Абд ар-Раззак. – Дар аль-Арабия ли-л-маусуат. – 1986. – Т. 6. – 457 с.

6. Баги, И.А. Развитие национального движения в 1941–1952 гг. / И.А. Баги. – Багдад : ар-Рашид, 1979. – 250 с.

7. Аль-Арид, М.Дж. Взгляд на современную политическую историю Ирака от британской до американской оккупации / М.Дж. Аль-Арид. – Багдад, 2012. – С. 113.

8. Газета «ар-Раи аль-Ам». – Багдад. – 1946. – 13 марта. – № 1475. – С. 1.

9. Аль-Хасани, А.-Р. История иракских партий : в 3 т. / А.-Р. Аль-Хасани. – Бейрут, 2013. – Т. 1. – 512 с.

10. Аль-Бури, Х.А. Исторический анализ политической среды иракских партий в 1946–1958 гг. / Х.А. Аль-Бури. – Багдад, 2012. – 198 с.

11. Газета «ар-Раи аль-Ам». – Багдад. – 1946. – 15 марта. –№ 1477. – С. 1.

12. Абд ар-Разак аль-Хасан. – Указ. соч.

13. Хамиди, Дж.А. Политическое развитие Ирака в 1921–1953 гг. / Дж.А. Хамиди. – Наджаф, 1976. – 376 с.

14. Аль-Кийали, А.-В. Политическая энциклопедия : в 7 т. / А.-В. Аль-Кийали. – Т. 6. – 723 с.

15. Газета «Саут ас-Сияса». – Багдад. – 1947. – 18 апреля. –№ 103. – С. 1.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 01.11.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

Филология

УДК 821.161.3'06 – 1 – 055.2(476.2)

Сучасная жаночая паэзія Гомельшчыны

М.І. Кірушкіна

На сучасным этапе развіцця культурна-эстэтычных адносін «жаночая паэзія» разглядаецца як адметная з'ява ў літаратурным працэсе. Патычныя тэксты паэтак Гомельшчыны – гэта шматгранны талент і крыніца самаадданай творчасці. Праблемна-тэматычную сферу жаночай паэзіі дадзенай рэгіянальнай прасторы складае эстэтычнае асэнсаванне ўнутранага свету, мастацкае даследаванне кода жанчыны, які ўключае космас душы, жыццёвую філасофію, маральна-этычныя арыенціры і рэфлексію на сучасную рэчаіснасць.
Ключавыя словы: Быццё, сінтэз, Радзіма, інтэлектуалізм зместу, паэтычная мадэль.

Some aspects of Modern feminine poetry of Gomel region are considered. Nowadays with the development of cultural-aesthetic relationship feminine poetry is viewed as an original phenomenon in literary process. Lyrics of Gomel poetesses are a versatile talent and a spring of selfless creativity. The problem-thematic sphere of feminine poetry of this region is aesthetic perception of the inner world, artistic research of the feminine code, which includes spiritual cosmos, philosophy of life, moral-aesthetic key points and reflection on contemporary life.
Keywords: existence, synthesis, Homeland, intellectualism content, poetic model.

Жаночая паэзія – выраз даволі ўмоўны. Актуальным падаецца пытанне пра творчую самаідэнтыфікацыю жанчын, іх эстэтычна-філасофскі досвед. Псіхалагічная матывацыя паэтак да аб'ектывацыі ў літаратуры суб'ектыўнага лірычнага пачатку разглядаецца ў межах дыскурсу. Аўтарская пазіцыя ў паэзіі такога кшталту набывае статус мастацкай аберацыі або прэтэндуе на суаднесенасць з прыгожай літаратурнай традыцыяй сучаснікаў-паэтаў, то бок мужчын. У якасці pro et contra існавання тэрміна «жаночая паэзія» прапануем меркаванні сучаснага літаратуразнаўства:

– у межах дыскурсу пра «жаночую паэзію» – катэгарычнае адмаўленне ад падзелу літаратуры па палавой прыналежнасці аўтара са сцвярджэннем, што літаратура можа быць толькі добрай або дрэннай або поўнае прызнанне паняцця яе культурнага феномена (І. Шматкова) [1];

– «жаночая паэзія» – гэта «феномен высокай культурнай велічыні». Раскрыццё жаночай суб'ектыўнасці абумоўліваецца шырынёй кругагляду аўтара, яго светапогляднымі пазіцыямі, магчымасцямі таленту (С. Калядка) [2];

– паэзія пра жаночую долю ўяўляе новую аўтаномію. «У сённяшняй паэзіі ёсць і "проста" паэткі – пераемніцы Арсенневай, Геніюш і Пфляўмбаўм, ёсць і бязмоўныя Фрузыны, ёсць і бабскія галашэнні ды сіратлівыя нараканні» (С. Дубавец) [3];

– беларуская жаночая паэзія – гэта «дакумент, які зафіксаваў гендарную асіметрыю пэўнай эпохі». Магчымасць пісаць адкрылася для саміх пісьменніц толькі ў другой палове XX ст., гэта вынік іх сумарнага творчага вопыту, што прывёў да большай адкрытасці, шчырасці пры самавыяўленні (Т. Фіцнер) [4].

Неўміручасць жаночага голасу ў мастацкай рэпрэзентацыі свайго лірычнага «Я» вызначыла шматаспектныя фармальныя пошукі сучасных беларускіх паэтак. Спецыфіка іх творчасці арыентавана не толькі на прадстаўленне свайго адметнага светабачання, але і на вызначэнне ўніверсальных мастацкіх уласцівасцей паэтычнага радка. Арыгінальнасць і значнасць феномена «жаночай паэзіі» можа абумоўлівацца ўласнай творчай канцэпцыяй паэтак і асаблівасцямі літаратурнага жыцця пэўнага рэгіёна.

Літаратурная сітуацыя на Гомельшчыны арыентавана на развіццё паэзіі. Натуральна, яна канцэнтруецца ў рэчышчы бязмежнай, адкрытай вершатворчасці жанчын. Індывідуальнасць мастацкага светапогляду, розныя культурна-мастацкія інтэрпрэтацыі канцэптаў, зварот да нацыянальных каштоўнасцей, даследаванне існага, адметная філасофія словатворчасці і мадэрнісцкія светаадчуванні складаюць мастацка-эстэтычную сістэму «жаночай паэзіі» дадзенай рэгіянальнай прасторы. «Гомельская femina» прадстаўлена абагуленым вобразам інтэлектуальнай прыгожай натуры. Лепшымі паэтычнымі традыцыямі і наватарствам вылучаецца творчасць В. Цярэшчанка, Л. Раманавай, А. Алешынай, Н. Шкляравай, Г. Новік і інш. Інтэлектуалізацыя зместу, умоўна-асацыятыўная вобразнасць, глыбокі ўнутраны пафас і разняволенасць вершаванай формы складаюць мастацкую аснову творчых пошукаў паэтак.

Наватарства творчасці асобных паэтак абумоўліваецца наступнымі спецыфічнымі асаблівасцямі:

– аналітычным даследаваннем філасофіі жыцця. Інтэлектуальнае асэнсаванне катэгорыі быцця рэалізуецца праз сцвярджэнне ідэі высокай духоўнасці;

– сінтэзам паэтычнага слова з мастацтвам. Уласная канцэпцыя рэалізуецца ў межах еўрапейскага эстэтычнага кантэксту;

– універсальным асэнсаваннем канцэпта Радзімы. Прыгажосць айчыннай прыроды спалучаецца з глыбокім філасофскім досведам.

Сучасная паэзія Гомельшчыны, якую прадстаўляюць жанчыны-творцы, адлюстроўвае жыццё і духоўна-эстэтычныя патрабаванні асобы. Дамінантныя рысы майстэрства ў перадачы пачуццяў і арыгінальны змест вершаў разгледзім на творчасці асобных паэтак.

«Чалавечая душа ад пачатку свайго існавання так і не атрымала адказу на пытанне: белае святло – што ж гэта такое?

– Белае святло – гэта нашае жыццё, – адказала Жанчына» [5, с. 10].

Ларыса Раманава спачатку як жанчына, а потым ужо паэтка аналізуе логіку быцця, сутнасць і патрэбы душы чалавека. У вершах паэтка даследуе загадку жыцця, асвятляе пытанні вечнага руху, вывучае сябе і свет. Л. Раманава схільна да філасофска-вобразнай трактоўкі рэчаіснасці. Ідэя творчасці – знайсці сэнс свайму існаванню. Жыццё, паводле паэткі, – гэта «неадбудаваны горад», дзе «самая вялікая моц // у прыгажосьці // у якой няма канца // якая ёсьць паміж намі» [5, с. 8]. Эстэтычны культ прыгожага ў вершах вызначае спецыфіку духоўнай атмасферы асобы ў сістэме іншых каштоўнасцей. Душа – субстанцыя, у якой закладзены неабмежаваны патэнцыял. Яна таксама накіравана на развіццё і таму яе знаходжанне ў целе можа быць неабавязковым: «Месьцяцца душы ў часовых прытулках – // у шкарлупінках дзён, у думках начных» [5, с. 20].

Згодна мастацкай тэорыі Л. Раманавай існаванне душы звязана з быццём, паколькі гэта таксама форма свядомасці асобы. Паэтка ўвасабляе думку, што цэнтрам быцця ёсць Бог: «Госпадзе // з-пад зямлі // над зямлёй <…> // Госпадзе // будзь са мной» [5, с. 56]. Тэндэнцыя звароту да Усявышняга і да формы паэтычнай малітвы ператвараецца ў вершатэксце ў дзейсны сродак мастацкай выразнасці. Змястоўнасць, эмацыянальнасць вершаваных радкоў апелюе да адзінства ўласнай самаарганізацыі і ўмоўнага лірычнага сюжэта.

Зварот аўтаркі да трансцэндэнтнага заўважны, бо «мроіцца тое // што немагчыма // сустрэць на зямлі» [5, с. 18]. Рэалізаваная ў вершах анірычная форма рэальнасці (сна) дазваляе лірычнай гераіне дакрануцца да боскіх істот і адначасова зразумець марнасць прывіднага шчасця:

Анёлы, аднак, праз сон заходзяць, бывае.
Штось дзівоснае творыцца ў сьне.
А на сьвітаньні – усё зьнікае:
Рай рассыпаецца ў цьмяным акне [5, с. 18].

Толькі ў сне лірычная гераіня перадае свае перажыванні, у выніку чаго паэткай паказваюцца імгненні і жаданні душы чалавека, яе эмацыйна-ўзрушаны стан.

Катэгорыя быцця рэалізуецца ў паэзіі Л. Раманавай з дапамогай вызначэння пэўных кодаў-сімвалаў.

Нябёсы – сінонім Раю, крыніца касмічнай сілы: «Нябёсы – побач // заўсёды – побач // кранаюся іх рукой // плаваю паміж плынямі // бываю месячным адбіткам // уначы на рацэ» [5, с. 7]. Дасягнуць нябёсаў – значыць авалодаць абсалютным спакоем і светам.

Свяча – вобраз духоўнага святла. Яна сімвалізуе чыстую і светлую душу чалавека. У вершатворчасці Л. Раманавай, згодна з хрысціянскімі абрадамі і традыцыямі, такая функцыя належыць іконе (верш «Сьвяча»).

Зорка кіруе лёсам асобы. Таму нараджэнне чалавека адзначаецца ва «ўмоўнай кнізе» боскіх дасягненняў: «сёння можна //цуд дзевяты са-ўтварыць // у Нябёсным Доме Сьветлым // зорку запаліць» [5, с. 21].

Паэтка імкнецца акрэсліць быццё чалавека і яго месца ў сусвеце. Л. Раманава прыйшла да высновы, што ў свеце ўсё ўзаемазвязана: усе прыродныя істоты нясуць у сабе часцінку чалавечай душы.

Як птушка, што ня мае крылаў,
Як рыба без плаўнікоў,
Як вада, што зь зямлі застылай
Прарываецца зноў і зноў,
Я цяку, і плыву, і падаю,
У падзеньні намацваю дно [5, с. 36].

Лірычная гераіня бачыць частку сябе ў рыбах і птушках. Дадзеныя вобразы ўдакладняюць гарманічную сувязь чалавека са светам прыроды, і ў гэтым выпадку жыццю надаецца працэсуальнае значэнне. Відавочная апеляцыя да першабытнага пантэізму. Аўтар свядома стварае карціну, дзе прыродныя элементы адухаўляюцца. У працэсе разгортвання асацыяцый падкрэсліваецца і значэнне вады – крыніцы самаго жыцця. А рух жыцця патрабуе ўсведамлення яго сэнсу. Пры гэтым Л. Раманава адзначае, што «у людзей жа іншы лёс // нарадзіцца каб не ведаць // хто цябе сюды прынёс» [5, с. 21]. Пошук сутнасці свайго існавання і яго зместу праяўляецца ва ўмовах вечнага светапазнання рэчаіснасці.

Паэзія Л. Раманавай ўвасабляе гарманічны пачатак: паэтка стварае сваё бачанне свету з аналітычным вылучэннем істотнага (душы) і рэпрэзентацыяй быцця.

Паэзію Ганны Новік вылучае сінтэз з мастацтвам. Праявы глыбокага лірычнага роздуму, шырокі спектр пачуццяў, што выкліканы імгненным захапленнем аб'ектыўнай рэчаіснасцю, складаюць паэтычную мадэль творчасці маладой аўтаркі. Арыгінальным з'яўляецца і аўтарскі падыход у фіксацыі вобразаў і адлюстраванні эмацыянальна-пачуццёвай сферы лірычнага твора:

Зоры апошнія з цюбіка выцісну,
Пэндзаль хай слізне па Сожы замерзлым.
Вам пасавала б, напэўна, сысці са сну
І ў календары паўжыцця перакрэсліць [6, с. 74].

Г. Новік выкарыстоўвае маляўнічую пластыку, а больш канкрэтна, – прыём «жывапіс словам». Выключнай падаецца прырода ў вершах паэткі. Гарманічнае існаванне прыродных стыхій нараджае эфект судакранання дзвюх плоскасцей – паэтычнай (мастацкай) і ўнутранай (асабіста-духоўнай): «З зямлёю неба зноў знітуе дождж // І ў думках запануе адзінота» [6, с. 14].

Пейзаж у вершатворчасці паэткі выконвае наступныя функцыі:

– пейзаж як галоўная і абавязковая крыніца ўражання. Напрыклад, для паэткі Сож з'яўляецца кропкай адліку агульнай карціны, што адлюстроўвае стан прыроды: «Зляталі долу жалуды // І кожны аж звінеў, бы пенязь… // На межах неба вады // Блукаў іскрысты белы ветразь // Ён у блакіце патанаў // А чайкі складвалі санеты» [6, с. 51].

– пейзаж як фон настрою:

Ноч на шыбы дыханнем лягла,
Мяккім, зорным ахутвала шалем, –
Ды адно не ставала цяпла,
Думкі поўніліся змучаным жалем [6, с. 38].

Манера паэтычнага майстэрства паэткі захоўвае своеасаблівыя рысы імпрэсіяністычнага жывапісу. Мастацкія вобразы вершаў ахоплены настроем суму і адзіноцтва:

Сумуе за акном каштан,
Зайшоўся вецер нізкай нотай.
Я пэндзаль абмакну ў туман,
Пазычу фарбы ў лістоты [6, с. 59].

Еўрапейскі мадэрнізм тлумачыць прысутнасць меланхоліі ў паэзіі нараджэннем ідэі вышэйшага мастацтва, дзе пачуцці выконваюць сэнсаваўтваральную функцыю. Жывапіс – гэта не толькі малюнак, а сукупнасць фарбаў, што сведчаць пра спецыфіку эмацыянальнага ўздзеяння прыродных аб'ектаў на свядомасць асобы. Дадзенае сцвярджэнне суадносіцца з паэзіяй, бо колер адлюстроўвае ўнутраныя перажыванні аўтара. Каляровая гама лірычных тэкстаў Г. Новік складаецца з цьмяных і цёмных адценняў (шэры асфальт, шэрая слота, цёмныя хвалі, прыцемак шэры, чакалятны каштан). Дамінантны ў вершах шэры колер стварае такую псіхалагічную афарбоўку, якая апелюе да разважлівых дзеянняў і сціпласці, а таксама выкарыстоўваецца ў якасці сродку абмежавання ад знешняга сацыяльнага свету.

У кожным вершаваным радку Г. Новік адчуваецца эстэтызм мастацкага мыслення. Эстэтыка – гэта сінонім мастацтва, а мастацтва – гэта і ёсць таямніца яе творчасці і жыцця. Лірычныя тэксты Г. Новік – гэта малюнак («Вясляр над Сожам дзень стракае новы // Сцяжыны. Лісце. Гмах царквы ў імгле…» [6, с. 68]), дзе кожны элемент успрымаецца як асобны артэфакт.

У вершатворчасці аўтара назіраецца даволі разнастайная рэпрэзентацыя тэмы восені. Восень стварае «пейзаж душы» маладой паэткі, жаданне-просьба якой наступная: «Ахіні мяне, восень // лістападам, дажджамі» [6, с. 19]. Адухаўленне прыроды ў вершах таксама падпарадкавана аўтарскай тэорыі – верш ёсць малюнак – «Крэмзаў дождж эпіграмы // Мякка прыцемкі крочылі // Ахіналі туманам» [6, с. 33]. Прадметы свету прыроднага выконваюць функцыю аўтарскай рэфлексіі.

Суб'ектыўна-эмацыянальная прастора вершаў паэткі супярэчлівая: спалучаюцца імгненне і бясконцасць, стваральная моц восеньскай прыроды і разбуральная энергія цёмнага вечару: «Праз сотню дажджоў // задухмяніцца восень // І рэкі ліхое // цячэнне суцішаць <…> А вечар сароміць // да чырвані дрэвы» [6, с. 15]. Для лірычнай гераіні восеньскі пейзаж – метафара яе настрою. Дождж, рака, вечар – сімвалы часу, што непрыкметна сыходзіць.

Такім чынам, у паэзіі Г. Новік рэалізаваны аўтарскі падыход да традыцый еўрапейскага мастацтва і своеасаблівая рэакцыя на сінкрэтычны характар сучаснай літаратуры.

Вынік эстэтычных разваг Алены Алешынай – гэта прывабна-прыцягальная прыгажосць прыроды, шлях дадому і любоў да Радзімы. Дамінантнае месца ў творчасці паэткі займае вобраз роднага Гомеля, які спалучае пранікнёную музыку краявідаў і дарагія сэрцу куткі:

Гомель – ты мая буслянка,
І ўтульны, і прыгожы,
Быццам бусел калыханку
Кран спявае па-над Сожам [7, с. 4].

Modus vivendi лірычнай гераіні – гэта ўспаміны, што ўвасабляюць гармонію паміж светам інтымным (духоўным) і светам навакольным. Суаднесенасць са знешнімі рэаліямі вызначае аб'ектыўны характар пры перадачы аўтарскага светаўспрымання, дзе значэнне набывае топас роднага дома: «Благаславі мяне, мой родны дом // Я заўтра адпраўляюся ў дарогу» [7, с. 7]. Апеляцыя да ўсяго роднага тлумачыцца паэткай праз рацыянальнае асэнсаванне свету, глыбокае даследаванне сутнасці быцця. Стыль жыцця лірычнай гераіні – вар'іраваць у рэчышчы сваіх успамінаў.

Істотным з'яўляецца ў паэзіі рэалізацыя матыву аб вечным вяртанні дадому:

Абдымкі раскрывае мне Сусвет,
Я чую хор адладжаны вятроў,
Які заве мяне ўдалеч зноў…[7, с. 8].

Неспазнаны космас душы лірычнай гераіні патрабуе судакранання з прыродай родных мясцін: «Любіла я аблокі тыя сінія // Любіла сваю родную зямлю // Квітнела кветкаю // Чароўнаю, дзіўнаю» [7, с. 11]. Вера ў справядлівасць жыццёвых каштоўнасцей складае праблемна-тэматычную сферу і ўнутраны пафас паэзіі.

Творчая канцэпцыя А. Алешынай складаецца з уласна перажытага, асэнсаванага і памастацку ацэненага. Яе вершы, на першы погляд, простыя, але глыбокія, максімальна адкрытыя. Натуральна, вялікае і каштоўнае для паэткі бачыцца на адлегласці: «Шляхі. Дарогі // І сцяжынкі // Маё жыццё // Як блытанка надзей…» [7, с. 36].

У паэзіі А. Алешынай канцэпт радзімы ўспрымаецца моцнай стваральнай сілай, якая гарантуе асобе індывідуальную неўміручасць і адначасова гармонію зменліваму свету яе душы. Нацыянальны тып мыслення паэткі, пошук сябе і маральна-этычных арыенціраў пазітыўна арганізуецца ў вобразна-выяўленчай сістэме яе вершатворчасці.

У паэзіі аўтаркі прысутнічаюць і матывы паўсядзённай і бытавой канкрэтыкі. Паэтка стварае лагічныя жыццёвыя сітуацыі, у якой адлюстроўвае свет асабістых пачуццяў, але і ўвасабляе шчаслівыя моманты з жыцця людзей.

А на покуце
Маці ў клопаце
І з рукою
Пад шчакою.
Побач ахае
Сват са свахаю –
Малады збег
З маладой [7, с. 15].

Паэзія А. Алешынай характарызуецца сінтэзам традыцыйнай словатворчасці і рэпрэзентацыяй нацыянальных каштоўнасцей. Вобразы прыроды, роднага дома і мясцін інтэгрыруюцца ў эстэтычна-мастацкую парадыгму сучаснага паэтычнага мастацтва.

Такім чынам, сучасная жаночая паэзія Гомельшчыны мае наватарскі характар: у вершатворчасці паэтак увасоблены сінтэтычны характар мастацтва, глыбокі жыццёвы роздум і нацыянальныя стэрэатыпы. Крэатыўнае выкарыстанне розных эстэтычных традыцый сучаснай літаратуры ў творчасці абумоўлівае наяўнасць розных вытлумачэнняў спецыфікі мастацка-эстэтычнай сістэмы аўтараў.

Літаратура

1. Шматкова, І. Беларуская жаночая паэзія: да пытання эвалюцыі / І. Шматкова // Полымя. – 2011. – № 12. – С. 88–97.

2. Калядка, С. Беларуская сучасная жаночая паэзія : мастацкія канцэпцыі «жаночага шчасця» / С. Калядка. – Мн. : Бел. навука, 2010. – 163 с.

3. Дубавец, С. «Жаночая паэзія» / С. Дубавец // Вершы. – Мн. : «Медысонт», 2007. – С. 13–24.

4. Фіцнер, Т. Гендарны аспект у беларускай літаратуры XX ст. / Т. Фіцнер. – Гомель : Выдавецтва УА «ГДУ імя Ф. Скарыны», 2005. – 244 с.

5. Раманава, Л. Птушкі і рыбы: Паэзія / Л. Раманава. – Мн. : Беларускі кнігазбор, 2004. – С. 56.

6. Новік, Г. Сумёты агню: вершы / Г. Новік. – Мн. : Ковчег, 2010. – 110 с.

7. Алешына, А. Воленка: Вершы на беларускай і рускай мовах / А. Алешына. – Гомель : РПУП «Полеспечать», 2001. – 64 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.09.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.111'37(045)

Сходства и отличия в структуре семантического и ассоциативного метеополей

А.В. Красник

Отражены результаты сравнительного анализа структуры семантического и ассоциативного метеополей английского языка. Описана структура обоих полей; выявлена общность базовой языковой единицы; общность ядерной лексики; а также общность парадигматических отношений между единицами поля, подчеркивающими системность метеолексики и ее связь с общей лексической системой языка. Данные ассоциативного эксперимента и ассоциативного словаря позволили дополнить структуру поля, указав на внешние связи с полями времени, пространства, небесных тел, жизни.
Ключевые слова: семантическое поле, ассоциативное поле, структура поля, типы отношений лексических единиц, внутренние и внешние связи лексических единиц поля.

The results of the structural comparison of semantic and associative fields are revealed. The structure of both fields is detected. They are characterized by the similarity of the basic linguistic unit, the similarity of the core lexicon, the similarity of paradigmatic relations that indicate the systematic character of meteorological lexicon and its connection with the whole language system. Associative data of the experiment extend the field structure and reveal the indirect links of the meteorological field with the field of time, space, celestial bodies and life.
Keywords: semantic field, associative field, field structure, types of relations of lexical units, direct and indirect links of lexical units.

Всё большую значимость приобретают вопросы о том, какие психические процессы и механизмы обеспечивают функционирование языковой способности человека. Изучение поля становится важным для такого рода исследований, так как поле является главной структурой, организующей тезаурус языка. Каждое поле связано с другими полями языка и в совокупности с ними образует языковую систему.

Целью данной статьи является выявление сходств и отличий в структуре лексико-семантического и ассоциативного метеополей в современном английском языке на основе описания языковых средств их объективации, сравнение внутренних связей между данными метеополями и внешних связей с другими полями. Выявление самой структуры семантического и ассоциативного метеополей, а также установление внутренних и внешних лексических связей рассмотрено в статьях автора в Вестнике МГЛУ и ВПЛ [1]–[3].

Семантическое поле – совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) признака, объединяющего все единицы поля, и наличие частных (дифференциальных) признаков, по которым единицы поля отличаются друг от друга [4, с. 8]. Одним из основных признаков любой полевой структуры является членение ее на ядро и периферию.

На основе общих интегральных сем в структуре семантического метеополя (схема 1) выделены микрополя *атмосферные явления в воздухе, атмосферные явления на воде, атмосферные явления на земле, катаклизмы, метеотермины*. Микрополе *атмосферные явления в воздухе* с ядром *воздух* является наиболее многочисленным, так как одним из главных компонентов значения погоды является атмосфера, т.е. воздушное пространство вокруг земли. В состав данного микрополя входят группы слов, объединенные словами *ветер, осадки, температура, небо*. При этом каждая из таких групп также представляет собой микрополе с одноименным ядром. Микрополя *атмосферные явления на земле* и *атмосферные явления на воде* состоят из ЛЕ, означающих результат погодных явлений на земле (например, *mud, puddle, snowdrift*) и на воде (например, *waterspout, ripple, calm*). Природные катаклизмы представляют собой отклонение от нормы в проявлении погодных явлений (например, *drought, flood, earthquake*). Метеорологические термины также образуют микрополе *meteorological terms*, так как данные лексемы участвуют в описании погодных явлений.

Схема 1 – Семантическое метеополе

Под ассоциативным полем мы, вслед за А.П. Клименко, понимаем все слова-реакции на заданное слово-стимул [5, с. 19]. Ассоциативное поле также строится вокруг некоторой базовой единицы, объединяющей все ассоциаты.

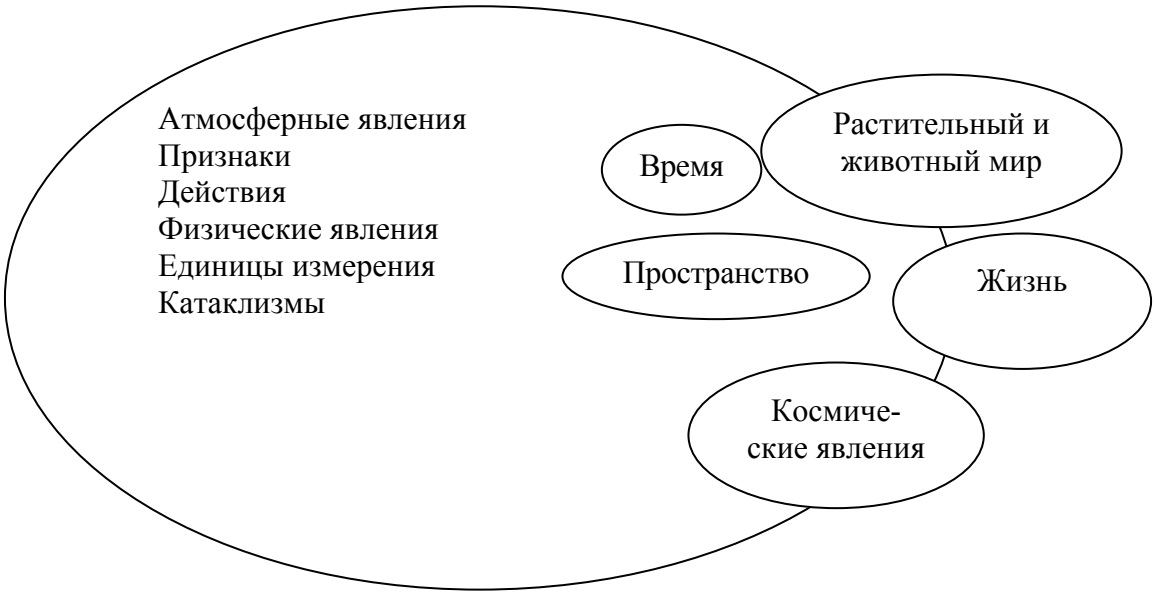


Схема 2 – Ассоциативное метеополе

Ассоциативное метеополе (схема 2.) характеризуется наличием смыслового ядра и рядом групп ЛЕ, наполняющих эту структуру. Концептуально значимыми признаками, определяющими ядерную семантику ассоциативного метеополя являются атмосферные явления, их признаки и действия, а также физические явления, сопровождающие осадки и измерительные средства, например, *snow, wind, rain, cold, wet, white, fall, blow, rainbow, noise, drop, flash, bolt* и другие. Это в большей степени слова, обозначающие погодные явления в воздухе (а именно осадки и ветер), как наиболее типичные, так как большая часть погодных явлений происходит непосредственно в воздухе.

Как справедливо отмечают в своей статье В.Е. Гольдин и А.П. Сдобнова [6, с. 57], при сравнительном исследовании системного («лексикографического») и психолингвистического значения должны обнаруживаться не только существенные различия между ними, но и не менее существенные соответствия, которые могут обнаруживаться в процессе такого анализа, при котором системное значение рассматривается сквозь призму психолингвистического, психолингвистическое – сквозь призму системного.

Сравнивая структуру обоих полей, в первую очередь следует отметить общность базовой языковой единицы, представляющей изучаемый нами метеорологический концепт в наиболее общем виде. Слово-идентификатор семантического поля, значение которого входит в качестве семы в структуры значений других членов поля, и базовая лексическая единица ассоциативного поля в нашем случае совпадают. Словарная дефиниция [7] слова *weather* (*Weather = atmosphere condition (wind + precipitation (rain, snow, hail, dew, etc.) + temperature) + particular place + particular time*) позволяет объединить лексические единицы (ЛЕ) в единое поле и указывает на их центральное положение в поле. Объективно, лексические единицы *climate* и *season* составляют синонимическую цепочку со словом-стимулом, в основе которой лежит признак атмосферных условий, и объединяют все реакции поля. Отличие между данными лексическими единицами по данным толкового словаря [7] заключается в том, что в значении *climate*, в отличие от значения *weather*, отсутствует компонент время, так как климат носит перманентный характер. Это долговременные погодные условия, которые различаются в зависимости от территории их протекания. Климатические условия, конечно, могут меняться, но на это требуется намного больше времени по сравнению с погодой. Для значения же *season* важным компонентом является изменения времени: четыре сезона циклично сменяют друг друга, показатель места остается одним и тем же. Считаем правомерным рассматривать в качестве объединяющего центра и базовой лексической единицы поля трехкомпонентную структуру *weather-climate-season*.

Из общности базовой лексической единицы следует общность ядерной лексики полей. Признак *атмосферные явления*, отраженный в дефиниции слова *weather*, является основополагающим при наполнении структуры поля. Отличия заключаются в том, как сгруппированы слова внутри поля. Внутренняя организация семантического метеополя строится не вокруг какого-либо одного центра, а вокруг нескольких: *атмосферные явления в воздухе, атмосферные явления на воде, атмосферные явления на земле, катаклизмы, метеотермины.* Признаки и действия атмосферных явлений, а также физические явления, сопровождающие осадки и измерительные средства, входят в состав соответствующих групп. Ассоциативное метеополе характеризуется наличием одного смыслового ядра. Лексические единицы, обозначающие атмосферные явления в воздухе, на земле и воде, объединены в одно целое и вместе с признаками, действиями, физическими явлениями, единицами измерения и катаклизмами наполняют структуру поля. Однако это не означает, что в структуре ассоциативного метеополя нельзя проследить иерархию поля. Так же, как и в семантическом метеополе, основными отношениями лексических единиц в ассоциативном метеополе являются родо-видовые отношения. Ядерный слой представлен наиболее общими в погодном отношении единицами с последующим разветвлением к периферии (например, *wind→hurricane→tornado→breeze→tempest; fog→mist→smog→pea-souper*). Группа катаклизмы в обоих полях совпадает, а вот отсутствие метеотерминов в структуре ассоциативного метеполя, составивших 1% по данным ассоциативного словаря [8] и полное их отсутствие по данным САЭ, указывают на доминирующую роль эмоционально-оценочного фактора при восприятии погоды в сознании англичан.

Как справедливо отмечают И.А. Стернин и А.В. Рудакова [9, с. 100], «психолингвистическое значение обычно шире и объемней, нежели его лексикографический коррелят (который, как правило, целиком входит в психолингвистическое значение, хотя его компоненты могут занимать в психолингвистическом значении разное место по яркости)». Исследования психологически реального значения с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить системность самого образа сознания, который стоит за словом, т. е. системность тех знаний, которые та или иная культура транслирует всем своим членам через значение.

Таким образом, важным уточнением в структуре ассоциативного метеополя, на наш взгляд, является выделение смежных лексико-семантических полей «Время» и «Пространство» для обозначения различных метеорологических процессов и явлений. Будучи универсальными формами восприятия действительности, признаки «локализованности» и «темпоральности» представлены уже в самом определении погоды. Они играют существенную роль в структуре метеополя, а именно входят в него, а не просто пересекаются.

Связь понятий 'погода' и 'время' обусловлена тем, что в сознании англичан время осознается как фон для различных природных, погодных событий, например, реакция *morning* на слово-стимул *dew,* реакция *March* на слово-стимул *rain, December – fog*, *day – gale, winter – wind, summer – breeze,winter – frost.*

Связь понятий 'погода' и 'пространство' выражена в ЛЕ, обозначающих воздушную, земную и водную среду, а также результат проявления погодного условия в какой-либо из сред (например, реакции *land, fields, desert, mountain, ocean, sea, river Thames, puddles, slush, mudslides*).

Еще одним структурным уточнением является местоположение лексико-семантической группы, обозначающей небесные тела. В семантическом метеополе ряд лексических единиц, обозначающих небесные тела, был включен в микрополе *атмосферные явления в воздухе.* Данные ассоциативного словаря и САЭ позволяют указать на прочную связь метеополя с астрономическим полем (например, *sun, satellite, sky*). Эта связь проявляется опосредованно, и связующим звеном между ними являются «Пространство» и «Время». Одним из главных компонентов значения погоды является воздушное пространство вокруг земли, т.е. атмосфера. Небо и небесные тела не являются непосредственной составляющей атмосферы, но отражают ее восприятие человеком. Время же наполнено реалиями и событиями природы. Небесные тела можно наблюдать на небе в определенное время суток: солнце – днем, луну, звезды, спутники – ночью.

Полученные ассоциативные данные позволили внести в структуру поля еще одно дополнение – выделение в качестве объектов влияния погоды групп лексики *растительный и животный мир* (например, *bare trees, insects, dog, mammal, plants*), и особенно группу *жизнь* (например, *traffic jams, holidays, headache*), которые указывают на связь с одноименными смежными полями. Поле «Жизнь» является наиболее многочисленным из всех смежных полей, пересекающих метеополе, а также наиболее разнообразным по составу ЛЕ: данные реакции в наибольшей степени помогают выявить национальную специфику изучаемого поля (например, реакции *hot tea, books, reading* на слово-стимул *rain*, *snowballs* и *snowman* на слово-стимул *snow* указывают на привычное времяпрепровождение в определенную погоду).

Погодная лексика характеризуется различными связями, что обеспечивает внутренние связи лексических наименований. Следуя лингвистической традиции, вербальные ассоциации принято делить на три основных типа: синтагматические, парадигматические и тематические. Как уже было отмечено, парадигматические связи, когда слова отличаются не более чем по одному семантическому признаку, представлены в обоих полях. В первую очередь выделяются родо-видовые отношения. Так, например, реакция *weather*, является гиперонимом для гипонимов, обозначающих наиболее типичные для англичан явления погоды: *rain, snow, fog, mist, wind, storm, frost, thunder*. Реакция *wind* является гиперонимом для гипонимов *breeze, gale/s, hurricane/s, tempest, whirwind*, реакция *rain* является гиперонимом для гипонимов *sprinkle*, *drizzle*, *downfall*. Можно выделить такие видовые реакции, как, например, *autumn, spring, summer* для гиперонима *year,* гипонимы *May, November* для гиперонима *month.* К парадигматичеким отношениям также относятся синонимические отношения (например, *cold – wintry, frosty – wintry, mist – fog, dry spells – clear spells*), антонимические отношения (например, *dry spells – rain, dry spells – showers*).

Выделенные в ассоциативном метеополе парадигматические реакции позволяют, подобно семантическому полю, установить иерархическую структуру поля и расширить ее с помощью синонимов и антонимов.

Помимо парадигматических реакций, в структуре поля были выделены синтагматические и тематические реакции. Синтагматические реакции представлены различными типами: R (прилаг.) + S (сущ.), например, *awful weather, balmy breeze*; S (сущ.) + R (глаг.), например, *wind blow*(s)*, rain pour*(s); R (глаг.) + S (сущ.), например, *battle* (with) *storm, gaze* (at) *star*; R (нареч.) + S (сущ.), например*, above sky, early dew*; R (местоим.) + S (глаг.), *it storm*(s); R (числ.) + S (сущ.),

например, *four season*(s); S (сущ.) + R (сущ.), например, *weatherman, snowball*. Они в некоторой степени определяют значения ЛЕ, входящих в ассоциативное поле, позволяя разделить их по оттенкам значения на положительные, отрицательные и нейтральные. Погода представляется скорее холодной и изменчивой (например, *cold, wet, nasty, changeable*), нежели жаркой и знойной, с ветрами и туманами, а также значительным количеством осадков в виде дождя и снега. Это свидетельствует о том, что на характере ассоциаций сказываются географические условия проживания.

Тематические реакции относятся к одной теме или одному кругу представлений, что и стимул, например, реакция *umbrella* на стимул *rain*, *plane – sky, hair – breeze, ski – snow, roof – rain, ride – weather, lighthouse – fog, holidays – weather, beach – wave*. Тематические реакции, превосходящие в количественном отношении два других типа, дают возможность предположить, что структура ассоциативного метеополя шире, чем структура семантического метеополя. Характер тематических реакций указывает на связь с другими полями (например, времени, места, природных катаклизм, космических явлений, быта, культурных традиций), которые так или иначе зависят от явлений погоды. Подобного рода реакции, выделенные в процессе изучения структуры ассоциативного поля и средств его объективации, крайне важны, так как формируют так называемый фон «живого знания как достояния человека», лежащего за словом и «переживаемого как слитое с продуктами переработки многообразного опыта и всегда включённого во множество связей и отношений, вне которых не может восприниматься и опознаваться окружающий нас физический и социокультурный мир [10, с. 12]».

Сравнительный анализ структуры семантического и ассоциативного метеополей позволил, с одной стороны, выявить соответствия между отдельными компонентами, не разрушающими ее целостности. Общность базовой единицы, а также общность организации лексических единиц внутри полей, вступающих в парадигматические отношения, подтверждают положение о лексической системности языка. С другой стороны, выявлены существенные дополнения структуры метеополя. Выделение смежных лексико-семантических полей «Время» и «Пространство», уточнение местоположения астрономического поля, выделение в качестве объектов влияния погоды групп лексики «Растительный мир», «Животный мир» позволяют расширить структуру поля и отражают реально существующие и проявляющиеся в речевой деятельности человека значения. Тематические ассоциации, выделенные при помощи ассоциативного эксперимента, позволяют указать на специфику отражения исследуемого концепта в языковом сознании носителей английского языка.

Литература

1. Красник, А.В. Лексико-семантическая структура поля «Погода» в английском языке / А.В. Красник // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2012. – № 1 (56). – С. 63–71.

2. Красник, А.В. Структура ассоциативного поля «Погода» в английском языке / А.В. Красник // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. – 2012. – № 3 (58). – С. 45–51.

3. Красник, А.В. Ассоциативные связи в структуре метеополя английского языка по данным свободного ассоциативного эксперимента / А.В. Красник // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 1 (23). – С. 191–198.

4. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. – М.-Л., 1974. – С. 6–11.

5. Клименко, А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб. пособ. / А.П. Клименко. – Минск : МГПИИЯ, 1974. – 108 с.

6. Гольдин, В.Е., Сдобнова, А.П. «Словарное» и «психолингвистическое» представление значений: поиски соответствий / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 4 (22). – С. 56–67.

7. Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.oxforddictionaries.com. – Дата доступа : 26.07.2014.

8. The Edinburgh Word Association Thesaurus [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.eat.rl.ac.uk. – Дата доступа : 14.09.2011.

9. Стернин, И.А., Рудакова, А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – «Ламберт», 2011. – 192 с.

10. Залевская, А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2013. – № 1 (17). – С. 8–20.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 29.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.161.1'37:398.91

Функциональная связь оценки с элементами структуры ценностных ориентаций (на материале паремий)

Е.В. Ничипорчик

Доказывается тезис о корреляции функций оценки с элементами структуры ценностных ориентаций. Оценка прямо или косвенно выявляет направляющую компоненту ценностных ориентаций; способствует формированию осознанных мотиваций и подвигает к принятию решений, вскрывая ценностный смысл вещей и определяя влияние избранных моделей поведения человека на удовлетворение его потребностей.
Ключевые слова: оценка, ценностные ориентации, паремия, структура, значение, смысл, интенция, функция.

The thesis on correlation between estimation functions and elements of structure of value orientations is proved. The estimation directly or indirectly reveals the guiding component of value orientations; promotes formation of deliberate motivations and pushes towards decision making, exposing the value meaning of things and determining the influence of chosen models of human behavior on meeting his needs.
Keywords: estimation, value orientation, proverb, structure, meaning, sense, intention, function.

Каждое отдельное ценностное отношение, выражаемое посредством языка, «существует на фоне определенной предрасположенности – ценностной ориентации, базирующейся на общественно-историческом опыте человечества и личном опыте, интегрированном в сознании каждого человека» [1, с. 155–156]. Это означает, что любая паремия, в которой объективируется ценностное отношение, имплицирует ценностные ориентации членов культурного сообщества.

Ценностные ориентации, содержание которых, по мнению философов и социологов, составляют представления о целях, мотивах и способах включения человека в структуру бытия, определяют избирательное отношение ко всему сущему, оценку атрибутов жизненного мира человека и его поведение в целом [2, с. 1199], [3, с. 162]. Из данного положения следует, что и оценка, которая объективирует ценностные отношения в содержании паремий, и речевое действие, в котором реализуется смысл той или иной паремиологической единицы при ее конкретном речевом употреблении, есть воплощение ценностных ориентаций создателей паремий и, соответственно, того, кто, употребляя ту или иную паремию в речи, разделяет ценностную позицию ее продуцентов.

Важнейшей характеристикой оценки признается ее целеориентированность[1]. Очевидно, что целеориентированность оценки обусловлена связью оценки, прежде всего, с направляющей компонентой ценностных ориентаций, то есть самой ценностью.

Действительно, с логической точки зрения в оценочной структуре обязательным ее компонентом выступает объект оценки [4, с. 22, 24]. Это не означает, тем не менее, что в паремии, реализующей оценочные значения, объект ценностного отношения должен быть непременно обозначен, не означает также и того, что объект ценностного отношения, выражение которого составляет предельный смысл паремии, и объект оценки, представленный в поверхностной структуре предложения, совпадают.

Наблюдения показывают, что паремиологические выражения, в которых имя ценности занимает крайнюю левую позицию в структуре, то есть представляет «прагматический пик» высказывания, а «фокус интереса говорящего»[2] составляет итог общей безотносительной

---

[1] Н.Д. Арутюнова пишет: «Мир представляется оценкой как среда и средство для человеческого бытия. Она не может быть независима от человека, и, если жизнь Человечества имеет цель, оценка явно или неявно подчинена этой цели. <…> В идеализированную модель мира входит и то, что уже (или еще) есть, и то, к чему человек стремится, и то, что он воспринимает, и то, что он потребляет, и то, что он создает, и то, как он действует и поступает; наконец, в нее входит целиком и полностью сам человек. Более всего и наиболее точно оцениваются человеком те средства, которые ему нужны для достижения практических целей. Оценка целеориентирована в широком и узком смысле» [5, с. 181].

[2] Данные термины для описания семантики паремий с позиций референциально-ролевой грамматики предлагает применять О.Б. Абакумова [6].

оценки, не типичны для паремиофондов: *Хлеб да пирог и во сне добро*; *Навука – добрая штука*; *Ogni principio è buono* (Каждый принцип хорош); *Was man teuer kauft, ist gut* (То, что дорого стоит, хорошо)[3]. Не типичны такие выражения и для языка вообще: «“Чистые” описания и “чистые” оценки довольно редки, большинство языковых выражений носит двойственный, или “смешанный”, описательно-оценочный характер» [7, с. 160–161]. Причина кроется в том, что «ценность в подавляющем большинстве случаев выступает как свойство» [1, с. 13] и в ценностном отношении «существует особый характер связи человека с окружающим миром: субъект осознает не сами по себе вещи, а их влияние на свою жизнь» [1, с. 11–12]. Именно поэтому малоинформативные структуры со значением абсолютной общей оценки значительно уступают по численности паремиям, в которых ценности определяются с точки зрения их свойств. Оценки в последнем случае «слиты» с квалификативными характеристиками объектов. Обращает на себя внимание и то, что данные характеристики непосредственно (в словах, характеризующихся наличием оценочно маркированных сем) либо косвенно (воплощаясь в метафорических сценариях и раскрываясь в разного рода связях, предполагающих выведение оценочных смыслов с опорой на знание ценностной картины мира) сообщают о том, какие потребности человека могут быть удовлетворены при ориентации на признанные обществом ценности либо, напротив, какими негативными последствиями может обернуться для человека игнорирование этих ценностей: *Добро не горит, не тонет*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*; *Добрае слова не забываецца*; *За цярпенне дае Бог спасенне*; *Chi ha pazienza, ha gloria* (Кто имеет терпение, имеет славу); *Una vita senza speranza è una vita di sofferenza* (Жизнь без надежды – мучительная жизнь); *Le buone maniere ti fanno sposare* (Хорошие манеры приведут к женитьбе); *Arbeit gewinnt Feuer aus Steinen* (Труд добывает огонь из камней); *Ehre verloren, alles verloren* (Потерять честь – все потерять).

Если вменяемая ценность не находит непосредственного обозначения в поверхностной структуре паремии, утверждаемый ценностный смысл выводится логически. Однако и в этом случае выражению ценностного отношения к имплицитно представленной ценности способствует оценка. Объектом оценки в таких паремиях выступает не сама ценность как таковая, а иные объекты – человек либо все то, что олицетворяет человека. К примеру, в паремиях *Руки в боки, глаза в потолоки*; *Глумилась верша над болотом, да сама туда же пошла*; *Высоко летаешь, да низко садишься*[4]; *Дзьмецца, як не парвецца*; *Яму гавары, а ён бровы дагары*; *Хто высока заглядае, той нізка сядае*; *Chi più vuota ha la testa, più degli altri alza la cresta* (У кого пустая голова, тот выше других поднимает гребень); *L'asino che si vanta, auguragli una caduta* (Бахвалящийся осел предвосхищает свое падение); *Chi va tropo in alto, casca in fosso* (Кто слишком возносится, валится в яму); *Wie gern säh' man jeden stolzieren, könnt' er das Pfauenrad vollführen* (Возгордился, как павлин, раскрывший хвост); *Dünkel geht auf Stelzen* (Спесь ходит на ходулях); *Wer hoch steigt, fällt tief* (Кто высоко поднимается, низко опускается) – утверждение ценностного смысла скромности находит выражение в уничижительных портретных характеристиках высокомерных людей, в описании негативного «исхода» поведения спесивых.

Структуры, в которых находит воплощение оценка, столь же разнообразны, как разнообразна вообще синтаксическая организация паремий любого языка, и системное описание способов реализации оценки в паремиях может составить задачу отдельного исследования, для проведения которого потребуются усилия целого коллектива.

В настоящее время значительно активизировалось внимание паремиологов к описанию средств выражения оценочных значений в паремиях [8], [9], [10], [11], [12], [13 и др.]. Описанию механизмов реализации оценочных значений в паремиях, определению логических процедур, положенных в основу выражения оценочных смыслов, посвящены и многие работы автора данной статьи [14], [15], [16], [17], [18], [19 и др.]. В частности, подлежали исследованию в данном аспекте русские паремии (в некоторых работах также русские, белорусские, итальянские

[3] Материал для исследования составляют паремии четырех языков: русского, белорусского, итальянского и немецкого. В качестве источников материала использованы паремиологические словари [20], [21], [22], [23 и др.].

[4] Метафорический сценарий вознесения и последующего падения возгордившегося человека имеет библейские корни, и паремии с таким смыслом, по данным словаря Дж. Пацолая, встречаются в 42 европейских языках, а также в арабском, китайском, японском языках [24, p. 236–240].

и немецкие паремии в сопоставлении), представляющие структуры со значением тождества, контраста, несоответствия, уподобления, разуподобления, отсутствия, невозможности, каузации, а также вопросительные и императивные структуры. На материале русских паремий, отражающих отношения каузации в двучленной структуре, были выявлены типовые ситуации, обозначения которых выступают аксиологически маркированными «инструментами» воздействия на ценностное сознание. Это ситуации 1) потери, утраты того, что находится в зоне интереса, в том числе и моральной потери; 2) приобретения того, что находится в зоне интереса, достижения желаемого; 3) невозможности свершения желаемого, невозможности получения того, что находится в зоне интереса; 4) получения нежелаемого; 5) причинения вреда, порчи; 6) переживания отрицательных эмоций; 7) отстранения от негативных переживаний; 8) благополучия, связываемого с достатком, сытостью, счастьем; 9) неблагополучия, связываемого с бедами, отсутствием жизненно необходимого, голодом, смертью; 10) социального поощрения, почитания; 11) социальной изоляции, осуждения [14, с. 102–103], [19, с. 222–223]. Описаны средства реализации оценочных значений в таких структурах [14, с. 103–104]. Установлено также, что эти типы ситуаций в своей совокупности корреспондируют с системой основных потребностей человека и, поскольку удовлетворение / неудовлетворение потребностей лежит в основе мотивации поведения человека [25], оценка в паремиях функционально направлена на формирование мотивов, регуляцию поведения человека [18, с. 162].

Аналогичные критерии «измерения» значимости объектов, постигаемых в ценностном отношении, были установлены в паремиях с иной грамматической организацией, в частности, в паремиологических единицах, реализующих семантику отсутствия (ценностный смысл того или иного материального / идеального объекта в таких паремиях логически выводится из негативного эвалюативного значения отсутствия этого объекта): *Без жвачки корова хворает, без цели человек погибает*; *С умом суму носить, а без ума и суму потерять*; *Без працы не з'ясі акуляцы*; *Без сонейка свету не быць, без мілага нельга жыць*; *Chi piglia moglie senza quattrini, comincia a piangere dalla prima mattina* (Кто берёт жену без денег, начинает плакать в первое же утро); *I lavori fatti senza passione non ti danno soddisfazione* (Дела, совершенные без воодушевления, не принесут тебе удовлетворения); *Wer ohne Zucht aufwächst, stirbt ohne Ehre* (Кто растет без послушания, умирает без чести); *Wer ohne Freund ist, lebt nur halb* (Кто без друга, живет только наполовину) [26]. Целеориентирующая, мотивирующая функция оценки проявляется и в тех паремиях, в которых значимость объектов реального и идеального мира раскрывается непосредственно в дескрипциях положительного влияния их на человека, в дескрипциях ценностных свойств объектов: *Кто любит добрые дела, тому и жизнь мила*; *Кто в радости живёт, того и кручина неймёт*; *Кто на свою страсть найдёт власть, тот и будет владыка*; *Маўчанка не пушыць, да весь гнеў тушыць*; *Хто вучыцца, той пад старасць не будзе мучыцца*; *Дзе дружна, там хлебна*; *Chi vive contando, vive cantando* (Кто живет считаючи, тот живет припеваючи); *Con silenzio e pazienza, vincerai la maldicenza* (Молчанием и терпением победишь любое злословие); *La gentilezza non costa niente e apre tutte le porte* (Вежливость не стоит много, а открывает все двери); *Mit Geduld und Zeit wird Maulbeerblatt zum Atlaskleid* (С терпением и временем лист шелковицы станет атласным платьем); *Wo Geld vorangeht, da stehn alle Wege offen* (Где деньги главенствуют, там все двери открыты).

Приводимые здесь паремии иллюстрируют то, что оценка, как справедливо отмечает Н.Д. Арутюнова, в равной мере относится как к области реакций, так и к области стимулов [5, с. 83], то есть оценка связывается не только с постижением ценностных свойств объектов, выявляющих направленности человеческого интереса, и осознанными реакциями на сущее, в которых объективируются убеждения, но и с психическими процессами, отвечающими за регуляцию поведения человека; иными словами, оценка обнаруживает связь в функциональном плане со всеми тремя компонентами ценностных ориентаций: направляющей, мотивационной и регулятивной.

Наблюдения подтверждают, что оценка, способствующая выражению и одновременно формированию ценностного отношения, может проявляться в самом речевом поступке, воплощающем ценностные ориентации человека, интенциональной «оболочке», которой характеризуется коммуницируемая информация.

В монографии автора данной статьи отражены результаты сопоставительного анализа разноязычных паремий на тему опрятности. Результаты этого анализа убедительно доказывают, что, несмотря на разнообразие когнитивных структур, отражающих представления носителей разных этнических культур о типичном поведении опрятного и неряшливого человека, разноязычные паремии выявляют тождество ценностных позиций, с которых осуществляется оценка и которые определяют выражение соответствующих интенций. К примеру, в паремиях *Вымыла ложки да вылила во щи*; *Наряди свинью в серьги, она все равно в навоз лезет*; *Граззю зарос, хоць рэпу на шыі сей; У ладным адзенню, а бруд аж бліщыць*; *Калі лахудра, не паможа і пудра*; *Chi ha la camicia sporca, si lava la lingua addosso agli altri* (У кого грязная рубашка, тому достаточно перемывают косточки другие люди); *Er ist so rein wie ein Fischkorb* (Он такой чистый, как корзины для рыбы) выражается критическое отношение к неопрятности, осуждение нечистоплотных людей; паремии *Грязь не сало, помял, она и отстала*; *Волк и медведь не умываючись здорово живут*; *С погани не треснешь, с чистоты не воскреснешь*; *Мядзведзь ніколі не мыецца, а пра тое здароў*; *Coll'acqua sporca ingrassa il porco* (От грязной воды свинья толстеет); *Es stirbt keine Sau ob einem unsaubern Troge* (Ни одна свинья не умирает у своего грязного корыта) могут использоваться с целью оправдания неопрятности; в паремиях *Хоть лыком шит, да мылом мыт*; *Rein ist besser als fein* (Чистый лучше, чем знатный) выражается предпочтение опрятности всему прочему; *Умная умница – светлая пуговица*; *Rein im Hause, rein am Leibe ist ein goldener Schmuck am Weibe* (Чистота в доме, чистота в любви – лучшее украшение жены) – похвала опрятности; *Чистота – залог здоровья*; *Chi sempre bello vuole apparire, bisogna si cambi il vestire* (Кто хочет всегда хорошо выглядеть, должен менять одежду); *Wenn jedes vor seiner Türe fegt, so wird es überall sauber* (Если бы каждый чистил у своей двери, везде было бы чисто) – призыв к соблюдению чистоты [27, с. 9]. Эти интенциональные значения также оказываются аксиологически маркированными[5], и, хотя представляют переменную составляющую семантики паремий[6], распознаются реципиентами с опорой на лексическую семантику языковых средств, входящих в структуру паремий, фоновые знания и общую коммуникативную компетенцию. Похвала и удовлетворение, осуждение и подтрунивание, безобидная ирония и едкий сарказм, явные и скрытые рекомендации, предупреждения и др. – все эти интенции служат объективации в целом положительного отношения к опрятности и отрицательного к неопрятности [27, с. 9]. Наблюдающаяся амбивалентность оценок, обусловленная, с одной стороны, несовершенством человеческого бытия, с другой стороны, ситуативным предпочтением чего-то более важного, не приводит к деструкции сформированного в коллективном сознании каждого из этносов ценностного отношения к опрятности.

Очевидно, что регулятивная функция паремий и является той функцией, на которую нацелена объективация социальных установок, однако доля императивных по грамматической форме паремий ничтожно мала в сравнении с теми структурами, в которых прескрипции выражаются косвенно. Заметим, что смысл императивных паремий может также заключаться не только в призыве к принятию той или иной модели поведения, но и в формировании мотивации посредством указания на то, что должно послужить стимулом в следовании склоняющей или отклоняющей рекомендации. Обычно мотивировки выражаются в аргументирующей части паремии, реализующей оценочные смыслы и примыкающей к собственно императивной: *Учись смолоду – не умрёшь под старость с голоду*; *Не играй с огнем – обожжёшься*; *Рахуй грошы ціха – не будзе ліха*; *Per curare la tua bellezza, vivi sempre in allegrezza* (Чтобы сберечь свою красоту, живи в радости); *Non dire all'amico ciò che sai, perché un giorno nemico averlo potrai* (Не доверяй другу того, что знаешь, потому что в один день он может стать недругом); *Hilf dir selbst, so hilft dir Gott* (Помоги себе сам – так и Бог тебе поможет); *Sei nicht faul, die Krippe kommt nicht zum Gaul* (Не ленись: ясли к коню не ходят).

---

[5] Дифференциация интенций, реализуемых говорящими в интерактивных актах общения, на положительные и отрицательные [28, с. 2], благоприятные и неблагоприятные для того, на кого направлено речевое воздействие [29, с. 6], объясняется тем, что в интенции может воплощаться эмоциональное отношение, связанное в целом с одобрением или неодобрением того, что мыслится предметом речи, проявлением эмпатии к адресату или, напротив, конфронтации [30, с. 80–82], [31].

[6] В условиях контекста, к примеру, паремии *Волк и медведь не умываючись здорово живут, Coll'acqua sporca ingrassa il porco* (От грязной воды свинья толстеет) могут употребляться и с осуждающей (иронической, саркастической) модальной рамкой.

Аргументирующая функция паремий в актах коммуникации отмечается многими исследователями [28], [32], [33], [34 и др.]. С.Н. Аверина указывает, что пословицы и поговорки «как правило, не могут непосредственно реализовать перформативное действие вроде успокаивания, урезонивания, побуждения, совета и т. д.; их роль обычно заключается в мотивировке соответствующих речевых действий, которые, как правило, предполагают собственную форму выражения», и в таких случаях «прямая функция пословицы – аргументирующая, а речевые акты типа урезонивания, совета, успокаивания и т.п. выступают при этом в качестве объектов аргументации (т. е. можно говорить об аргументации совета, побуждения, угрозы и т. д.)» [34, с. 21–22]. «Даже в тех случаях, – отмечает далее С.Н. Аверина, – когда реплика говорящего ограничивается только пословицей, последняя не лишается указанной функции…» [4, с. 22].

Обратим внимание на то, что исследователи трактуют аргументирующую функцию паремий, прежде всего, как подкрепление, обоснование речевых действий говорящего, хотя очевидно, что паремии могут быть интерпретированы как мотивирующие основания в выборе поведенческих стратегий реципиентами информации. Иными словами, паремии содержательно и иллокутивно могут выступать источниками стимулов, подвигающих человека к принятию той или иной модели поведения.

Оценка, таким образом, корреспондирует с элементами структуры ценностных ориентаций в функциональном плане; иными словами, она, будучи реализованной в содержательных аспектах паремий и воплощенной в интенциях того, кто использует паремию в речи, выявляет направленности человеческого интереса, положительное или отрицательное отношение к обозначаемому паремией, адресату или третьим лицам, имеющим отношение к этому обозначаемому, способствует формированию осознанных мотиваций и регулирует поведение человека, подсказывая способы встраивания в структуру бытия с ориентацией на норму.

Литература

1. Палей, Е.В. Проблема ценности (социально-онтологический аспект) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Е.В. Палей ; Иванов. гос. хим.-технолог. ун-т. – Иваново, 2007. – 171 с.

2. Абушенко, В.Л. Ценностные ориентации / В.Л. Абушенко // Всемирная энциклопедия. Философия ; главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М. : АСТ, Минск : Харвест, Современный литератор, 2001. – С. 1199–1200.

3. Сурина, А.И. Ценностные ориентации / А.И. Сурина // Знание. Понимание. Умение. –2005. – № 4. – С. 162–164.

4. Ивин, А.А. Основания логики оценок /А.А. Ивин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 230 с.

5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

6. Абакумова, О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / О.Б. Абакумова ; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2013, – 376 с.

7. Ивин, А.А. Основы теории аргументации : учебник / А.А. Ивин. – М. : Гуманит. изд. центр Владос, 1997. – 352 с.

8. Доржиева, Э.Д. Этическая оценка в пословицах современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Э.Д. Доржиева ; Моск. гос. пед. ун-т. – М., 2003. – 191 с.

9. Каменская, В.М. Аксиологический аспект устойчивых зооморфных сравнений и зооморфных паремий испанского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / В.М. Каменская ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2008. – 184 с.

10. Лызлов, А.И. Оценка и языковые способы ее выражения в паремиях : на материале компаративных и негативных конструкций английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А.И. Лызлов ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 22 с.

11. Бакирова, М.Р. Языковая концептуализация положительной оценки паремиологического фонда английского и татарского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М.Р. Бакирова ; Чуваш. гос. ун-т. − Чебоксары, 2010. − 27 с.

12. Кумахова, Д.Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира : на материале кабардино-черкесского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Д.Б. Кумахова ; Кабардино-Балкар. гос. ун-т. − Нальчик, 2010. – 164 с.

13. Колижук, Л.В. Ценностные характеристики концептов «good» и «evil» в британской лингвокультуре [Электронный ресурс] / Л.В. Колижук // Бюллетень ВИУ. – 2008. – № 26. – Режим доступа : http://pandia.org/text/78/226/11949.php. – Дата доступа : 25.04.2012.

14. Ничипорчик, Е.В. Конструкция отождествления: омонимия и частные значения (на материале предложений-паремий) : дисс. …канд. филол. наук. 10.02.02 / Е.В. Ничипорчик ; Гомельск. гос. ун-т. – Гомель, 1998. – 124 с.

15. Ничипорчик, Е.В. Сообщение о тщетности усилий человека как тип ценностно ориентирующего дискурса (на материале русских, белорусских, итальянских и немецких паремий) / Е.В. Ничипорчик // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2010. – № 2 (59). – С. 173–180.

16. Ничипорчик, Е.В. Вопросительная форма выражения оценки в паремиях / Е.В. Ничипорчик // Мова і культура : науковий журнал / Київ. нац. ун-т. ім. Т. Шавченка. – Київ, 2011. – Вип. 14., Т. IV (150). – С. 29–36.

17. Ничипорчик, Е.В. Оценочный фактор в формировании прагматического потенциала паремий (на материале русских паремий со значением невозможности) / Е.В. Ничипорчик // Parémie národů slovanských IV: Sbornik přispěvků z mezinárodni konferece konané v Ostravě ve dnech 20–21 ноября 2008. – Ostrava, 2008. – С. 145–151.

18. Ничипорчик, Е.В. Прогнозирование как способ выражения ценностного отношения / Е.В. Ничипорчик // Die Phraseologie in Raum und Zeit. Фразеология во времени и пространстве / науч. ред. : Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. – Greifswald, 2012. – С. 160–163.

19. Ничипорчик, Е.В. Категоризация добра и зла в биинфинитивных предложениях-паремиях / Е.В. Ничипорчик // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : Матеріали VII міжнар. Карських читань, Ніжин–Гродна, 13–14 трав. 1998 р. / Ніж. держ. пед. ін-т ім. М.В. Гоголя, Гродзен. дзярж. ун-т ім. Янкі Купалы ; редкол. : Н.М. Арват (упоряд.і відп.ред.) [та ін.]. – Ніжин–Гродна, 1998. – С. 221–223.

20. Мокиенко, В.М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева ; под общ. ред. В.М. Мокиенко. − М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. − 1024 с.

21. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. ; рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 616 с.

22. Boggione, V. Dizionario dei proverbi. I proverbi italiani organizzati per temi / V. Boggione, L. Massorbio – Torino : UTET, 2007. − 654 p.

23. Wander, K.F. Deutsches Sprichwörterlexikon [Электронный ресурс] / K.F. Wander. – Режим доступа : http://woerterbuchnetz.de/Wander/?sigle=Wander&mode=Vernetzung&hitlist=&patternlist=&lemid=WA00001. – Дата доступа : 03.11.2012.

24. Paczolay, G. European proverbs in 55 languages with Equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese / G. Paczolay. − Hobard, Tasmania : De Proverbio.com, 2002. − 527 p.

25. Ямпольская, Д.О. Что такое мотивация. Процесс мотивации [Электронный ресурс] / Д.О Ямпольская, М.М. Зонис. – Режим доступа : http://www.inventech.ru/lib/management/management-0027/. – Дата доступа : 09.11.2013.

26. Ничипорчик, Е.В. Опыт ценностного восприятия мира через призму отсутствия (на материале русских и итальянских паремий) / Е.В. Ничипорчик // Фразеология : сб. науч. ст. – Вып. 1 ; под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2008. − С. 167–191.

27. Ничипорчик, Е.В. Отражение ценностных ориентаций в паремиях / Е.В. Ничипорчик ; М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – 358 с.

28. Сидоркова, Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.19 / Г.Д. Сидоркова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – 42 с.

29. Формановская, Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М. : Изд-во «Икар», 2007. – 400 с.

30. Кузнецова, А.А. Иллокутивные типы вербальной эмпатии / А.А. Кузнецова // Вестник Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2010. – № 13 (194), Вып. 43. – С. 80–82.

31. Ничипорчик, Е.В. Оправдание в аспекте отражения ценностных ориентаций (на материале русских паремий) / Е.В. Ничипорчик // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2014. – № 1 (82). – С. 108–114.

32. Семенова, Е.Н. Аргументативные паремические конструкции в разноструктурных языках : на материале русского, немецкого и чувашского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Е.Н. Семенова ; Чувашск. гос. ун-т. – Чебоксары, 2007. – 23 с.

33. Белецкая, А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе [Электронный ресурс] : дис…канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Ю. Белецкая. − Самара, 2002. – Режим доступа : http://www.dissercat.com. – Дата доступа : 11.09.2012.

34. Аверина, С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / С.Н. Аверина ; Кубан. гос. ун-т. − Краснодар, 2005. − 159 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.01.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 821.161.3.09

Дыферэнцыяльныя адметнасці аўтабіяграфічнай і дакументальна-мастацкай прозы

Г.Ю. Новік

Даследуюцца дыферэнцыяльныя адметнасці двух тыпаў літаратуры нон-фікшн – аўтабіяграфічнай і дакументальна-мастацкай прозы.
Ключавыя словы: аўтабіяграфічная проза, дакументальна-мастацкая проза, хранатоп, факт, дакумент.

Differential features of two types of non-fiction literature – autobiographical prose and documentary-fiction – are investigated.
Keywords: autobiographical prose, documentary-fiction, chronotop, fact, document.

Літаратура факта, ці нон-фікшн, адметная разнастайнасцю характарыстык, якія не толькі дазваляюць адмежаваць непрыдуманую прозу ад мастацкай, але і ўплываюць на жанравы склад першай. Так, напрыклад, нестатычнасць ролі аўтара абумовіла вылучэнне ў межах гэтай літаратуры аўтабіяграфічных (дзённікі, мемуары, споведзі) і дакументальна-мастацкіх (мастацкія хронікі, эсэ, белетрызаваныя біяграфіі) тэкстаў. Паспрабуем вызначыць спецыфіку двух тыпаў прозы нон-фікшн.

Улічваючы жанрава-зместавую нятоеснасць аўтабіяграфічнай і дакументальна-мастацкай прозы, можна сцвярджаць пра адметнасць рэалізацыі паняццяў «факт» і «дакумент» і іх функцый у межах кожнай. У дзённіках, мемуарах і споведзях любыя праявы рэчаіснасці адлюстроўваюцца аўтарам як фактычныя, але з цяжкасцю могуць вытрымліваць верыфікацыю аб’ектыўнасцю. З мэтай пераканання чытача ў сапраўднасці, праўдзівасці напісанага аўтары прымяняюць спецыфічны адбор матэрыялу, пры якім фокус увагі засяроджаны не толькі на асобе біяграфічнага стваральніка, але і на вядомых пэўнаму колу чытачоў падзеях культурнага, сацыяльнага жыцця і славутых дзеячах, згадкі пра якіх могуць неаднаразова паўтарацца ў сведчаннях іншых сучаснікаў, даведніках, дакументах і такім чынам не выклікаюць адчування грунтоўнай фальсіфікацыі вобразаў. У дакументальна-мастацкіх творах (белетрызаваных біяграфіях, фрагментарнай прозе), наадварот, адносіны аўтара да аб’екта адлюстравання можна ахарактарызаваць як адвольную інтэрпрэтацыю агульнавядомых з’яў і падзей, паколькі ў якасці факталагічнай асновы выступае вобраз рэальна існуючай асобы, характар якой у тэксце раскрываецца адпаведна з аўтарскай задумай, ці асобныя непрыдуманыя факты ўключаюцца ў творы пісьменніка.

Немалаважным аб’ектам даследавання ў прозе нон-фікшн з’яўляецца катэгорыя хранатопа, якая, паводле М. Бахціна, «вызначае мастацкае адзінства літаратурнага твора ў яго адносінах да рэальнай рэчаіснасці» [1]. Цесная ўзаемасувязь часавых і прасторавых адносін арганізуе твор, выбудоўвае ланцужок асацыяцый у свядомасці чытача і такім чынам не толькі ўводзіць яго ў кантэкст напісанага, але і вымушае праводзіць паралелі з рэальным жыццём. Літаратура нон-фікшн разумее час і прастору як неад’емныя каардынаты свету, у абсягу якіх існуюць дакументы і іх мастацкія апрацоўкі. У большасці сучасных твораў назіраецца тэндэнцыйнасць да множнасці і сімвалізацыі часу, што непасрэдна звязана з неабходнасцю зваротаў да памяці персанажа (напрыклад, у творах «Адам Клакоцкі і ягоныя цені», «Хвілінка» І. Бабкова, «Інтрадукцыя» Л. Дранько-Майсюка і інш.). Мнеманічнаму прынцыпу падпарадкаваны па сутнасці ўсе творы аўтабіяграфічнай прозы, дзе ў якасці адзінак часу нярэдка выступаюць асобныя сітуацыі і ўспаміны, сегментацыя часу адбываецца па волі аўтара і не пазбаўлена пэўных лакун. Відавочна, распаўсюджанай адметнасцю тут з’яўляецца практыка тэмпаральнага падваення, ці апліцыравання пунктаў

гледжання, уласцівых аўтару ці герою ў розныя перыяды часу; накладання гістарычнага часу на час апавядальніка; а таксама незамкнёнасць, адкрыты фінал твора (як у «Сечцы» А. Федарэнкі, «Палімпсесце» А. Аркуша, «Дзённіках» Н. Гілевіча і інш.). У адрозненне ад формы дзённіка, споведзям і мемуарам характэрна супастаўленне двух часоў – перыяду, калі адбываліся дзеянні, і часу іх занатавання – і рэтраспектыўнасць. Такім чынам, хранатоп апошніх набліжаецца да часава-прасторавай арганізацыі мастацкіх тэкстаў, паколькі набывае тут, як адзначае Н. Гарбер, ідэалізаванасць, «замкнёнасць і намераную нелінейнасць, бо акцэнтуе ўвагу на задуме аўтара і вядзе чытача па вызначанай «легендзе» віртуальнай літаратурнай мясцовасці» [2]. У дзённіку ж катэгорыя хранатопу не характарызуецца аднастайнасцю і рэалізаваная ў наступных разнавіднасцях:

– псіхалагічны хранатоп, які падпарадкаваны душэўным рытмам аўтара і мае даволі ўмоўныя межы, акрэсленыя топасамі сноў, фантазій, успамінаў і г. д. («Трынаццаць дзён з дзённіка Антона Кудлатага» А. Кудласевіча);

– лакальны хранатоп, адметны строгай паслядоўнасцю фіксацый падзей, што адлюстроўваюць будзённае існаванне аўтара ў межах кожнага дня («Лісты абляцелыя» А. Жука, «Трагічны дзевяноста шосты», «Год двухтысячны» Н. Гілевіча);

– кантынуальны хранатоп, найбольш глыбокі з усіх узгаданых, паколькі час і прастора ў творах гэтай групы выходзяць за межы «тут» і «зараз» праз імкненне аўтараў да максімальнага ахопу падзей, нават тых, сведкамі якіх не былі («Дзённікі» С. Яновіча, «Белавежская пушча. Рэзалюцыя SOS» В. Дранчука, «Дні мае, падарункі» К. Цвіркі, «Шпітальны дыярыуш» П. Васючэнкі і інш.).

Хранатоп дакументальна-мастацкіх твораў перадусім надае ім завершанасць, замкнёнасць, забяспечваючы пры гэтым нелінейнасць сюжэта і пазбаўленне эфекту недагаворанасці. На спецыфіку прасторава-часавай арганізацыі такіх тэкстаў уплывае ўжо не столькі псіхатып асобы аўтара, яго ўзрост, сацыяльна-гістарычныя варункі, колькі суаднесенасць твораў з пэўным жанрам. Так, для эсэ ўласцівым з'яўляецца віртуальны хранатоп, фрагментарнай прозы – спалучэнне біяграфічнага часу з дэталізаванай, замкнёнай прасторай, белетрызаванай біяграфіі – сінтэз біяграфічнага і гістарычнага часоў з рэальным і ўяўным абсягам. Адметнай з'явай выступае мастацкая хроніка, жанрава падобная да формы дзённіка, але разам з тым падпарадкаваная структурнай арганізацыі ўсяго твора (то бок з'яўляецца толькі адным з фрагментаў тэксту, як, напрыклад, у «Караблі» В. Гігевіча ці «Лаўцы святла поўні», «Апладненні ёлупа» Ю. Станкевіча).

Не менш актуальным паўстае пытанне генезісу жанраў у межах нон-фікшн. Найбольш «старажытнымі» з'яўляюцца форма дзённіка, якая эвалюцыянавала ад летапісаў, дарожных нататак (хаджэнняў), дзелавой дакументацыі; мемуары, што ўзыходзяць да жыцій і юрыдычных дакументаў (паказанняў сведак); споведзь, трансфармаваная з рэлігійнага сакрамэнту; і белетрызаваныя біяграфіі, якія паходзяць ад жыцій, рамана-біяграфіі, мемуараў і біяграфічных нарысаў. Відазмяненне жанраў-першаасноваў адбывалася пад уплывам працэсаў паступовай белетрызацыі, эсэізацыі і надання творам публіцыстычных рыс, якія застаюцца атрыбутыўнымі для прозы нон-фікшн.

Так, публіцыстычнасць ахоплівае і асобныя дзённікі («Белавежская пушча. Рэзалюцыя SOS» В. Дранчука), і мемуары («След матылька. Освальд у Менску» А. Лукашука, «Альбом сямейны» В. Мудрова), і эсэ («Каты Ёзафа Ратцынгера» С. Астраўца), і нон-фікшн, якая апісвае мастацкую літаратуру («Гамбурскі рахунак» А. Бахарэвіча), і феномен псеўданон-фікшн («Малая медычная энцыклапедыя» А. Бахарэвіча). Пры гэтым ва ўсіх вышэйзгаданых творах публіцыстычнасць праяўляецца на ўзроўні ўплыву, а не грунтоўнай сэнса- і структураўтваральнай катэгорыі. Сведчаннем таму – асобныя сентэнцыі, практычныя рэкамендацыі, інтэнцыя на больш дзейсны ўплыў на рэчаіснасць. Акрамя гэтага вядома, што журналістыка праз канкрэтнасць і праўдзівасць выкарыстаных ёй фактаў прывязвае абсяг разгортвання падзей у тэксце да асобнай дзяржавы, рэгіёна, горада і г. д. У названых вышэй творах агульным топасам для разгортвання мысленчага і фізічнага дзеяння з'яўляецца

Беларусь, якая ўяўляе сабой універсальны канцэпт. Яшчэ адна рыса, якая вызначае падабенства асобнай плыні нон-фікшн і журналістыкі – арыентацыя на факт, прычым у абодвух выпадках можа ісці размова пра тую ці іншую ступень яго мастацкай інтэрпрэтацыі.

У заходнім літаратуразнаўстве феномен пашырэння белетрыстычных уплываў на літаратуру нон-фікшн утварыў спецыфічную з'яву, якая атрымала назву creative non-fiction. Нягледзячы на прынятую ідэнтыфікацыю гэтай з'явы ў якасці асобнага жанру, больш мэтазгодна разглядаць яе як наджанравае ўтварэнне, паколькі асноўная функцыя creative non-fiction – павелічэнне ступені мастацкай трансфармацыі дакументальных і публіцыстычных жанраў, якое прасочваецца ў асобных тэкстах. Да прыкладу, твор «След матылька. Освальд у Мінску» А. Лукашука, які ўяўляе сабой глыбокае журналісцкае даследаванне мінскага перыяду жыцця Лі Гарві Освальда. Сярод асноўных патрабаванняў да такіх твораў – выкарыстанне ў якасці аб'екта нарацыі прадмета / з'явы з рэальнага свету, вычарпальнае яе даследаванне, наяўнасць вялікай колькасці апісанняў, суб'ектыўная перадача кантэкстаў, а таксама публіцыстычнасць, вытанчанасць пісьма. Падобныя рысы вылучае руская даследчыца С. Бозрыкава, прапанаваўшы для такой літаратуры аўтарскі тэрмін «мастацка-дакументальны наратыў», што «<…> утрымлівае 1) публіцыстычнасць (актуальнасць, фактычны змест матэрыялу, "пагружэнне"; 2) мастацкасць (кампазіцыйныя, стылістычныя, мастацкія дэталі); 3) выражаны пункт гледжання журналіста» [3]. Такім чынам, тэкст creative non-fiction адрозніваецца ад літаратуры нон-фікшн фактычнай канкрэтнасцю, сінтэзаванай з падкрэслена павышанай увагай да літаратурнага стылю і тэхнікі. Таму адмежаванне мастацка-дакументальнага наратыву ад уласна мастацкай літаратуры часта застаецца праблемным.

Сярод жанраў creative non-fiction Л. Гаткінд вылучае «эсэ, часопісны артыкул, навукова-даследчую работу, мемуары, ці верш, ён [жанр. – Г. Н.] можа быць асабістым ці не, ці можа адначасова ахопліваць усё гэта» [4]. Можна сцвярджаць, што на беларускай глебе адзначаны наджанравы ўплыў ахапіў адносна невялікую колькасць твораў, што звязана з нявычарпанасцю магчымасцей «традыцыйнай» нон-фікшн. Да тэкстаў з мастацка-дакументальным наратывам адносяцца асобныя дыярыушы («Трынаццаць дзён з дзённіка Антона Кудлатага» А. Кудласевіча), мемуары («Сіняя кніга беларускага алкаголіка» А. Кулона, «Альбом сямейны» В. Мудрова, «Requiem па непатрэбных рэчах» В. Шалкевіча), белетрызаваныя біяграфіі («След матылька. Освальд у Мінску» А. Лукашука). Асаблівыя адносіны склаліся ў creative non-fiction з феноменам псеўданон-фікшн, дзе першаму адводзіцца роля метадалагічнай асновы.

Беларускай літаратуры факту таксама шырока ўласцівы працэс эсэізацыі, якая, як і белетрызацыя, з'яўляецца вынікам тэндэнцыі да максімальнага збліжэння элітарнага і масавага культурнага абсягу, што многімі навукоўцамі тлумачыцца як прыкмета агульнага культурнага крызісу, уласцівага эпосе постмадэрнізму. М. Эпштэйн слушна сцвярджае, што зварот да эсэізму «дазваляе дасягаць найбольшай змястоўнасці пісьма, спалучаючы рознаўзроўневыя і рознаякасныя паняцці» [5, с. 336]. Насамрэч, магчымасць укладання плыні аўтарскай свядомасці ў адвольную форму абумовіла максімальную свабоду творчасці, што, у сваю чаргу, выявілася ў шырокім разгалінаванні эсэ ў межах жанру (раман-эсэ, фрагментарнае эсэ, мета-эсэ і інш.), а таксама выкарыстанні эсэ ў розных сферах (журналістыцы, мастацкай літаратуры, нон-фікшн).

Такім чынам, адметнымі рысамі аўтабіяграфічнай прозы з'яўляюцца акцэнт на ўнутраным свеце аўтара-наратара; падпарадкаванасць твораў мнеманічнаму прынцыпу; пераважная рэтраспектыўнасць апісанняў, сумяшчэнне цяперашняга і мінулага часоў, адкрытасць фіналу, храналагічнасць. Дакументальна-мастацкім творам, наадварот, уласціва засяроджанасць на падзеях знешняй рэальнасці, якія маюць гістарычную значнасць і адвольна інтэрпрэтуюцца аўтарам; завершанасць, замкнёнасць кампазіцыі, пазбаўленасць эфекту недагаворанасці; зніжэнне ролі хранатопу і інш. Разам з тым абодвум тыпам прозы нон-фікшн уласціва тэндэнцыя да белетрызацыі, эсэізацыі і надання творам публіцыстычных рысаў.

Літаратура

1. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе [Электронный ресурс] / М. Бахтин. – Режим доступа : http://www.chronos.msu.ru/old/ RREPORTS /bakhtin_hronotop/hronotop10.html. – Дата доступа : 02.08.2015.

2. Гарбер, Н. Соотношение реального и художественного хронотопа в литературном дневнике [Электронный ресурс] / Н. Гарбер. – Режим доступа : http://www.nataliagarber.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=133:2012-10-11-03-57-27&catid=39:2009-10-05-20-01-10&Itemid=55. – Дата доступа : 13.10.2015.

3. Бозрикова, С. Особенности художественно-документального нарратива («Хладнокровное убийство» Т. Капоте и «101-й километр» М. Осипова) [Электронный ресурс] / С. Бозрикова – Режим доступа : http://www.academia.edu/3684644/_-_._101-_._. – Дата доступа : 12.09.2015.

4. Gutkind, L. What is Creative Nonfiction? [Электронный ресурс] / L. Gutkind. – Режим доступа : http://www.creativenonfiction.org/what-is-creative-nonfiction#author-biography. – Дата доступа : 15.10.2015.

5. Эпштейн, М. Парадоксы новизны. О литературном развитии Х1Х–ХХ вв. / М. Эпштейн. – М. : Советский писатель, 1988. – 416 с.

Центр исследований белорусской культуры,
языка и литературы им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 02.12.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.161.3'373.2'271

Лёс: слова і канцэпт (спроба лінгвакультуралагічнага аналізу)

А.Д. Паўлавец, Д.Д. Паўлавец

Аналізуюцца асаблівасці выкарыстання канцэпту лёс у беларускай мове, яго роля ў нацыянальнай моўнай карціне свету, паказваецца яго шматзначнасць і разнастайнасць, суадносяцца філасофскае і міфапаэтычнае ўяўленне пра лёс як адзін з галоўных канцэптаў мовы.
Ключавыя словы: кацэпт, канцэпталогія, лёс і яго семантычны аб'ём, моўная карціна свету.

The features of the use of the concept of fate in the Belarusian language, its role in the national language picture of the world are analysed. Its ambiguity and diversity are indicated. Philosophical and mythopoetic idea of destiny as one of the main concepts of the language is studied.
Keywords: concept, concept logy, fate and its semantic volume, national language picture of the world.

Апошнім часам у навуковых колах не слабне, а нарастае цікавасць да канцэпталогіі і канцэпту. Пра гэта сведчыць паток даследаванняў, прысвечаных дадзенай праблеме, якія ахопліваюць кагнітыўную лінгвістыку, псіхалінвістыку, лінгвакультуралогію, літаратуразнаўства і іншыя навукі. Гэта пацвярджае думку пра актуальнасць і навуковую значнасць акрэсленага аспекту. «Канцэпт – гэта важная інфармацыя, якая захоўваецца ў індывідуальнай або калектыўнай памяці і валодае пэўнай каштоўнасцю, гэта перажываная інфармацыя» [1, с. 128]. Таму зварот да таго або другога канцэпту прадукцыйны і павучальны. «Кожная высокаразвітая мова мае шэраг слоў, акружаных глыбокай таямніцаю: лёс, рок, выпадак (здарэнне), прадвызначэнне. Ніводная гіпотэза, ніводная навука ніколі не зможа дакрануцца да таго, што мы адчуваем, калі заглыбімся ў сэнс і гучанне гэтых слоў. Гэта – сімвалы, але не паняцці» [2, с. 273]. Звернемся да аднаго з найбольш значных і складаных канцэптаў нацыянальнай моўнай карціны свету канцэпту лёс і прааналізуем яго ў аўтарскай і народнай канцэптасферы беларускай мовы. Пры гэтым неабходна памятаць, што «ідэя лёсу патрабуе жыццёвага досведу, а не навуковага вопыту, сілы сузірання, а не калькуляцыі, глыбіні, а не розуму» [2, с. 273].

Семантычны абсяг «лёсу» даволі шыроки і шматзначны. У ягоных межах апынуліся іншыя канцэпты, злучаныя з ім і адзін з другім, дзякуючы таму, што патрапілі ў поле ягонага прыцягнення. Гэты відавочна дамінавальны канцэпт утварае шмат новых сэнсаў, выясняе і адкрывае новыя светаразуменні ў творах мастацкай літаратуры. Пры гэтым і сам канцэпт эвалюцыянуе, мяняюцца яго межы, паняццевы аб'ём, нават сэнс, які нярэдка звязаны з аўтарскім светабачаннем, лёсам лірычнага героя. Змест ментальнай субстанцыі «лёсу», «долі» прываблівае і працягвае прываблівацъ да сябе ўвагу прадстаўнікоў розных галінаў ведаў. Аднак спецыфіка суб'екта, схаванага за назвай лёс, заключаецца ў тым, што інфармацыя пра яго не верыфікаваная, сам ён шматмерны і дапускае мноства інтэрпрэтацый, не існуе ў эміпірычным досведзе як нейкая рэальнасць.

Як і ў культурах іншых народаў, канцэпт «лёс», бадай, адзін з найгалоўнейшых канцэптаў беларускай культуры. Мусім зазначыць, што названы канцэпт прыцягваў і прыцягвае ўвагу даследчыкаў розных краін і розных галін ведаў, якія разглядаюць яго з лінгвакультуралагічнага і філасофскага бакоў, вызначаюць яго месца ў нацыянальнай моўнай карціне свету. Сапраўды, лёс – гэта найгалоўнейшая катэгорыя свядомасці, пры дапамозе якой будуецца канцэптуальная карціна свету народа. Лёс маюць усе: людзі, рэчы, з'явы, падзеі. Лёс – гэта боска ўсталяваная існасць і будучыня кожнай рэчы і кожнага чалавека, аднак гэта не разумная існасць; у рэлігійным сэнсе – гэта Бог. Слоўнікавыя дэфініцыі паняцця «лёс» сведчаць пра неадназначнасць яе разумення носьбітамі мовы. Прычына схавана ў самой лексеме лёс, разуменне якой найперш абапіраецца на эміпірычны характар.

Разуменне лёсу як найвышэйшай сілы адлюстравана ў Тлумачальным слоўніку беларускай мовы, ў якім за лексемай лёс замацаваны наступныя значэнні: 1. Ход падзей, якія складваюцца незалежна ад волі чалавека; збег акалічнасцей. 2. Доля. 3. Развіццё чаго-н.; далейшае існаванне, будучыня [3, с. 41]. «Беларуская энцыклапедыя» ў сваю чаргу паведамляе, што «лёс, у міфалогіі, ірацыяналістычных філасофскіх сістэмах, паўсядзённым усведамленні незразумелая, недаступная розуму, загадкавая прадвызначанасць падзей і ўчынкаў…у звычайным жыцці лёс азначае долю, жыццёвы шлях, збег абставін» [4, с. 231]. Як бачна, лёс інтэрпрэтуецца тут найперш як абстрактнае паняцце, як дзеянне ірацыянальнае, неспазнанае, таямнічае, як вобраз цёмнага пачатку, затым як нейкая несвабода, вынік учынкаў чалавека, нарэшце, як жыццё, збег абставін. «Міфалагічны слоўнік» разглядае лёс як «персаніфікацыю незалежнага ад волі чалавека ходу падзей, вырашальны збег акалічнасцяў, долю…можна меркаваць, што архаічны спосаб “сляпога” выбару-кідання, цягання, вылічэння, выбірання лёсаў (жараб'ёўка) і бачанне ў гэтым працэсе грознай праявы нейкіх надпрыродных сіл спрадзіла ўяўленне пра лёс як прадвызначанасць, долю, наканаванасць» [5, с. 288–289]. Такім чынам, з прыведзенага вышэй можна канстатаваць, што лёс – гэта нешта непазбежнае, прадвызначанае, недаступнае розуму і волі чалавека, загадкавае.

Лексіколагі, не заглыбляючыся ў сэнсава-філасофскую напаўняльнасць адзінкі (ды гэта і не іх задача), выбудоўваюць сінанімічныя рады, у якіх дамінантай выступае лёс. Так, М.К. Клышка змяшчае ў гэты сінанімічны рад семы доля, жыццё, наканаванасць, наканаванне (разм.); планіда, зорка, латарэя, кон (перан.); жытка (разм.) [6, с. 166]. С.М. Шведаў у адным шэрагу з лёсам ставіць словы фартуна, фатум, боская воля (царк.), доля, будучыня [7, с. 192]. На жаль, у Беларусі дагэтуль адсутнічае нацыянальны філасофскі слоўнік, таму цяжка гаварыць, што разумеюць пад лёсам айчынныя філосафы.

Такім чынам, дадзеныя тлумачальных, сінанімічных, міфалагічных слоўнікаў дазваляюць сцвярджаць, што канцэпт «лёс» асацыюецца ў свядомасці носьбітаў мовы з іншымі канцэптамі, матываванымі сіламі лёсу. Важна тое, што ў канцэпце лёс падкрэсліваецца момант прынцыповай незалежнасці волі чалавека ад яго пазіцыі ў адносінах да жыццёвых абставін і непазнавальнасці дэтэрмінавальных сіл лёсу, якія нараджаюць боязь, жах, яго наступствы. Лёс неаадольны, таму што ён успрымаецца нашымі продкамі як бязлітасны, жорсткі або спагадлівы, зайздросны.

Апісваючы канцэпт «судьба», Л.О. Чарнейка і В.А. Далінскі ўвялі паняцце гештальту абстрактнага імені, своеасаблівай маскі, якую апранае абстрактнае імя. Пад гештальтам яны падразумяваюць уяўленні носьбітаў мовы, схаваныя ў імені і раскрывальныя праз яго спалучальнасць. Падаецца, што назваць вобразы, уласцівыя моўнай свядомасці ўвогуле, – задача невырашальная, аднак у пэўным замкнёным коле мастацкіх тэкстаў іх можна вызначыць. Мастацкая свядомасць, мысленне або адкрывае новыя ўласцівасці, якія раскрываюцца праз прызму аўтарскага светапогляду, або падае новыя праекцыі ўжо вядомых. Дзякуючы нетыповай, унікальнай спалучальнасці семы лёс, раскрываюцца яе ўласцівасці, прымальныя беларускамоўнай свядомасцю як адпаведныя духу мовы. Зараз на падставе аналізу ўжывання лексемы лёс беларускімі творцамі паспрабуем паказаць, якія значэнні надаваліся яму рознымі аўтарамі і ў розныя перыяды.

Бадай, упершыню канцэпт лёс сустракаецца ў творчасці Ф. Багушэвіча, дзе ён асацыюецца з горам. Лірычны герой паэта што толькі не рабіў, каб адужаць гора, аднак з гэтага нічога не атрымалася (Склаў я гора ў тарбіну ды ў Мерыку адвёз, Думаў: тут або я згіну, або з гора будзе лёс). Стмаіўшыся, ён прыходзіць да сумнай высновы: Мусіць, Бог яго з душою разам возьме, разам даў.

У Я. Коласа лёс бывае розны, яго значэнне нярэдка ўдакладняецца, паглыбляецца пры дапамозе эпітэтаў. У адным выпадку – гэта былінка поля, кволая травінка (Людскі наш лёс – былінка поля, Пылок нязначны – наша доля); у другім – нейкая невядомасць, нявызначанасць, нешта хвалюючае, трывожнае (Міхал з Антосем воз прыбралі, Каня запрэглі, пастаялі У нейкім смутным разважанні, У настроі новым, хваляванні: Дарога, даль і лёс нязнаны Глядзяць няветла скрозь туманы). У гэтых радках межы канцэптуальнага поля лёс пашыраны за кошт паралеляў з дарогай, даллю. Дарога ж у беларускай міфалагічнай

традыцыі выступае медыятарам паміж сённяшнім і заўтрашнім. У трэцім – нешта пагрознае, няснае, што наганяе боязь, боская кара, дамоклаў меч. Такі эфект дасягаецца з дапамогай шэрагу эпітэтаў, якія ўзбагачаюць канцэпт аўтарскімі псіхалагічна-ацэначнымі адценнямі, асацыяцыямі, здаецца, яшчэ хвіліна і героя назаўсёды накрые бязлітасная снежная лавіна жыццёвай безвыходнасці (Яго (Міхала) цікавіць лёс уласны, Лёс пагражаючы, няясны, Зацята схованы, замкнёны, Бы кары цёмнае праклёны, Што кожны момант над табою Звісае страшнаю марою); у чацвёртым – гэта разлучнік (Мой мілы сын, мая Маруся! Нас разлучыў няўмольны лёс); у наступным – божы дар, прыродны талент народнага музыкі: (рад быў хлопчык: дар вялікі, Неспадзеўны то быў дар, А Сымону лёс музыкі Усміхаўся ў сонцы мар).

У моўнай стыхі У. Жылкі лёс мае выразнае рамантычнае аблічча: ён то бязлітасны, жорсткі кат, то халодная неміласэрная зброя (наш лёс, бы кат,з рукой забойнай, Бязлітасней рука каго? Ды ўмее вой адзін спакойна Без роспачы прыняць яго; лёс даручыў палашу, Моўчкі, даўно сцерагу); то шчаслівая будучыня, паспяховы шлях развіцця радзімы, вера ў яе адраджэнне (І веру радасна я болей, чым калі, У вялікі лёс і шлях радзімае зямлі: Асуджаны народ быліц дазнае сказ); то аб'яднальнік, ніт нацыянальна-вызвольных сіл, змагароў за лепшую долю народа (І адзін злучае лёс, Бо для роднай стараны Долі хочама без слёз); то Радзіма, якая даруе жыццё (І быў-пагодлівы, харошы! Мой край мне лёсам і жыццём, Маім распешчаным дзіцём); то таемным, загадкавым уладаром (Існасць не ўнятна праяў: Загадкай дрэмле разлог, Тайнасці лёс захаваў, Далі сцяною аблёг); то мізэрнае, жабрацкае існаванне, супрацьпастаўленае рабскаму лёсу (Ляпей жабрачы лёс… Але не лёс раба); то шчаслівае напоўненае радасці жыццё (Згадаўся думцы кволы Шэлі, Ягоны светласпеўны лёс).

У паэзіі А. Гаруна лёс – гэта зашыфраванае чалавечае ўбоства, пакора, задаволенасць мізэрнымі дабротамі (Жыве спакойна вол пад тым ярмом сваім, намуляў карк. Мазолі, скрозь мазолі! Падкінуць сена жмут – яму й таго даволі. І лёс мізэрны свой не назаве благім).

У паэзіі Л. Геніюш лёс – разлучнік, які раздзяліў беларусаў, раскідаў па свеце (Лёс раскідаў нас па ўсіх канцох, ты ж адзін грудзьмі супроць нягодаў); не толькі душа, знітаваная з роднай прыродай, а і ўсё роднае, блізкае, што праходзіць праз сэрца паэткі (Душа мая – ніт, пераплецены з лёсам зялёных палеткаў і вёсак у далінах, душа мая-кветкі і сум на пакосах, і ястраба шпоны, і ўзлёт галубіны). Побач з лёсам паэтка нярэдка ўжывае сінонім доля, якому надаецца то значэнне калыскі беларускасці (О, зямля! Сноў сялянскіх калыска, беларуская наша доля); то палыновай горычы (Айчына – адвечнае слова з глыбінь з жыццём удыхнулі ў сэрцы. Долі палын і нядолі цяплынь і вернасць падзеям да смерці); то ўрачыстая песня нашай прадзедаўскай мове (Мова дзядоў маіх, мова мая, Гімн нашай долі пакутны і ўзнёслы). У гэтых радках асноўным кампанентам выступае нацыянальны склад думання аўтаркі, нацыянальная логіка светасузірання, перажываная інфармацыя.

Для А. Куляшова лёс – гэта рака дзяцінства Бесядзь, на якую ён глядзіць праз своеасаблівыя «акуляры» і якая персаніфікуецца з вытокамі ягонай паэзіі, самой паэзіяй, клапатлівай маці (Плыву па ёй (Бесядзі)! Як хлопчыку малому – Паслаў мне лёс блакітную раку – праз цёмны акіян яна дадому Вядзе мяне, як маці, за руку) ці размежавальнік (Між намі лёс правёў размежаванне: Вы – скрыжаванне рук, я – крокаў рух).

У У. Караткевіча лёс – дарога, пакручастая, цёмная (Я [іду] лугавою дарогай, Пакручастай і цёмнай, як лёс); або пагрозлівая ноч (Ноч, як лёс, дамам пагражае. Цёмнай злівай, слатой. Тугой); або Залатая клетка (Няма ў душы маёй праклёнаў, Няма на веях цяжкіх слёз.. Заставайся ў клетцы залачонай Ты сама абрала гэты лёс). У гэтых радках У. Караткевіч, абапіраючыся на народна-паэтычныя традыцыі, нагадвае жанчыне пра тое, што жыць у залатой клетцы, мець дастатак, багацце — не мець свабоды, волі. Тут дарэчы будзе нагадаць народныя выслоўі: Лепш на волі на голай ветцы, чым у няволі ў залатой клетцы. Лепш на свабодзе ў каморцы, чым у няволі ў залатой клетцы. У наступных радках праз адмысловы мастацкі ракурс лёс-бізун паэт асуджае беларускую пакорнасць і адначасова выказвае сваю любоў, спагаду да свайго народа. Аўтар паглыбляе лексічнае значэнне поля лёс з дапамогай элемента семы бізун, які ў беларускім фальклоры валодае дадатковым асацыятыўным адценнем сімвала грубай сілы, прымусу (Што горды здзек, што вольнай песні ўзлёт Для чарады, чый лёс – бізун агідны. Як мне любіць такі народ?. Няшчасны мой..

Улюбёны.. Ненавідны); або свінец, непад'ёмны цяжар: Растаплю я твае снягі, А іначай лёс, як свінец, Сконы радасці і тугі, І канец, сапраўды канец); або Вечнасць (ты вечнасць, лёс). У мове У. Караткевіча лёс можа быць адвечны, надзвычайны, нязбыты, няўмольны, светлы, усяўладны, чорны.

У паэзіі Н. Гілевіча лёс у адным радку асацыюецца і з Беларуссю, і з вечным болем, і з недаспяванай песняй (О, Беларусь! Мой лёс, Мой вечны боль, Мая невыспеваная давеку Песня!); гэта свавольнік, гарэза (Можна ўсё да апошняй драбніцы аддаць Ды яшчэ ўсміхнуцца свавольнаму лёсу); гэта жыццёвая мярэжа (калі з гурмой дзядзькоў сівабародых, Ахрышчаны ў тваіх празрыстых водах, Ён невад тут цягнуў, нібы свой лёс); або сімвал людской абыякавасці, чалавечай трагедыі рэпрэсаваных асаднікаў (Гляджу і думаю: які нялюдскі лёс асадніцкіх сядзіб!); нарэшце, нялёгкі жыццёвы шлях (Які цяжар, якая кара, Калі, спасцігшы лёс свой трудны, Ты сам суддзя, і сам-падсудны, І сам-падсуднага ахвяра!)

М. Стральцоў спалучае лёс з міфапаэтычным вобразам дрэва, выяўляючы такім чынам універсальную канцэпцыю жыцця (Дрэва кронай хістае, нада мной навісае, як лёс); з прыроднымі з'явамі (Вада асенняе крыніцы, Яе злавесныя агні, Калі пад вечар неба ніца Глядзіць з панурай глыбіні, – Мне нагадалі даўні лёс, Якога памяць ці жывая); нарэшце паэтычная творчасць (паэзія – лёс, а лёс бывае розны, і паэт па-рознаму прымае і нясе гэты лёс).

Нечаканую алюзію канцэпт набывае ў Я. Янішчыц, якая, размаўляючы са сваёй каляжанкай Хр. Лялько, даводзіць: А востры серп прабабкі, Хрысціна, гэта – лёс. Вядома, што ў беларускай міфалогіі серп сімвалізаваў «працяг» жняі, увасабляў яе жыццёвую сілу. У іншых радках – гэта чаканне (Пад купалам нябёс, Дзе голас, як літанне, Такі нам выпаў лёс: Суцэльнае чаканне); і нечакана з'яўляеца лёс – думнік, мысляр (Вось думнік-лёс, а скраю – леснічоўка І над парожкам зарыва рабін).

Інакшае ўяўленне пра лёс, яго канцэптуальнае разуменне ў творчасці паэтаў-эмігрантаў, вымушаных уцекачоў з роднай Беларусі. Мяняюцца яго межы, паняццевы аб'ём, сэнс, які непасрэдна звязаны з выгнанніцкім лёсам. Для Алеся Змагара – гэта бязлітасны руйнавальнік (О, дзікі лёс вайны! Знішчальнік ніў, загонаў! Спыні свой страшны шал!)

У Я. Золака канцэпт лёс – выгнаннік, бесхацінец, у якім адчуваецца цяжкі псіхалагічны настрой, непрыкаянасць, бяздомнасць (З краю роднага, з роднага дому, У чужы і няведамы край Мяне выгнаў мой лёс-пустадомак Сумаваць і павольна ўміраць). Тут паэт выказаў самыя запаветныя думкі кожнага чалавека, які апынуўся на чужыне: адарванасць ад Радзімы, беспрытульнасць. Для А. Салаўя – прадвеснік смерці (Давядзецца мне долу зваліцца, патрабуе пагібелі лёс). Для М. Сяднёва – хлус, манюка (Таго ўсяго няма – лёс нахлусіў паганы).

У творчасці асобных аўтараў канцэпт лёс персаніфікуецца з конам, радзей рокам. Кон у беларускай міфалогіі – увасабленне прадвызначанага вышэйшымі сакральнымі сіламі сусветнага парадку, у больш вузкім сэнсе – лёс чалавека, яго доля [5, с. 251]. Рок – Бог праўды, справядлівасці прадвечны Кон [5, с. 238]. Паводле В. Ластоўскага, Правечны Кон – гэта другая асоба славянскай Тройцы: «Ён даў усяму жывому законы жыцця, назначыў кон, долю і акрэсліў канец, скон. <> Правечны Кон даў права, закон людзям, звярам, птахам, полазам, рыбам, і наагул усяму, што жыве, родзіцца і памірае. Устаноўленыя ім законы вечны і непарушны» [8, с. 60]. Сімвалам Кона было сонца (У той жа момант Кон Правечны блакіт-кнігу ў высях неба разгарнуў…І агністыя пісмёны адамкнуў).

У канцэпце Кон Н. Арсенневай адчуваюцца песемістычныя ноткі болю па страчанай Радзіме, скрозь якія прабіваюцца ноткі веры ў светлы дзень вяртання на Бацькаўшчыну: (Блакітная, далёкая Радзіма, калісь – штодзённы хлеб, а сяння – толькі сон, мы вернемся, чакай, хай хворымі, старымі, а вернемся! Так дай нам Кон!) У другім выпадку канцэпт Божы Кон – адлюстроўвае веру ў Бога, які дапаможа ўваскрасіць наш край (Чакайце ж, верце, прыйдзе Ён, Вялікі Дзень, і ў нашу хату, пашле і нам нарэшце свята дзіўны, нязнаны Божы Кон). У наступных радках паэтка, хоць і ўдзячная свайму лёсу, але скрозь словы падзякі прабіваецца пачуццё ахутанай паэтычнай смугой настальгіі, невылечнага болю па страчанай Радзіме (Я дзякую табе за ўсіх, за ўсё, мой кон, хоць мо й нязвыклы ты людской падзякі).

Трагедыйнае светаадчуванне, бязлітасны збег абставінаў укладваюцца ў канцэпт кон М. Кавылём: Бацькоўскі дом пакінуў я даўно, Без жалю кон шляхі жарствою сцеле.

Калі само слова лёс у залежнасці ад кантэксту мае або станоўчую, або адмоўную, або нейтральную ацэнку, то яго сінонім рок утрымлівае толькі негатыўнае адценне. У паэзіі А. Гаруна рок – гэта прадвызначанасць, дараваная зверху, Богам, якую чалавек не здольны змяніць. Ён можа толькі быць удзячным Богу за яго і падпарадкоўвацца яго сіле на працягу ўсяго жыцця. Такім ён паўстае ў творах А. Гаруна (Пакуту Рок табе, шчасліваму, прызначыў, І ўдзячны за яе Вялікаму ты будзь. Мой сын, спачтаку мы падуладны пану Року – І ў гэта вер).

Слова рок вельмі рэдка сустракаецца ва ўзвышаным стылі, яго зусім няма ў народна-песеннай творчасці, слоўнікі літаратурнай мовы, на жаль, не фіксюць гэтую адзінку, якая ўзыходзіць да старажытнага ректи.

У беларускай культурнай свядомасці канцэпт «лёс» асацыюецца з наступнымі сэнсавымі радамі: доля, жыццё, наканаванасць, наканаванне, планіда, кон , рок, а ў індывідуальна-аўтарскай свядомасці гэтыя рады ўзбагачаюцца дадатковымі сэнсавымі адценнямі, якія пашыраюць звычныя значэнні. Гэта адбываецца таму, што «ў структуру канцэпта ўваходзіць усё тое, што і робіць яго фактам культуры – зыходная форма (этымалогія); сціснутая да асноўных прыкмет зместу гісторыя; сучасныя асацыяцыі; ацэнкі і г. д.» [9, с. 41]. Канцэпт «лёс» у розныя часы рэальны у сваіх розных модусах і іпастасях. Такім чынам, пра беларускі лёс нельга рабіць выснову толькі на падставе адной лексемы, аднаго паняцця, так як адпаведныя паняцці ў нашай мове размяркоўваюцца паміж значэннямі доля, рок, кон, наканаванне і іншымі. Лёс можа быць асабісты, балесны, бедака, варожы, высакосны, высокі, глыбінны, горкі, добры, другі, жабрачы, заняпалы, злы, зямны, крохкі, лёгкі, ліхі, мужны, мужычы, невядомы, непрыкаяны, няспраўджаны, нястомны, паганы, свой, светлы, скваплівы, Хрыстосаў, цяжкі, чалавечы, шчаслівы і г. д.

Адзначым, што сема лёс ужываецца пераважна ў літаратурнай мове. Магчыма, гэта тлумачыцца яе іншамоўным паходжаннем. Таму ў народнай мове часцей сустракаецца лексема доля, якая можа быць рознай: шчаслівай / нешчаслівай, добрай / злой, трагічнай / мілай, цяжкай / лёгкай, аднак яна не падобна да року. Горкая доля-нядоля – гэта супрацьпастаўленне адна з найгалоўнейшых апазіцый у мадэлі сусвету беларуса. У беларускім фальклоры шчаслівая доля называецца зоркай, нядоля ж – зорка злая, удзел горкі, бяздольны. Слова доля – гэта агульнаславянская адзінка, якая пацвярджаецца міфалагічнымі крыніцамі. Доля – гэта багіня шчасця, лёсу ў славянскай міфалогіі. Як сцвярджаецца: «Доля, доля-шчасце, адно з старых ўяўленняў-персаніфікацый, што міфалагічным спосабам тлумачыць прадвызначанасць чалавечага лёсу, яго разнастайнасць, шчаслівыя і нешчаслівыя яго вырашэнні. Паводле традыцыйных уяўленняў, чалавек надзяляецца доляй пры нараджэнні, прытым доляй яго надзяляе маці або найвышэйшыя сілы, якія сімвалізуе Бог» [5, с. 149]. Як бачна, тут падкрэсліваецца наканаванасць і разнастайнасць долі, яе адзінства, злучанасць з Богам.

У нашых продкаў лёсам кіравала богіня Мокаш, якая прала ніткі лёсу і, акрамя таго, апекавалася жаночым рукадзеллем. Ёй дапамагалі дзве сястры – Доля і Нядоля – нябесныя праллі, якія пралі нітку жыцця кожнага чалавека. Доля ўвасабляла шчасце, талань, Нядоля (Ліха) – гора, злыбеду. Доля – гэта тое, што дзеліцца на часткі, што чалавек атрымлівае пры нараджэнні. З часам чалавек асэнсоўвае сябе часткай / доляй цэлага. Аднак доля ў кожнага свая, таму што свет падзелены на долі, кожнаму дастаецца яго доля. Адбываецца ўплыў звонку. Доля не самстойная як кон, яна выпадае. Лексема доля ў сучасным беларускім маўленні амаль не сустракаецца ў свабодным словазлучэнні. А выкарыстоўваецца ў ідыёмах кшталту такая доля выпала, пакласці на чыю-небудзь долю.

Актуальнасць канцэпту для беларускай мовы пацвярджаецца існай сістэмай сінанімічнага раду, у якім, акрамя слова лёс, рэпрэзентаваны лексемы, тоесныя з'явам доля, жыццё, наканаванасць, наканаванне (разм.); планіда, зорка, латарэя, кон (перан.); жытка (разм.), фартуна, фатум, боская воля (царк.), доля, будучыня. Яны таксама ўключаюць у сябе паняцце непрадказальнасці, прадвызначанасці, незваротнасці, праўда, не ўсе дэфініцыі гэтага шэрагу цалкам тоесныя паміж сабой. Уяўленне пра лёс адносіцца да асноўных катэгорый нацыянальнай культуры, якія ствараюць глыбінны падмурак каштоўнасцяў, вызначаюцца чалавечым калектывам. Канцэпт лёс, рэдка прысутнічае ў міфалагічных, рэлігійных, філасофскіх і этычных сістэмах нашай культуры. Ён часцей за ўсё замяняецца тут сваямоўнай адзінкай доля. Якраз яна складае ядро нацыянальнай і індывідуальнай свядомасці.

Разглядаючы сінанімічны рад лексемы лёс, мы знаходзім варыятыўнасць ужыванння, якая абумоўлена стылёвай дыферэнцыяцыяй, семантычнай залежнасцю ад сітуацыі, калі адбываецца несвядомы, інтуітыўны выбар адпаведнага слова з усіх пададзеных тоесных адзінак. Аналізуючы прыведзены матэрыял, можна зрабіць выснову, што канцэпт лёсу рознавектарны, неадназначны. У ім знітавны ключавыя ідэі беларускай культуры.

Літаратура

1.Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 392 с.

2.Spengler, O. Der Untergang des Abendlandes. Umrisse einer morphologie der Weltgeschichte. Gestalt und Wirklichkeit. / O. Spengler. – C.H. Beck'sche Verlagsbuch–Handlung. München, 1920. – 615 S.

3.Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / Акадэмія навук БССР, Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа ; пад агульнай рэд. акадэміка АН БССР К.К. Атраховіча ; рэдкалегія : А.Я. Баханькоў, П.М. Гапановіч (рэд. тома), М.П. Лобан, М.Р. Суднік. –Мінск : Галоўная рэдакцыя Беларускай савецкай энцыклапедыі, 1979. – Т. 3. – 672 с.

4.Беларуская энцыклапедыя: у 18 т. / Рэдкал. : Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мн. : БелЭн, 1989. – Т. 9. – 560 с.

5.Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўнік / склад. І. Клімковіч ; рэдкал. : С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч [і інш.]. – Мн. : Беларусь, 2004. – 592 с.

6.Клышка, М.К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў. / М.К. Клышка ; пад рэд. Л.А. Антанюк. – 2-е выд., выпр.і дапоўн. – Мн. : Выш.шк., 1993. – 445 с.

7.Шведаў, С.М. Слоўнік сінонімаў беларускай мовы. / С.М. Шведаў – Мінск : Сучаснае слова, 2004. – 480 с.

8.Ластоўскі, В. Выбраныя творы / В. Ластоўскі ; Уклад., прадмова і каментарыі Я. Янушкевіча. – Мн. : Беларускі кнігазбор,1997. – 512 с.

9. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.01.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.162.1'367.625:811.112'367.625

Словообразовательный потенциал глаголов физического воздействия в составе фазовых деривационных парадигм (на материале русского и немецкого языков)

Т.И. Скоробогатая

Рассматриваются особенности деривационного потенциала глаголов физического воздействия в русском и немецком языках с учетом имеющего места взаимодействия единиц разных уровней. Глагольная лексика исследуемых языков анализируется в составе фазовых деривационных парадигм. Охарактеризованы синтетические и аналитические средства представления деривационной семантики глаголов физического воздействия. Сопоставительный анализ деривационных средств позволяет дать всестороннюю оценку различному соотношению полных и неполных номинативных рядов, выявить общие и специфические для каждого из языков деривационные значения и средства их выражения.
Ключевые слова: глаголы физического воздействия, номинативный ряд, деривационная парадигма, русский язык, немецкий язык, словообразовательное значение, деривационные сочетания.

The peculiarities of the derivational potential of the verbs of physical impact in Russian and German languages are considered, taking into account units of different levels of interaction. The verbal vocabulary of the languages under study is analyzed as a part of the phase derivational paradigms. Synthetic and analytical means of the word-formation semantics representation of the verbs of physical impact are characterized. The comparative analysis of the derivational means allows assessing varied correlation of complete and incomplete nominative sets, to identify general and specific for each language derivational meanings and means of their expressing.
Keywords: verbs of physical impact, nominative set, derivational paradigm, Russian language, German language, word-formation meaning, derivative collocations.

Разные лексемы обладают различными возможностями словопроизводства Известно, что глагол обладает наибольшим словообразовательным потенциалом [1], [2], [3]. Деривационный потенциал может выявляться в словообразовательной парадигме, словообразовательной цепочке, в словообразовательном гнезде. «Для словообразования существенны отношения, связывающие родственные единицы, т. е. такие, основа выявления и отождествления которых представляется эксплицитно. Эти основополагающие свойства так или иначе отражаются на связях производного слова не только с другими словами, но и отношениях с единицами других уровней» [4, с. 123]. На наш взгляд, наиболее полно деривационный потенциал при сопоставлении неблизкородственных языков (русского и немецкого) можно выявить в рамках ономасиологического подхода. Ономасиологический подход, рассмотрение деривации как процесса позволяет обратиться к различным способам представления содержания номинативных единиц и рассматривать их не изолированно, а в составе целых объединений деривационно родственных единиц различной структуры. «Деривационные структуры «берут за основу» словообразовательные, «дополняют» их словосочетаниями с той или иной степенью аналитизма, имеющими в своем составе родственные по корню слова» [4, с. 119]. Сопоставительно-типологические исследования неблизкородственных языков требуют учета межуровневых связей и отношений, процесса взаимодействия единиц разных уровней. При этом актуальным становится изучение связей мотивированных слов со словосочетаниями, различными типами аналитических конструкций. Таким образом, цель работы – охарактеризовать и сопоставить деривационный потенциал глаголов физического воздействия с учетом межуровневых связей. В данной статье в центре внимания оказываются объединения родственных единиц, принадлежащих к разным языковым уровням. В качестве сопоставления выбраны фрагменты глагольной составляющей отвербативных парадигм.

Своеобразной системой упорядочивания производных является фазовая парадигма глагола. По определению Е.Я. Титаренко, «фазовая парадигма (ФП) глагола – это совокупность всех производных глаголов противоположного вида одного производящего, каждое из которых составляет с исходным глаголом словообразовательную пару, имеет мотивационные отношения и выражает один из фазовых пределов. На тех же основаниях в ФП глаголов НСВ входят супплетивная видовая пара и глаголы НСВ, выражающие одно-многократные фазовые отношения (многократные, прерывисто-смягчительные и др.)» [5, с. 102]. В фазовой парадигме дериваты группируются вокруг мотивирующего глагола в строго определенном порядке. На наш взгляд, такое понимание и определение ФП может быть взято за основу и сопоставительно-типологического исследования с некоторыми существенными уточнениями. Во-первых, категория фазовости формально может быть представлена синтетическими единицами и аналитическими средствами – словосочетаниями, включающими в свой состав компоненты, деривационно родственные производящему глаголу. Например, префикс *за-* и словосочетания модели *начать (начинать)+производящий глагол* в русском языке, а полупрефикс *an-* и синонимичные конструкции типа *beginnen (anfangen) + zu + производящий глагол* в немецком языке выражают начинательность у производных глаголов. Во-вторых, при наличии тех или иных фазовых значений, не для каждого языка, например, немецкого, характерно противопоставление по виду на уровне морфем. Следовательно, фазовая парадигма далеко не всегда может быть ограничена совокупностью всех производных глаголов противоположного вида. В-третьих, понимание фазовой парадигмы только на уровне морфем, как единственных средств ее представления, противоречит, на наш взгляд, пониманию фазовости как универсальной категории, не учитывает межуровневые связи, а, следовательно, ограничивает общее «поле» сопоставления неблизкородственных языков.

Учитывая межуровневые связи, *фазовую парадигму* с точки зрения номинативной деривации можно определить как совокупность номинативных рядов с фазовыми значениями. Фазовая парадигма как совокупность номинативных рядов характеризуется разнообразием значений, что позволяет взять ее за основу сопоставления деривационного потенциала глаголов в русском и немецком языках.

Глаголы со значением «физическое воздействие на объект» в русском и немецком языках характеризуются различным деривационным потенциалом, что отражается в количестве отвербативов в составе парадигм исходных единиц. Исследуемые глаголы русского языка характеризуются парадигмами, в состав которых входят от 2 до 29 отвербативов, в то время как в парадигмы производных глаголов входят от 1 до 50 отвербативов. Например, парадигма глагола *массировать* имеет только 2 производные лексемы, глагола *рубать* содержит 4 производных, в то время как парадигма глагола *кусать* имеет 29 отвербативов. В немецком языке в деривационную парадигму глагола *brechen* ‘ломать’ входит 26 производных глаголов, деривационная парадигма глагола *dehnen* ‘тянуть’ ограничивается только 3 производными, глагол *lockern* ‘рыхлить, шатать’ является производящим только для одного производного, в то время как 50 производных глаголов образовано от *schlagen* ‘бить’.

Деривационные парадигмы глаголов физического воздействия в русском и немецком языках отличаются друг от друга также по способу образования отвербативов. Так, однословные производные в деривационной парадигме русского языка образованы префиксальным (84 %), суффиксальным (5 %), префиксально-суффиксальным (3 %), постфиксальным (6 %), префиксально-постфиксальным (2 %) способами. Однословные производные в деривационной парадигме немецкого языка представлены сложными словами (56 %), префиксальными (10 %) и полупрефиксальными (34 %) производными.

Немецкий язык за счет продуктивности словосложения обладает большим количеством однословных лексем. В русском языке композитам немецкого языка соответствуют либо словосочетания с наречиями, либо производные глаголы: *entzweibeißen* ‘перекусить пополам, раскусить’, *sich zurückbeugen* ‘наклоняться назад’, *hochbiegen* ‘отгибать под прямым углом’, *zusammenbinden* ‘связывать’, *herausbohren* ‘просверливать, высверливать’. Однако наличие большего числа префиксов в русском языке приводит к большому числу таких производных глаголов с разнообразными значениями, которые в немецком языке могут быть представлены

только словосочетаниями. Например, значение ‘совершение действия в течение некоторого времени’ в русском языке может быть выражено префиксом **по-** и синонимичным префиксу словосочетанием с компонентом **некоторое время** в качестве деривационного: *погрызть – грызть некоторое время, подолбить – долбить некоторое время, поскрести – скрести некоторое время.* В немецком языке данное значение представлено исключительно аналитическими средствами, такими, как наречия и наречные выражения, обозначающие незначительную протяженность во времени **(eine Zeitlang** ‘некоторое время; недолго’, **eine Weile** ‘некоторое время’, **einige Zeit** ‘некоторое время’**):** *помешать – мешать некоторое время – eine Zeitlang rühren, поскоблить – скоблить некоторое время - eine Zeitlang schabeln).* С помощью морфем в немецком языке не отражаются следующие значения: ‘распространение действия на все или многие объекты’ *(перецеловать – viele küssen),* ‘не полностью совершить действие, названное мотивирующим глаголом, не довести его до необходимой нормы’ (*недожарить – nicht zu Ende braten*), ‘действие, происходящее с небольшой интенсивностью время от времени’ *(постукивать – von Zeit zu Zeit klopfen)*, ‘многократность действия’ *(повязывать – zu schlingen pflegen),* ‘однократность действия’ (*пнуть – einen Tritt geben).*

Немецкий язык обладает специфическими значениями, отсутствующими в русском языке на словообразовательном уровне: ‘направленность действия к определенной цели в сторону от говорящего / к говорящему’ (*hertasten – ощупывать руками, искать ощупью* (в сторону говорящего)’, ‘направленность действия в обратном направлении’ *(zurückschlagen – наносить ответный удар),* ‘направленность действия в сторону от чего-либо’ *(fortbewegen – сдвигать с места; передвигать),* ‘направленность действия вперед’ *(vorstoßen – толкнуть вперед)* ‘неправильное совершение действия’ *(verbinden – неправильно связать),* ‘повреждение’ *(bestoßen – повреждать ударами, сбивать края).* Для производных с данными значениями характерен синкретизм словообразовательного и лексического значений.

Наряду с синтетическими средствами представления деривационной семантики в составе исследуемых парадигм имеются и аналитические. Структурные и семантические особенности аналитических единиц деривации русского глагола исследовал А.В. Никитевич [6, с. 53]. К средствам аналитической деривации в русском языке относятся деривационные словосочетания (*поддавить – давить слегка, надгибать – слегка сгибать*), устойчивые словосочетания (*отбеливать – подвергать отбелке, поразить – нанести поражение*) и лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции (*подвинтить – завинтить туже, поутюжить – погладить утюгом*), в немецком языке – деривационные словосочетания *(erdrücken – zu Tode drücken* ‘задавить’, *emporstoßen – nach oben stoßen* ‘толкать вверх’), устойчивые словосочетания (*begraben – zu Grabe tragen* ‘хоронить, погребать’, *befestigen – fest an etw. anbringen* ‘прикреплять, закреплять, крепить’), лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции (*aufreiben – wund reiben* ‘стирать, сдирать (кожу до крови)’, *auskleben – inwendig bekleben* ‘оклеивать изнутри’) и деривационные конструкции (*an etw. +производящий глагол, auf etw. + производящий глагол, in etw. + производящий глагол, um etw. + производящий глагол, durch etw. + производящий глагол, aus etw. + производящий глагол*). Лексически конкретизированные словосочетания в деривационной функции отличаются от деривационных словосочетаний нерегулярностью и индивидуальностью.

Особое значение в парадигмах глаголов физического воздействия как в русском, так и в немецком языках, имеют деривационные словосочетания. Специфика различных типов деривационных словосочетаний определяется лексемами, способными выступить в деривационной функции. В качестве деривационных слов как в русском, так и в немецком языках могут употребляться глаголы (*начать, оканчивать, прекратить, делать, нанести* и другие; *zerkleinern* ‘дробить’, *töten* ‘убивать; умерщвлять’, *beginnen* ‘начинать’, *aufhören* ‘прекратить’, *verletzen* ‘ранить’ и другие), наречия (*слегка, дополнительно, по-иному, еще раз, снова, снизу, понемногу, насквозь; falsch* ‘неправильно’, *nicht ganz* ‘не полностью’, *leicht* ‘слегка’, *ein wenig* ‘немного’, *anders* ‘по-другому’, *neu* ‘заново’, *gründlich* ‘основательно’, *heftig* ‘сильно’, *zu viel* ‘слишком много’, *zu stark* ‘слишком сильно’, *zu lange* ‘слишком долго’), местоимения (*все, многое, друг друга; alle* ‘все’, *vieles* ‘многое’, *einander* ‘друг друга’), а так же словосочетания (*некоторое время, время от времени, не до конца,со всех сторон; von Zeit zu Zeit* ‘время от времени’,

über längere Zeit, lange Zeit ‘на протяжении длительного времени’), предложно-падежные формы (*in die Höhe* ‘ввысь’, *zu Boden* ‘к земле, на землю’, *in Stücke* ‘на куски’, *in 2 Teile* ‘на 2 части’, *zu Tode* ‘до смерти, насмерть’) и деривационные конструкции в немецком языке.

При сопоставительном анализе словосочетаний, коммуникативно эквивалентных производным глаголам русского и немецкого языка, можно определить распространенность в языке деривационных лексем (таблица 1).

Таблица 1 – Деривационные компоненты в русском и немецком языках

Деривационный компонент	Средний показатель в русском языке	Средний показатель в немецком языке
Глаголы	29 %	47 %
Наречия	43 %	25 %
Местоимения	14 %	4 %
Существительные с предлогом	3 %	8 %
Словосочетания	11 %	5 %
Деривационные конструкции	–	11 %

Глаголы, способные выступить в деривационной функции в русском и немецком языках, отличаются как по количеству единиц, так и качественным составом. Субстантивация инфинитивов как производящих единиц в немецком языке обуславливает употребление в деривационной функции таких вербальных лексем, которые в русском языке не могут быть десемантизированы и относятся только к лексически полнозначным единицам. Например, глагольные лексемы *öffnen* ‘открывать/открыть’, *zerkleinen* ‘измельчать/измельчить’, *befestigen* ‘прикреплять/прикреплить’, *verbinden* ‘связывать’, *töten* ‘убивать’ в составе деривационного словосочетания выполняют функцию служебного слова и могут соответствовать по значению префиксам: *zerklopfen* ‘разбивать, раскалывать (на куски)’ – *durch Klopfen zerkleinern* ‘измельчить посредством стука’), *vernieten* ‘соединять заклепками’ – *mit Nieten verbinden* ‘соединить клепками’), *abwürgen* ‘душить, задушить’ – *durch Würgen töten* ‘задушить’, *einlöten* ‘впаивать’ – *durch Löten in etw. befestigen* ‘прикреплять паянием’, *aufklopfen* ‘разбивать; открывать (ударами молотка и т. п.)’ – *durch Klopfen öffnen.*

Наречия в качестве деривационного компонента в русском и немецком языках в большинстве случаях являются экспликаторами одних и тех же значений: *neu binden – заново связывать, anders binden – по-другому связывать, nochmals bohren – сверлить еще раз.* Однако наречие *falsch* ‘неправильно’ в деривационной функции, эквивалентное по значению префиксу *ver-* и наречие *gründlich* ‘основательно’, эквивалентное по значению полупрефиксу *durch-* в русском языке не являются деривационными лексемами. В немецком языке чаще, в отличие от русского, в качестве служебных слов используются наречия с пространственным значением (*nach innen* ‘внутрь’, *nach unten* ‘вниз’, *nach hinten* ‘назад’, *nach oben* ‘вверх’, *nach vorn* ‘вперед’), так как для производных и сложных глаголов немецкого языка свойственно значение ‘направление действия в пространстве’ в большей степени. Русский язык характеризуется большей распространенностью словосочетаний с деривационным компонентом *слишком* в сочетании с наречиями (*много, долго, сильно*), в то время как в немецком языке деривационные компоненты *zu viel* ‘слишком много’, *zu stark* ‘слишком сильно’, *zu lange* ‘слишком долго’ в большинстве случаев служат только для заполнения межъязыковых русско-немецких лакун: *перепечь, печь слишком долго – zu lange backen*; *перетолочь, истолочь слишком много – zu viel zerstoßen*).

Местоимения *все, всех, многое, многих* в роли деривационных компонентов в русском языке широко представлены в деривационных парадигмах глаголов в словосочетаниях, коммуникативно-эквивалентных производным глаголам с префиксом *пере-*, в то время как *alle* ‘все’, *alles* ‘всё’, *viele* ‘многие’, *vieles* ‘многое’ в качестве деривационного компонента могут употребляться только в случае необходимости заполнить словообразовательную лакуну, возникающую при поиски эквивалента русскому производному глаголу в немецком языке: *передробить, дробить все – alles zerkleinern; перецеловать, целовать многих – küssen viele.* В немецком языке в качестве деривационного компонента употребляется местоимение *einander*

‘друг друга’ и его формы. Данное местоимение в русском языке может быть деривационным компонентом в словосочетаниях, эквивалентных производным глаголам с постфиксом *-ся*: *биться – бить друг друга, целоваться – целовать друг друга, бодаться – бодать друг друга.*

Что касается словосочетаний в деривационной функции, следует отметить, что в исследуемых языках они в большинстве случаев служат для заполнения межъязыковых словообразовательных лакун. Однако следует учитывать тот фактор, что одно и то же значение в одном языке может характеризоваться не как деривационное, а как лексическое, либо в качестве деривационного компонента иметь лексему, например, наречие: ***durch****bohren ‘****про****сверливать → сверлить* ***насквозь’ → eine Öffnung*** *durch Bohren* ***herstellen*** *‘делать отверстие сверлением’, durchschneiden ‘****про****резать → резать* ***насквозь’ → eine Öffnung*** *durch Schneiden* ***herstellen*** *‘делать отверстие резанием’.*

Отдельного рассмотрения заслуживают существительные с предлогами в качестве деривационного компонента. В немецком языке в качестве деривационных компонентов употребляются *in die Höhe* ‘ввысь’, *zu Boden* ‘к земле, на землю’, *in Stücke* ‘на куски’, *in 2 Teile* ‘на 2 части’ в словосочетаниях эквивалентных производным и сложным глаголам, и *nicht zu Ende* ‘не до конца’ в качестве деривационного элемента, с помощью которого заполняется русско-немецкая межъязыковая лакуна. Что касается русского языка, то в нем, согласно исследованию, установлены следующие деривационные компоненты *не до конца, на части, на куски.* Необходимо отметить, что компоненты *на части, на куски* употребляется в русском языке среди исследуемых парадигм глаголов в единичных случаях, в то время как в немецком языке компоненты *in Stücke* ‘на куски’, *in 2 Teile* ‘на 2 части’ представлены чаще.

Деривационные компоненты как один из способов выражения деривационных значений в русском и немецком языках выступают в целостных номинативных единицах, являющихся эквивалентами глаголов с аффиксами и могут быть тем единственным средством, которое способно заполнить межъязыковые лакуны, например:

Leider kann der Untermann den Obermann im Etagenbett nicht mehr ***hochdrücken,*** *weil die Matratzen nicht mehr auf Latten, sondern auf einem durchgehenden Brett gelagert werden. ‘К сожалению, человек на нижнем ярусе больше не может в двухъярусной кровати* ***давить (поднять) вверх*** *человека на верхнем ярусе, так как матрасы больше не на планках лежат, а на сплошной доске’.*

Ein Tschetschene, einen Kopf kleiner, die Augen weiß vor Wut, will ihn ***zurückstoßen…*** *‘Чеченец, на голову меньше, глаза белые от ярости, хочет* ***толкнуть*** *его* ***назад…****’.*

Langsam schrumpft die Schneemasse auf den Dächern, und wo sie nicht freiwillig rutscht, ***wird*** *sie von starker Hand* ***niedergestoßen*** *‘Медленно сокращается снеговая масса на крышах, и где она не скользит добровольно, она* ***сталкивается вниз*** *сильной рукой’.*

Деривационные морфемы и лексемы как в русском, так и в немецком языках, помимо фазовых значений, выражают и различные лексико-деривационные значения. Типовая парадигма глаголов физического воздействия русского языка (глагольный блок) состоит из 32 значений. Например, к типовым значениям исследуемых глаголов русского языка относятся следующие значения, выражаемые в конкретных парадигмах посредством префиксов и деривационных лексем: ‘довести до результата действие, названное мотивирующим глаголом’: **вз-**, **вы-**, **от-**, **с-**, **из-**, **по- сделать, нанести** *(взломать; выутюжить; отбелить, сделать белым; сровнять, сделать ровным; избить, нанести побои; поранить, нанести рану)*; ‘совершить действие с незначительной интенсивностью’: **по-**, **под-**, **слегка** (*пощупывать, щупать слегка; подранить, ранить слегка)* и другие.

Деривационные парадигмы глаголов физического воздействия в большинстве своем являются семантически сложными образованиями. Так, глагольный блок глаголов физического воздействия в немецком языке представлен 42 значениями. Стоит отметить, что нельзя утверждать, что глагольный блок деривационной парадигмы глаголов физического воздействия немецкого языка ограничивается 42 значениями. Не исключено, что есть и другие лексико-словообразовательные значения словосложений, существующих в языке, но не зафиксированных нами при исследовании, так как словосложение в немецком активный процесс. Деривационные значения у глаголов немецкого языка, в силу своей лексичности, не получили столь строгой и обобщенной классификации в германистике, как в русистике, однако они

соотносимы с лексико-словообразовательными значениями русского языка, например, значение ‘совершение дополнительного действия’ (*подгладить, подлакировать, поджаривать*) [7, с. 396] в немецком языке классифицируется как ‘улучшить что-либо’ (*aufbügeln, auflackieren, aufbraten*) значение ‘действие, направленное из одной точки в разные стороны, разъединение предмета на части’ (*раскусывать, раскалывать*) в немецком языке определяется как значение ‘открывание’ (*aufbeißen, aufhacken*). Группа локальных словообразовательных значений соотносится с группой значений, представляющих направления действия в пространстве в русском языке. Данные группы обладают общими значениями, например, ‘действие, направленное вверх, вниз, внутрь, наружу, на поверхность’ и другие. Кроме того, в немецком языке к данной группе относится значение ‘ответное действие’ (*zurückschlagen* ‘наносить ответный удар’, *zurückschallen* ‘звучать в ответ’, *zurückprallen* ‘отскочить, отпрянуть’), а также имеются словообразовательные значения, не фиксируемые в русском языке как словообразовательные: значение ‘к земле’ (*umsinken* ‘падать, валиться с ног’, *umreißen* ‘повалить’, *niederstoßen* ‘валить с ног, сбивать’), значение ‘последовательное действие’ (*nachfahren* ‘ехать вслед’, *nachschicken* ‘посылать вслед’, *nachsehen* ‘смотреть вслед’), значение ‘добавлять, дополнять’ (*zugeben* ‘придавать, давать в придачу’, *beilegen* ‘прилагать’, *beimischen* ‘примешивать’).

Таким образом, сопоставительный анализ деривационного потенциала глаголов физического воздействия в русском и немецком языках в составе фазовых парадигм свидетельствует о различиях как в наборе деривационных значений, так и в средствах их выражения. «Различия систем словообразовательных значений в разных языках свидетельствуют о потенциальной способности языковой системы выражать с помощью словообразовательных средств неограниченное число значений» [8, с. 356]. Нами исследовано 44 словообразовательных значения, из них 28 значений характерны как для русского так и для немецкого языка. Совершенно очевидно, что и в русском, и в немецком языках среди средств выражения номинативных значений, по традиции причисляемых к лексическим, есть единицы, способные выступить в деривационной функции, о чем свидетельствует их регулярность и соответствие по семантике словообразовательным аффиксам. Так, в русском языке 69 % деривационных значений глаголов физического воздействия представлены полными номинативными рядами, т. е. деривационная семантика выражается синтетически и аналитически, и 31 % – неполными номинативными рядами, в то время как немецком языке в составе типовой парадигмы 82 % деривационных значений отражены в полных номинативных рядах 18 % – в неполных номинативных рядах.

Литература

1. Земская, Е.А. Структура именных и глагольных словообразовательных парадигм в русском языке / Е.А. Земская // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1982. – С. 14–17.

2. Газизова, Р.Ф. Характеристика словообразовательного потенциала классов глагола / Р.Ф. Газизова // Тезисы региональной конференции. – Тюмень, 1989. – С. 57–64.

3. Казак, М.Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование : автореф. дис. …д-ра филол. наук : 10.02.01 / М.Ю. Казак ; Белгор. гос. ун-т. – Белгород, 2004. – 39 с.

4. Никитевич, А.В. Деривация и смысл : моногр. / А.В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2014. – 233 с.

5. Титаренко, Е.Я. Фазовая парадигма русского глагола / Е.Я. Титаренко // Русский язык и литература: проблемы изучения и преподавания школе и вузе : сб. науч. тр. / Киев. нац. ун-т. – Киев, 2009. – С. 98–102.

6. Никитевич, А.В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А.В. Никитевич. – Гродно : Гродн. гос. ун-т, 2004. – 347 с.

7. Русская грамматика : в 2 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.С. Авилова [и др.]. – 783 с.

8. Харитончик, З.А. Очерки о языке. Теория номинации. Лексическая семантика. Словообразование : избр. тр. / З.А. Харитончик ; Мин. гос. лингвист. ун-т. – Минск : МГЛУ, 2004. – 363 с.

Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 01.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.161.3'373.422'42

Антанімічныя карэляцыі і іх экспрэсіўная роля ў публіцыстычным дыскурсе

А.А. Станкевіч

Аналізуецца выкарыстанне ў публіцыстычным дыскурсе антытэзы, заснаванай на антанімічных карэляцыях; разглядаецца семантычная структура антанімічнай лексічнай адзінкі, апісваецца ўнутраны механізм стварэння кантрастнага паказу прадметаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці, акрэсліваюцца тыпы дамінантных семантычных апазіцый у публіцыстычным тэксце, падаецца граматычнае выражэнне і дэрывацыйная характарыстыка антанімічных карэляцый, адначаецца іх узуальны і аказіянальны характар, выяўляюцца функцыянальна-стылістычная і лінгвапрагматычная функцыі.
Ключавыя словы: дыскурс, антонімы, прыслоўі, марфалагічная структура, кантрастнае апісанне.

The use of antithesis based on antonymic correlations in journalistic discourse is analyzed. The semantic structure of an antonymic lexical unit is examined. The internal mechanism of creating high-contrast images of objects and phenomena of objective reality are described. Types of dominant semantic oppositions in journalistic text are outlined. Grammatical expression and derivational characteristics of antonymic correlations are indicated. Their language usage or occasional character is determined and the functional-stylistic and pragmatic functions are revealed.
Keywords: discourse, antonyms, adverbs, morphological structure, contrast description.

Публіцыстычны дыскурс, які актыўна выкарыстоўваецца ў грамадска-палітычным жыцці краіны, характарызуецца спалучэннем інфармацыйнай і прагматычнай функцый і займае адметнае месца ў сістэме функцыянальных стыляў. Ён вызначаецца папулярнасцю, вобразнасцю, палемічнасцю выкладу, яркасцю выразных сродкаў станоўчай або адмоўнай экспрэсіі [1, с. 243], [2, с. 180]. Адметнасцю публіцыстычнага стылю з'яўляецца выкарыстанне лагічна-абстрактнай, або навуковай, і эмацыянальна-вобразнай, або мастацкай формы адлюстравання аб'ектыўнай рэчаіснасці [3, с. 443], [4, с. 183]. У сувязі з гэтым сістэму разгорнутых доказаў публіцыстычнага дыскурсу арганічна дапаўняе сукупнасць разнастайных сродкаў выяўленчай выразнасці, якія выкарыстоўваюцца на розных моўных узроўнях – лексічным, лексіка-семантычным, словаўтваральным і сінтаксічным.

Важнейшым сродкам экспрэсівізацыі публіцыстычнага маўлення з'яўляецца антытэза, заснаваная на выкарыстанні лексічных адзінак з процілеглым значэннем, якая прыводзіць да стварэння кантрасту і ўзмацнення выразнасці выказвання: *Жыццё гэтых людзей ідзе ў змене дня і ночы, лета і зімы, працы і адпачынку – і ў гэтым, відаць, і ёсць найвышэйшая мудрасць: есці хлеб з поля, якое ты сам урабіў* [Ул. Караткевіч]; *Эмоцыі – узнікаюць і праходзяць, а памяць і думкі – застаюцца* [Н. Гілевіч]. Як адзначае Л.А. Новікаў, «асноўнае прызначэнне антытэзы заключаецца, з аднаго боку, у тым, каб ярка супрацьпаставіць розныя па сваіх якасцях і ўласцівасцях сутнасці, а з другога – удакладніць іх прынцыповае адрозненне, зрабіўшы яго "семантычным фокусам" фразы» [5, с. 248].

Кантраст, у аснове якога – выкарыстанне супрацьлеглых па сэнсе лексічных адзінак (антонімаў), забяспечвае структурна-сэнсавае адзінства тэксту і павышае яго выразнасць. Антонімы, як вядома, знаходзяцца на крайніх пунктах лексічнай парадыгмы ў моўнай сістэме [8, с. 243]. У антанімічныя адносіны ўступаюць словы, суадносныя па якой-небудзь прыкмеце, якія належаць да адной і той жа катэгорыі аб'ектыўнай рэчаіснасці як яе процілеглыя паняцці [7, с. 82]. Лагічную аснову антаніміі ўтвараюць супрацьлеглыя відавыя паняцці ўнутры радавага паняцця, якое адлюстроўвае адзіную і разам з тым падзельную сутнасць, семантычнай асновай для ўзнікнення антонімаў з'яўляецца наяўнасць у семантыцы суадносных слоў такой прыметы, якая можа відазмяняцца і даходзіць да сваёй процілегласці [8, с. 246].

Антонімы, выкарыстаныя ў складзе антытэзы ў публіцыстычным тэксце, выражаюць найчасцей супрацьпастаўленне аднародных паняццяў якасці або ўласцівасці прадметаў:

Успамінаецца далёкае і блізкае, у розных узростах і акалічнасцях ажывае вобраз любімага настаўніка [С. Грахоўскі]; *Дыялектыка ў тым, што для добрага .. заўсёды знойдзецца месца. Побач са старым і новым* [Ул. Караткевіч];

– іх дзеяння або стану: *Ніколі не пытайце ў закаханых, за што яны любяць: ніхто не ведае, ніхто не адкажа* [С. Грахоўскі]; *Стомлена ўспаўзае на пясок, плюскоча і адкочваецца ўбок нарачанская хваля* [С. Грахоўскі];

– прасторавых*: Дарога гэта мае свае ўздымы і спады, свае павароты. Ёсць людзі, якія лічаць, што творчасць пісьменніка павінна быць простай, няспыннай дарогай угору* [І. Мележ];

– часавых: *Мой дзед ведаў прыкметы надвор'я. Звечара, гледзячы ўгору, варажыў пагоду на раніцу. Зранку – на пасля абеду* [І. Грамовіч];

– або колькасных суадносін: *Уважлівае прачытанне сучаснай беларускай паэзіі дае, на наш погляд, падставу для наступнага вываду: сувязь з фальклорам больш моцная ў творчасці паэтаў старэйшага і сярэдняга пакаленняў і ў цэлым больш слабая ў паэзіі маладых* [Н. Гілевіч].

Найчасцей у публіцыстычным дыскурсе антытэза заснавана на дамінантных семантычных апазіцыях, якія ўключаюць тэмпаральнае: *Хтосьці сказаў: сучаснасці чыстай, самой па сабе, няма. Ёсць мінулае і будучыня. Сучаснасць – сплаў мінулага і будучага.* [І. Мележ];

– лакатыўнае супрацьпастаўленне: *Жураўліны ключ то крыху звужаўся, то, расшыраючыся, нават заломваўся даўжэйшым канцом, але птушкі адразу ж выпрамляліся, выроўнівалі яго, не перастройваючыся нават* [Я. Сіпакоў];

– кантрастны паказ дзеянняў і ўчынкаў людзей: *Былі сустрэчы, ростані, праца і адпачынак за адным сталом, выступленні ў вясковых школах, і перад студэнтамі* [Я. Брыль];

– іх маральна-этычных якасцей: *Цаню ў людзях мужнасць, сумленнасць і талент, а ненавіджу подласць, угодніцтва і крывадушша* [С. Законнікаў];

– пачуццяў, перажыванняў: *Алесь Бачыла – паэт шматгранны і асаблівы: знешне спакойны і ўраўнаважаны ў жыцці і востра палемічны ў паэзіі, уражлівы і ранімы ў грамадзянскіх стасунках, адкрыты, просталінейны і бескампрамісны ў адстойванні сваіх сумленных перакананняў, непахісны на пазіцыях справядлівасці і маральнай чысціні* [С. Грахоўскі];

– процілеглы характар сацыяльных з'яў: *Мы столькі пісалі на працягу дзесяцігоддзяў пра росквіт культуры, а перамагло бескультур'е, парадокс* [Н. Гілевіч]; *Амерыка – краіна багатая і разам з тым бедная, бо большасць яе жыхароў пакланяюцца аднаму богу – долару* [Б. Сачанка];

– супрацьлеглыя з'явы прыроднага свету: *Успамінаўся* [М. Лыньковым – А.С.] *Атлантычны акіян: «Ведаеш, ён ніколі не бывае аднастайны. Заўсёды мяняе колеры і адценні: то ціхі, то раз'юшаны, то ўсыпаны зорамі, то заліты сонцам. Свой характар, свае настроі, як у чалавека»* [С. Грахоўскі];

– процілеглыя адцягненыя паняцці: *І вось летась часопіс «Нёман» змясціў у сакавіцкім нумары «Аповесць пра сябе» Б. Мікуліча. Усяго, што ёсць у гэтым творы, не перакажаш. Трэба чытаць. Чытаць ад першага слова да апошняга, чытаць уважліва. І думаць, думаць* [Б. Сачанка].

У складзе антонімаў, якія ўдзельнічаюць у стварэнні кантрасту апісання ў публіцыстычным тэксце, паводле характару супрацьпастаўлення іх значэння вызначаюцца розныя класы слоў:

– антанімічныя пары, якія з'яўляюцца крайнімі супрацьлеглымі пунктамі ў сістэме апазіцыі аднародных паняццяў (*стары – малады*) і маюць магчымасць узнаўлення паміж імі сярэдняга члена з меншай ступенню супрацьпастаўленасці (*стары – немалады – пажылы*). Сярэдні член адлюстроўвае пераходныя ступені градацыі і паказвае павышэнне або паніжэнне ступені якасці: *Дзень сённяшні – гэта дзень учарашні і заўтрашні* [І. Мележ]; *Люблю* [П. Панчанку – А.С.] *за высокую грамадзянскую чуйнасць да вялікіх і малых трывог веку* [Н. Гілевіч]. Такія антанімічныя пары даследчыкі адносяць да кантрарных, а іх апазіцыю называюць градуальнай, паколькі ў ёй адлюстроўваецца розная ступень праяўлення адной прыкметы;

– антанімічныя карэляцыі, у якіх значэнне аднаго антоніма цалкам адмаўляе значэнне другога (*жыццё – смерць*). Яны абазначаюць супрацьлеглыя відавыя паняцці, якія дапаўняюць адно другое ў адносінах да радавага паняцця і па сваёй сутнасці з'яўляюцца гранічнымі, крайнімі, бо паміж імі не можа быць прамежкавых членаў: *Пастамент і труну ўкрывалі кветкі. Як мала мы дорым іх жывым і як шчодра прыносім нябожчыкам* [С. Грахоўскі]. Іх адносяць да камплементарных антонімаў, заснаваных на палярнай апазіцыі;

– антонімы, якія абазначаюць супрацьлеглую накіраванасць дзеянняў, прыкмет і якасцей: *Калі прыходзяць новыя часы – старая песня адыходзіць* [Ул. Караткевіч]. Такія антанімічныя адзінкі называюць вектарнымі, а іх апазіцыю – лагічнай [8, с. 244–246].

У стварэнні кантрасту публіцыстынага тэксту ўдзельнічаюць розныя граматычныя класы слоў:

– прыметнікі, якія называюць процілеглыя якасці і ўласцівасці прадметаў, з'яў і паняццяў: *Слова жывіла дух. Будзіла сілы. Слова вуснае – у паданнях і легендах, у казках і прыказках, у непаўторных і несмяротных народных песнях. І слова пісанае – у тых тысячах рукапісных фаліянтаў, што стваралісяі захоўваліся ў манастырах і цэрквах*! [Н. Гілевіч];

– назоўнікі, якія маюць тэмпаральнае значэнне: *Без мінулага не было б сучаснасці. Людзям, якіх даўно няма, абавязаныя і ўдзячныя мы, перад іх памяццю будуць схіляцца нашы нашчадкі* [С. Грахоўскі];

– працэсуальнае: *Трагедыя наша мае пачатак, але канца яе не відаць* [С. Законнікаў];

– субстантываваныя формы прыметнікаў, у складзе якіх:

– назвы асобы: *Маладыя і старыя, старыя і маладыя… Вечная, як свет, тэма*! *Маладыя крыўдзяцца на старых, старыя на маладых* [Б. Сачанка];

– адцягненых паняццяў: *З гадамі, чым далей адыходзіла вясна маладосці, тым усё часцей задумваецца паэт над сваім уласным творчым лёсам, над пройдзеным і перажытым, над здзейсненым і тым, што яшчэ хацеў бы здзейсніць* [Н. Гілевіч];

– дзеясловы – назвы процілеглых дзеянняў: *Ні ў адной цывілізаванай краіне свету гэткай праблемы жыць або не жыць сваёй роднай мове – няма* [Н. Гілевіч];

– антанімічныя прыслоўі, якія адлюстроўваюць супрацьпастаўленасць утваральнай асновы і дазваляюць перадаць процілеглыя акалічнасці: *Днём яшчэ цёпла, а ноччу цісне холад* [І. Мележ].

Акрамя таго, у антанімічныя адносіны ў асобных выпадках могуць уступаць займеннікі: *свой –чужы, усё – нішто;* прыназоўнікі: *ад-да, над-пад.*

У некаторых выпадках у адным кантэксце ў паралельныя антанімічныя пары ўключаюцца лексічныя адзінкі рознай часцінамоўнай прыналежнасці:

– прыметнікі і назоўнікі: *Чалавек адчувае мяжу магчымага, за якой – бяда. Гэта пачуццё абвастраецца, калі ходзіш побач з ёю. Калі для ўдачы патрэбны дзесяткі шчаслівых выпадковасцей, то для правалу – усяго адна, нешчаслівая* [Ул. Карпаў];

– прыметнікі і дзеясловы: *Воблакі, як само жыццё. Жыццё цячэ – хмаркі бягуць. То бываюць цёмнымі, то яснымі. То спакойнымі, то неспакойнымі* [І. Грамовіч];

– назоўнікі і дзеясловы: *Святы сустракалі разам, не разлучаліся і ў будні – дзяліліся і радасцямі, і горам* [С. Грахоўскі].

Паводле марфалагічнай структуры антонімы, якія ўключаюцца ў склад антытэзы, падзяляюцца на рознакаранёвыя і аднакаранёвыя. У рознакаранёвых (уласна лексічных) антонімах супрацьлегласць значэнняў выражаецца імпліцытна, карэлятамі з рознымі асновамі: *днём – ноччу, пачатак – канец*. У аднакараранёвых (лексіка-граматычных) антонімах процілегласць значэння ўзнікае экспліцытна, пры далучэнні да адной і той жа асновы антанімічных прэфіксаў, якія надаюць слову процілеглае значэнне: найчасцей гэта прыставачныя дзеясловы тыпу *прыходзіць – адыходзіць*. У прыметнікаў і назоўнікаў аднакаранёвая антанімія праяўляецца пераважна праз карэляцыю безафікснага слова з прэфіксальным дэрыватам: *спакойны – неспакойны, культура – бескультур'е* . У складзе антытэзы выкарыстоўваюцца як рознакаранёвыя антонімы, якія маюць інгерэнтную супрацьпастаўленасць і ствараюць кантрарныя адносіны (тыпу: высокі – нізкі; *далёкі-блізкі*), так і аднакаранёвыя, што выражаюць адгерэнтную апазіцыю і адлюстроўваюць контрадыкторныя адносіны паміж паняццямі (*высокі-невысокі, далёкі-недалёкі*).

Паводле структуры антытэза можа быць простай, заснаванай на супрацьпастаўленні адной антанімічнай пары: *Трывалей за ўсё застаюцца першая і апошняя сустрэча* [С. Грахоўскі]; або разгорнутай, у якую ўключаецца некалькі пар слоў з процілеглым значэннем: *Нішто не можа так акрылёна ўзвысіць чалавека, як усведамленне сваёй арганічнай далучанасці да духоўнай велічы свайго народа, і нішто не можа балючэй ударыць, страшней абразіць чалавека, як прыніжэнне нацыянальнай годнасці свайго народа* [Н. Гілевіч]; *Вайна .. гэта выпрабаванне, .. яна гартуе адных і разбэшчвае другіх* [Ул. Карпаў].

Узмацненню характарыстыкі прадмета або з'явы ў публіцыстычным дыскурсе садзейнічае таксама кантрастнае апісанне іх ўласцівасцей і якасцей, якое выконвае аксюмаран – аб'яднанне двух супрацьлеглых, несумяшчальных паняццяў. У адносіны супрацьпастаўлення уступаюць азначэнне і азначаемае слова, калі якасць, названая прыметнікам, супярэчыць сутнасці прадмета, не сумяшчаецца з сэнсам назоўніка: *Зачараваў мяне Пімен Панчанка смеласцю, сакавітасцю, незвычайнасцю звычайнага* [Р. Барадулін]; *Матчына песня, роднае слова .. Гэта яны могуць зрабіць невераемнае вераемным* [Р. Барадулін].

Сустракаюцца ў публіцыстычных тэкстах і кантэкстуальныя антонімы, якія ў агульнамоўнай лексічнай сістэме не маюць супрацьлеглага значэння, а набываюць яго толькі ў пэўным тэксце. Як адзначае Л.А. Новікаў, кантэкстуальныя антонімы – «гэта не абавязкова словы адной часціны мовы і не заўсёды максімальна магчымае адрозненне, а ўсяго толькі дадзенае ў вызначанай моўнай сітуацыі супрацьпастаўленне» [5, с. 79]. Кантэкстуальныя антонімы называюць таксама аказіянальнымі, сітуацыйнымі, маўленчымі антонімамі, квазіантонімамі.

Кантэкстуальныя антонімы могуць быць выражаны словазлучэннямі: *Я ж без юбілейнай урачыстасці, а па волі сэрца хачу прызнацца ў даўнім замілаванні паэзіяй Канстанцыі Буйло і яе творчым подзвігам* [С. Грахоўскі];

– асобнымі словамі – дзеясловамі: *Мы нярэдка хвалімся нашай прыроднай талерантнасцю, дэмакратычнасцю, верацярпімасцю, але .., наадварот, і дэмакратычнасці, і цярпімасці нам не хапае ..* [Н. Гілевіч]; *Мы марым і летуценім, што нешта зробіцца само .. – а трэба не летуценіць, а дзейнічаць* [Н. Гілевіч];

– прыметнікамі: *У каларыце пераважаў кантраст – чырвонае і чорнае, светлае і змрочнае* [С. Грахоўскі];

– назоўнікамі: *Проза ўздзейнічае на пачуццё людзей праз думкі. Верш навастрае слова і дзейнічае ім на думку чалавека праз яго пачуццё* [Ул. Караткевіч].

Кантэкстуальныя антонімы, якія ў агульнамоўным выкарыстанні адносяцца да розных тэматычных груп, набываючы прыкмету супрацьлегласці ў пэўным кантэксце, могуць асацыятыўна уключыцца ў адну тэматычную групу, дзякуючы актуалізацыі пераносных значэнняў: *Цвёрда перакананы ў адным, пакуль будуць чытачы, якія даражаць адкрытым словам паэзіі, вершы Івана Драча будуць гучаць, бо яны задушэўныя і мудрыя, вечныя і надзённыя, яны сапраўдныя* [Р. Барадулін].

Паводле меркавання В.А. Івановай, антанімічны рад мае замкнёную двухкампанентную структуру [9, с. 5]. Аднак у публіцыстычным тэксце нярэдка выкарыстоўваюцца парныя карэляцыі кантэкстуальных антонімаў, што значна павышае выразнасць маўлення: *Непрымірымасць пазіцыі Бачылы .. грунтавалася на суровай праўдзе, дзе ні схітрыць, ні схлусіць, ні ашукаць было нельга, дзе былі дабро і зло, святло і змрок, адвага і шкурніцтва* [С. Грахоўскі]. Пры гэтым кантэкстуальныя антонімы могуць мець рознае часцінамоўнае выражэнне і спалучаць узуальнае і аказіянальнае процілеглыя значэнні: *Мова першай матчынай калыханкі і апошняга «бывай», мова старадаўніх архіваў і новых школ на Палессі, мова пажаўцелых статутаў і мова кахання.. Мова, якая можа ўсё* [Ул. Караткевіч]; *Па дарозе едуць машыны, павозкі, ідуць салдаты. Групкамі і па аднаму. Раненыя і здаровыя* [І. Мележ]. У навуковай літаратуры выкарыстоўваецца тэрмін «міжчасцінамоўная антанімія», які падразумявае «антанімію процілеглых па лексічным значэнні слоў розных часцін мовы» [7, с. 79].Такое спалучэнне ў адным кантэксце антанімічных адзінак з рознай функцыянальнай накіраванасцю і неаднолькавым граматычным афармленнем узмацняе кантраст, павышае экспрэсіўнасць выкладу і спрыяе стварэнню калейдаскапічнага малюнка аб'ектыўнай рэчаіснасці, перадачы яго шматфарбнасці і шматзначнасці і палярнасці

Асаблівую выразнасць у публіцыстычным дыскурсе атрымлівае антытэза, якая спалучаецца з іншымі моўнымі сродкамі выяўленчай выразнасці:

– з сінонімамі: *Не кожны так умее слухаць, як слухаў Пятрусь Усцінавіч: у яго вачах і на твары адбіваліся людскія радасці і пакуты, клопаты і трывогі, здавалася, ён бачыць усё ўвачавідкі* [С. Грахоўскі]; *Заўсёды энергічны, няўрымслівы, кіпучы і няўседлівы Броўка, як і ўсе людзі, часам сумаваў і нудзіўся, адчуваў сябе не лепшым чынам, але ніколі не скардзіўся – у самыя крытычныя хвіліны заставаўся бадзёрым аптымістам* [С. Грахоўскі];

– устойлівымі спалучэннямі: *Хлеб – аснова жыцця. Хлеб надзенны й хлеб духоўны* [Р. Барадулін]; *Не грабі далонню, шкробай, жменяй – лепей аддай* [Ул. Караткевіч];

– параўнаннем: *Ушаччына была для Петруся Ўсцінавіча як павелічальнае шкло, праз якое бачыцца ўся Радзіма, з яе клопатамі і поспехамі, з яе радасцю і смуткам ёміста, велічна, чыста* [Р. Барадулін];

– перыфразай: *Я памятаю цябе* [Мінск – А.С.] *ў бэзавым цвеце і ў пару лістапада* [С. Грахоўскі];

– метафарай: *Гэта лёс вядзе чалавека па жыцці ад калыскі да дамавіны. Нараджаецца чалавек – у небе загараецца ягоная зорка, памірае, гасне – й зорка ягоная гасне* [Р. Барадулін].

Спалучэнне антытэзы з іншымі лексічнымі і лексіка-семантычнымі сродкамі выяўленчай выразнасці ў публіцыстычным дыскурсе стварае своеасаблівы слоўна-вобразны ланцужок, які ўпрыгожвае тэкст і ў значнай ступені павышае яго эмацыянальна-экспрэсіўнае ўздзеянне на чытача.

Такім чынам, антытэза, заснаваная на разнастайных антанімічных карэляцыях, выконвае істотную функцыянальна-стылістычную і лінгвапрагматычную ролю ў публіцыстычным дыскурсе: садзейнічае кантрастнаму апісанню прадметаў і з'яў аб'ектыўнай рэчаіснасці, павышае выяўленчую выразнасць маўлення і тым самым узмацняе эфектыўнасць яго ўздзеяння на свядомасць і эмацыянальна-пачуццёвы стан адрасата.

Літаратура

1. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М. : Изд.-во «Советская энциклопедия», 1979. – 432 с.

2. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов / М.Н. Кожина. – М. : «Просвещение», 1997. – 223 с.

3. Беларуская мова. Энцыклапедыя / Пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мінск : «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1994. – 653 с.

4. Цікоцкі, М.Я. Стылістыка тэксту / М.Я. Цікоцкі. – Мінск : Бел. навука, 2002. – 223 с.

5. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л.А. Новиков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 290 с.

6. Фомина, М.И. Современный русский язык: лексикология: учеб.пособие для вузов / М.И. Фомина. – М. : Высш. школа, 1978. – 256 с.

7. Миллер, Е.Н. Межчастеречная антонимия: Научные доклады высшей школы / Е.Н. Миллер // Филол. науки. – 1981. – № 1. – С. 78–82.

8. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: Учеб. пособие. / Л.А. Новиков. – М. : Высш. школа, 1982. – 272 с.

9. Иванова, В.А. Антонимия в системе языка / под ред. В.И. Кодухова. – Кишинёв : Штиинца, 1982. – 163 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.12.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 821.111(73)−34:177.61

Концепт «любовь» в произведениях современных белорусских и американских поэтов

В.Ю. Старокожева

Исследуется концепт «любовь» в лирических произведениях современных американских и белорусских поэтов. Тема статьи актуальна и имеет практическую значимость, так как подобные исследования ранее не проводились.
Ключевые слова: любовь, поэзия, лирика, чувство.

The notion of «love» in the works of modern American and Belarusian poets is analyzed. The topic of the article is urgent and the article is of practical value as such analysis has not been carried out yet.
Keywords: love, poetry, lyric poetry, feeling.

Любовь является одной из фундаментальных тем мировой культуры и искусства. Произведения о любви начали зарождаться в древности, но данная тема актуальна и сегодня. Особенно часто понятие «любовь» используется в интимной лирике.

Прежде всего следует дать дефиницию данного понятия. Так, в Большой Советской Энциклопедии дается следующая трактовка данного концепта: «Любовь является чувством, свойственным человеку, глубокой привязанностью к другому человеку или объекту, чувством глубокой симпатии» [1, с. 285]. Эрих Фромм определяет любовь так: «Любовь представляет собой плодотворную форму отношения к другим и к самому себе. Она предполагает заботу, ответственность, уважение и знание, а также желание, чтобы другой человек рос и развивался. Это проявление близости между двумя человеческими существами при условии сохранения целостности каждым из них. Любовь − это деятельность, а не страсть, кого-то обуявшая, и не аффект, кого-то “захвативший”» [2, с. 17]. Выделяется также такое понятие как «половая любовь». Половая (эротическая) любовь − это сильное, устойчивое сексуальное влечение к единственному лицу, порождаемое моралью моногамного брака. Половую любовь, выраженную в особо яркой форме, принято называть романтической любовью. Таким образом, любовь является чувством глубокой привязанности или симпатии одного человека к другому человеку, при этом личность каждого из них должна оставаться целостной.

В интимной лирике центральной темой произведения становится любовь во всех ее проявлениях: счастливая и несчастная, уже пережитая или только зарождающаяся. Данную лирику рассматривают как один из наиболее красочных жанров, который передает удивительный мир человеческих чувств и переживаний. Это своего рода жизнь, переданная романтическими образами.

Так, современный американский поэт Джек Гилберт намеренно выбирает название «The Great Fires» для своего произведения, потому что «огонь, пожар (fire)» является символом жизненной энергии, плодородия, сердца. Когда человек влюбляется, начинает разгораться огонек, а когда любовь становится крепкой, этот огонек превращается в большой костер, заставляющий душу и сердце пылать. Так поэт образно описывает любовь:

«*Love is apart from all things*» [3, p. 27].

Автор утверждает, что любовь в жизни играет очень важную роль и по градации стоит выше всех дел и забот. Она вносит что-то новое в жизнь каждого человека и не оставляет его прежним, меняет его образ жизни, взгляды и даже сам характер:

«…*Love lays hold of everything we know.*
The passions which are called love
also change everything to a newness
at first. Passion is clearly the path
but does not bring us to love.
It opens the castle of our spirit
so that we might find the love which is
a mystery hidden there...» [3, p. 27].

По мнению Джека Гилберта, любовь лежит в основе всего живого и всех представлений людей о жизни. Она тесно соприкасается со страстью, которая вносит новые эмоции, чувства и ощущения в существование человека. Но, по словам поэта, страсть не служит дорогой к любви. Страсть сравнивается с замком, где глубоко спрятана неразгаданная загадка под названием любовь.

Автор настаивает на том, что страсть и желание не являются любовью, люди сталкиваются с множеством чувств, которые они могут принять за любовь, но данные чувства ею не будут. По мнению поэта, человек часто путает чувство любви с другими, похожими на него. Он призывает все же разобраться и определить для себя, что значит любовь, страсть и желание, как эти чувства можно разграничить:

«…Love is eaten away by appetite.
Love does not last, but it is different
from the passions that do not last.
Love lasts by not lasting…» [3, p. 28].

В последних строках стихотворения Джек Гилберт использует гиперболу для того, чтобы показать, что данным чувством хочется наслаждаться и наслаждаться, испытывать его снова и снова. Но иногда любовь приходит стремительно и незаметно и точно также исчезает. И людям следует, по совету поэта, попытаться сохранить его, так как оно делает жизнь насыщенной и полной. В строке «*Love lasts by not lasting…*» поэт применяет такой стилистический прием, как преувеличение и противоречие. Можно подумать, что любовь длится без продолжения. Автор намекает в данной строке, что это чувство существует, но оно уже становится незаметным для героя:

«…Love allows us to walk
in the sweet music of our particular heart» [3, p. 28].

В последней строке стихотворения «The Great Fires» любовь олицетворяет прогулку под ритмы легкой музыки, конечным пунктом которой является сердце – самый важный орган человека. Тем самым автор хочет показать, что любовь в жизни играет столь большую роль, как и сердце. Без любви можно прожить, но ваша жизнь не будет полноценной.

Таким образом, концепт любовь в стихотворении американского поэта Джека Гилберта, прежде всего, является чувством, которое можно испытать, но не следует его смешивать со страстью и желанием. Поэт использует символ огня в названии стихотворения для того, чтобы показать, каким хрупким данное чувство может быть, но в то же время оно и крепкое, под его влиянием люди готовы на все. В стихотворении утверждается, что чувство любви необходимо в жизни человека, как в человеческом организме сердце. Сердце – это двигатель работы организма, любовь – это двигатель всех чувств, желаний и действий.

Дальнейшее исследование произведений американских авторов показало, что если Джек Гилберт рассуждает о любви с мужской точки зрения, то американская поэтесса Эмма Вилер Вилкокс в своем стихотворении «What Love Is…» пытается исследовать эту дилемму, с женской:

«*Love is the centre and circumference;*
The cause and aim of all things – 'tis the key
To joy and sorrow, and the recompense
For all the ills that have been, or may be» [3, p. 115].

Для поэтессы любовь является центром жизни, причиной и целью всех вещей и ключом к пониманию всех радостей и горестей жизни. Автор дает свое определение этого понятия как женщина, которая познала любовь и которая может поделиться и рассказать, как она представляет себе это чувство. Анализируемое стихотворение может послужить многим людям ответом на извечный вопрос «что же такое любовь?», так как поэтесса подобрала для объяснения простые и понятные каждому человеку слова:

«*…Love is as bitter as the dregs of sin,*
As sweet as clover-honey in its cell;
Love is the password whereby souls get in
To Heaven – the gate that leads, sometimes, to Hell…» [3, p. 115].

Элла Вилер Вилкокс говорит, что исследуемый концепт может быть и сладким, и горьким. Но все равно любовь – это ключ, который открывает дверь влюбленным или в ад, или в рай. Автор намекает на то, что любви не бывает без взлетов и падений, без ссор и примирений. И поэтесса мастерски применяет сравнения «*as bitter as the dregs of sin*» и «*as sweet as clover-honey in its cell*» для того, чтобы показать противоречие данного концепта и его двойное значение и направленность. Автор также использует символ цветка клевера, который подразумевает жизнь и продолжение жизни, показывая, что рассматриваемое понятие в ее жизни проявилось с обеих сторон и она испытала чувство его горечи, и чувство его сладости:

«*…Love is the crown that glorifies; the curse*
That brands and burdens; it is life and death;
It is the great law of the universe;
And nothing can exist without its breath» [3, p. 115].

В третьем катрене поэтесса уместно использует такой стилистический прием, как оксюморон «*the curse That brands and burdens; it is life and death*» для того, чтобы читатель увидел и понял, насколько любовь важна в жизни и как без нее невозможна жизнь. Автор называет любовь «законом вселенной», так как, по ее мнению, все подчиняется только данному чувству и не может существовать без его дыхания. Элла Вилер Вилкокс применяет метафору «*love is the crown; love is the curse; love is the great law of the universe*» в качестве стилистического приема, чтобы привлечь внимание читателя к ее обязательности и неизбежности в жизни любого человека:

«…The earth, uplifting her bare, pulsing breast
To fervent kisses of the amorous sun…» [3, p. 115].

Автор называет влюбленных людей «the earth and the sun» («солнцем и землей») и хочет показать, что любовь может свести вместе две противоположные личности, и они будут счастливы. Эпитеты «*pulsing breast, fervent kisses, amorous sun*» указывают на то, что данное чувство взаимно и влюбленные готовы ему открыться и познать его.

Таким образом, в стихотворении «Great Fires» Джека Гилберта любовь описывается более реалистично и дается разъяснение и разграничение между понятиями «любовь, страсть, желание», в то время как целью написания стихотворения Эллой Вилер Вилкокс служит романтический ответ на вопрос «что такое любовь?», где она сравнивает данный концепт с противоположными понятиями, например, «жизнь и смерть», и не разграничивает понятия «любовь, страсть и желание». Но оба автора сходятся в своих произведениях во мнении, что любовь является тем чувством, которое стоит и нужно испытать на протяжении жизни, причем не один раз.

Обращаясь к анализу произведений современных белорусских авторов, которые также пытаются разобраться, объяснить и описать концепт «любовь», можно выделить стихотворение «Чыстае каханне» Олега Грушецкого, в котором он признается в любви своей возлюбленной и рассказывает о своем чувстве. Данное стихотворение напоминает романтическое признание, письмо возлюбленной, наполненное искренними и чистыми словами любви.

«*Хрусталю горнага чысцей*
Маё бязмежнае каханне.
Нябесных зор яно ярчэй,
Ад сэрца йдзе замілаванне» [4].

С самых первых строк поэт заявляет о своей любви, сравнивая данное чувство с хрусталем. Хрусталь является хрупким материалом также, как и любовь поэта, – она хрупка до того момента, пока его возлюбленная не ответит ему взаимностью. Но поэт употребляет эпитет «безграничная любовь», утверждая, что для его чувства нет препятствий, а если они будут, она их преодолеет без особых трудностей. Его любовь подобна звездам на небе, она такая же невесомая, далекая, но его возлюбленная всегда ее может ощутить, потому что она исходит из глубин его души, из самого сокровенного органа – из сердца:

«*…У словах цяжка перадаць,*
Як чыста й горача жаданне.
Няма таго, з чым параўнаць
Маё нястрымнае каханне…» [4].

Поэт не может передать словами, насколько сильным является его чувство. Любовь для него – это энергия, которая движет жизнью и вдохновляет на написание таких трогающих душу строк. Он не может подобрать сравнение своим чувствам. Автор утверждает, что любовь свою он не может сдерживать. Ему необходимо рассказать о ней. А выражает он свое чувство в стихотворении-признании, мастерски подбирая слова для своего проникновенного, бросающего в дрожь признания для того, чтобы, прочитав или услышав его, девушка ответила на чувства поэта и оценила его старания:

«*…Яно за белы снег чысцей,*
Чысцей крынічнага вытоку,
Пачуццямі глыбей, мацней,
Ракі бурлівага патоку…» [4].

Любовь поэта искренна и чиста. Возможно, это его первая любовь. Это чувство для автора не просто слова, он действует и говорит, чтобы возлюбленная поняла, какие глубокие и сильные эмоции он испытывает. Используя символы воды («*крынічны выток, бурлівы паток ракі*»), он показывает, что его любовь естественна как нетронутая рукой человека природа, которая может быть и спокойной и бурной в зависимости от поры года. Так и любовь поэта зависит от эмоций и переживаний, которые возникают в его душе при виде его возлюбленной. Поэт использует эпитеты «нястрымнае, узнёслае» для описания своего чувства, чтобы читатель увидел и понял, что любовь на земле может быть неземной. Главное чувствовать, уметь выразить свои чувства, эмоции и переживания, которые не могут не затронуть глубинные чувства и струны души, оставить каждого равнодушным.

Таким образом, в стихотворении «Чыстае каханне» белорусского поэта Олега Грушецкого концепт «любовь» выступает как энергия, которая движет жизнью и вдохновляет на написание стихотворений. Это чувство искреннее и чистое. Если американский поэт Джек Гилберт сравнивает любовь с огнем, который разрастается и превращается в пожар, то белорус Олег Грушецкий сравнивает свое чувство с горным хрусталем, материалом очень хрупким, тем самым показывая, что его легко «убить».

На основании анализа стихотворений поэтов можно сделать вывод, что любовь является понятием универсальным, чувством глубокой привязанности к другому человеку, а также становится источником вдохновения для поэтов. Американские и белорусские поэты утверждают, что любовь является смыслом жизни для всего живого, используя природные явления и материальные предметы, чтобы донести свои мысли и убеждения читателю. Но у белорусского поэта и американской поэтессы чувство любви возвышенное и романтическое, а у Джека Гилберта данное чувство более реалистичное и приземленное. При сравнении стилистических приемов и средств, используемых поэтами в стихотворениях, можно утверждать, что 45 % − это эпитеты, 20 % − сравнения и 20 % − это гиперболы и метафоры. Какими бы словами не описывали поэты данный концепт, все они сходятся во мнении, что любовь является движущей энергией их творчества и жизни, непреодолимым желанием сделать счастливым любимого человека и выразить свои чувства, эмоции и переживания.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия: в 30 т. // Под ред. А.М. Прохорова. – 3-е изд. – М. : «Советская энциклопедия», 1974. – Т. 15. – С. 285.

2. Фромм, Э. Искусство любить: исследование природы любви // Э. Фромм. – М. : Педагогика, 1990. – 157 с.

3. The Best Loved Poems of the American People / Ed. H. Felleman. – New York : Doubleday, 2013. – 896 p.

4. Грушэцкі, А. Вершы пра каханне [Электронный ресурс] / А. Грушэцкі. – Режим доступа : http://moykahany.ru/autor/aleg-grushetski. – Дата доступа : 23.03.2015.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 29.06.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.161.1'371:811.581'371

Исследование коннотативного компонента лексической семантики в российской и китайской лингвистике

А.Г. Суколен

Рассматриваются различные точки зрения в понимании природы лексической коннотиации, представленные в работах современных российских и китайских лингвистов. Обращается внимание на соотношение понятия «коннотация» с категориями эмоциональности, экспрессивности и оценочности, а также на национально-культурный компонент лексической коннотации в русском и китайском языках.
Ключевые слова: лексическая семантика, коннотация, экспрессивно-стилистическая окраска, семантическая ассоциация.

Different points of view in understanding the nature of lexical connotation, presented in works of the modern Russian and Chinese linguists are examined. Attention is given to the correlation of the concept «connotation» with the categories of emotionality, expressivity and evaluativity, and to the national and cultural component of lexical connotation in Russian and Chinese languages.
Keywords: lexical semantics, connotation, expressive and stylistic coloring, semantic association.

Вопрос, связанный с определением коннотации, относится к более широкому кругу вопросов, касающихся природы лексической семантики слова в целом. Многие проблемы данной области языкознания не имеют единого общепринятого решения. Л.В. Щерба, раскрывая ряд теоретических противоположений различных типов словарей, отмечал, что «сравнительно легко наметить основные группы значений; но установление так называемых оттенков представляет уже большие трудности и иным кажется неважным, а иным субъективным» [1, с. 70]. Китайские лингвисты также обращают внимание на то, что, в отличие от объективных характеристик предметов или объектов, выразительность и экспрессия внешнего мира неясна и расплывчата. Таким образом, «неясность семантики слова главным образом проявляет себя вне денотации» [2, с. 53], а «коннотация присуща не каждому слову из-за богатой и скрытой природы, она трудна для понимания» [3].

Само понятие «коннотация» является нечетким и расплывчатым, а соответствующий термин истолковывается неоднозначно и имеет много синонимов. Сущность коннотации можно трактовать, исходя из различных подходов.

Стилистический подход, связывая стилистическое значение с эмоциональной окраской и придавая лексическому значению стилистическую функцию, основывается на том, что стилистические признаки (экспрессивность, оценочность, эмоциональность и др.) имеют постоянный характер и воспроизводимость в определенных условиях. «Коннотация показывает эмоции и оценки, которые люди подразумевают, используя слова языка» [4]. Синонимичным термину *коннотация* в соответствии с данным подходом является термин *экспрессивно-стилистическая окраска*, определяемый Д.Н. Шмелёвым как «информация, которая заключает в себе какое-то указание на отношение говорящего к обозначаемым данными словами явлениям, сигнализирует о том, в каких условиях происходит речевое общение, характеризующее говорящего с разных сторон» [5, с. 249]. Китайский лингвист Лин Жон также считает, что для формирования коннотаций большое значение имеет речевая ситуация и контекст, поскольку в рамках контекста обеспечивается широкое пространство для производительности оттенков слова, а «обороты речи, появляясь в определённом контексте, имеют определённые коннотации, специфический контекст порождает оригинальные, специфические коннотации» [6, с. 57].

И.А. Стернин высказывает мысль о том, что коннотативный макрокомпонент значения выражает эмоционально-оценочное отношение говорящего к денотату слова. При этом ученый считает, что «неэмоциональность и неоценочность слова также рассматриваются как вид эмоции и оценки» [7, с. 30–38].

Лин Жон подчеркивает, что коннотация не существуют отдельно от основного значения, и отмечает, что «она должна быть выражена косвенно и отражать в речи говорящего оценку, эмоции, отношение, которые также известны как дополнительные значения» [6, с. 55].

Психолингвистический подход объясняет сущность коннотации, ориентируясь на национально-культурологический аспект. Синонимичным термину *коннотация* в соответствии с данным подходом является термин *семантическая ассоциация*. Коннотация, отличаясь от других наиболее понятных компонентов значения слова, «отражает многие аспекты: внутрисоциальные, географические, этнические представления, обычаи и привычки, образ жизни и др.» [6, с. 55]. Кроме того, по мнению Ло Жан, коннотация «передает дух традиционной китайской культуры» [8, с. 212]. Нужно отметить, что это утверждение также справедливо и в отношении русского языка, то есть культурные коннотации специфичны для каждого национального языка.

Ю.Д. Апресян называет коннотацией элементы прагматики, которые отражают традиции и культурные представления, связанные со словом, а также многие другие «внеязыковые факторы». Своё понимание семантической ассоциации известный ученый проиллюстрировал на примере слов *ишак* и *осёл*, которые, обозначая одно и то же животное и будучи синонимами, имеют разные коннотации. Так, ишак ассоциируется с готовностью выполнять долгую и тяжелую работу, а осёл – с глупостью. На основе приведённого примера делается вывод о том, что лексические коннотации не обязательно связаны с объектами и явлениями реальной действительности. Это свойство коннотации Ю.Д. Апресян называет «капризностью и непредсказуемостью» [9, с. 67], а М.А. Кронгауз – «семантической аурой слова» [10, с. 140].

Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук в статье «Коннотация в лингвистической семантике» также говорят о том, что коннотации «закрепляются просто за определёнными лексическими единицами, независимо от того, отвечают ли им подлинные (или только мифические) свойства реальных вещей» [11, с. 198]. Это утверждение можно проиллюстрировать примером: в реальности нельзя утверждать, что лисица хитрее волка или зайца, но коннотацию ‘хитрый’ имеет именно зооним *лиса*. Напротив, коннотация ‘голодный и ненасытный’ закрепилась за зоонимом *волк* из-за реальных характеристик поведения этого хищника.

Данную мысль развивает И.М. Кобозева, сближая понятие «коннотация» с понятием «стереотип представлений» [12, с. 96], связанный с данным словом. Известно, что стереотип как устоявшееся отношение к происходящим действиям, событиям и явлениям не всегда соответствует действительности. Например, пристрастие свиньи к валянию в грязи объясняется обыденным сознанием связью этого животного с нечистоплотностью, что является неверным стереотипом, в соответствии с которым зооним *свинья* имеет коннотацию ‘грязнуля’.

С точки зрения семной семасиологии коннотация представляется как совокупность минимальных единиц языкового плана содержания. Как отмечает Н.Ф. Алефиренко, «коннотация – это тот аспект значения номинативных единиц, который представляет собой совокупность эмотивных, ассоциативно-образных и стилистических сем, отражающих не столько признаки обозначаемых объектов, сколько отношение говорящего к обозначаемому или к условиям речи» [13, с. 169].

На наш взгляд, наиболее полное определение коннотации содержится в монографии В.Н. Телия «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц»: «Коннотация – семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное и стилистически-маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [14, с. 5].

Изучая влияние коннотации на восприятие языковой ситуации, Лин Жон раскрывает механизм формирования коннотаций: «Коннотации посредством слова, ссылаясь на схожесть неких аспектов и специфических характеристик объектов или явлений, создают ассоциации, для того чтобы передавать или получать скрытую информацию» [6, с. 56]. Как компонент лексической семантики, коннотация рассматривается китайскими лингвистами в качестве вторичной части смысла: «Коннотация развивается на базе концептуального значения, примыкает к нему и имеет коммуникативную ценность» [15, с. 102]. Ли Сяохон считает, что «коннотативное значение слова строится, используя непременно определённые, точные образцы, модели» [15, с. 102]. Среди наиболее частых способов выражения коннотации лингвист называет сравнение, метафоризацию, метонимизацию, эвфемизацию и гиперболизацию.

Многогранность коннотации как семантической сущности выражается и в том, что языковеды выделяют различные виды и типы коннотаций. Так, Л.Н. Иорданская и И.А. Мельчук выделяют энциклопедические (экстралингвистические), обусловленные реальными свойствами референта, и лексические, не связаны необходимым образом с объектами и явлениями физического мира и специфичны для каждого языка [11, с. 197]. О.С. Ахманова различает ингерентную, внутренне присущую слову вне контекста, и адгерентную, формируемую контекстом, коннотацию (цит. по: [16, с. 85]). В.И. Говердовский в диссертации «Опыт функционально-типологического описания коннотации» описывает около 20 видов коннотаций, которые «группируются на три основные сферы, имеющие различную направленность: на внутренний мир человека (экспрессивно-оценочный тип), на язык (контекстный тип) и на внешнюю по отношению к языку действительность (историко-культурный тип)» [16, с. 85].

Спорным является вопрос компонентного состава коннотации. Несмотря на различные наборы элементов, выделяемых в коннотации слова различными лингвистами, установленным можно считать лишь факт делимости ее на различные более мелкие составляющие. В первую очередь выделяются эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический компоненты.

Е.М. Сторожева, пытаясь дать наиболее детальную классификацию элементов коннотации, разделяет все компоненты на две большие группы: внутриязыковые и внешнеязыковые. К внутриязыковым компонентам она относит те, «которые связаны с восприятием слова в связи с развитием языковой системы» [17, с. 115], разделяя их на диахронические и мотивационные (синхронические). Группу внешнеязыковых компонентов коннотации, по её мнению, составляют следующие подгруппы: «психологические, социальные (или, как мы предлагаем их называть, идиомные), функционально-стилистические и национально-культурные» [17, с. 115].

Несмотря на то, что большинство коннотаций общеприняты, китайские лингвисты говорят о нестабильности данного компонента значения: «с развитием социальных отношений коннотации изменяются, таким образом, они бесконечны и неисчерпаемы» [6, с. 57]. «Коннотации не являются статичными. После длительного использования носителями языка некоторые из них в процессе развития теряют свою скрытую природу и становятся одним из основных фиксированных значений слова» [6, с. 56].

Вопрос о месте коннотации в семантической структуре слова также остаётся открытым. Проблема определения характера отношения коннотации к семантической структуре слова является следствием субъективности и неоднозначности её интерпретации. Кроме того, не все слова имеют коннотацию, что может проявляться в необязательности этого компонента для значения.

Некоторые лингвисты (Ю.Д. Апресян, Н.Г. Комлев, Д.Н. Шмелёв, Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук) считают, что коннотация не является составной частью языковой семантики. Другие ученые (В.Н. Телия, М.В. Никитин, Н.Ф. Алефиренко, И.А. Стернин) считают, что коннотация является частью семантического содержания номинативных единиц.

По мнению Н.Ф. Алефиренко, эмотивные, ассоциативно-образные и стилистические семы, объединяясь, образуют коннотативный макрокомпонент семантической структуры лексемы, который наряду с грамматическим и предметно-понятийным макрокомпонентами входит в ядро значения.

И.М. Кобозева относит коннотацию к «прагматическому слою значения слова» [12, с. 92], отмечая, что от других видов прагматической информации коннотации отличает то, что «они включают в себя отсылку не к индивидуальному пользователю знака – говорящему, а к языковому коллективу» [12, с. 96].

А.В. Исаченко применяет термин *коннотация* «не к тому или иному компоненту значения, а к некоторому отдельному значению того же слова, промежуточному между его прямым и переносным значением» (цит. по: [11, с. 199]). Так, различая слово *свинья* в прямом значении ‘домашнее животное’ и в переносном ‘грязный человек’, А.В. Исаченко вводит промежуточное – ‘грязное животное’, которое и называет коннотацией слова *свинья*.

Таким образом, обзор литературы, посвященный рассмотрению природы коннотации в работах российских и китайских лингвистов, свидетельствует о том, что при характеристике данного явления основное внимание обращается, с одной стороны, на ее связь с категориями эмоциональности, экспрессивности и оценочности, а с другой – национально-культурную обусловленность коннотативной семантики.

Литература

1. Щерба, Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике / Л.В. Щерба. – Л. : Издательство Ленинградского университета, 1958. – Т. 1. – 456 с.

2. 汉语语义学纲要 / 俞咏梅著. – 长春：东北师范大学出版社, 2006. – 229 p.

3. 中西语言动物词汇文化内涵意义的异同分析 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.xzbu.com/9/view-5970659.htm. – Дата доступа : 02.03.2015.

4. 俄汉词汇意义对比分析 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.xzbu.com/9/view-5970659.htm. – Дата доступа : 02.03.2015.

5. Шмелёв, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелёв. – М. : Наука, 1973. – 280 с.

6. 林榕. 认知、语境与词语内涵意义 // 外语与外语教学. – 2001. – № 11. – P. 55–57.

7. Стернин, И.А. Структурные компоненты значения слова / И.А. Стернин // Русистика и современность. – Т. 1. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – СПб., 2005. – С. 30–38.

8. 罗然. 浅议汉字的文化内涵在对外汉语教学中的意义 //文学界· 学科园地. – 2010. – P. 212.

9. Апресян, Ю.Д. Избранные труды / Ю.Д. Апресян. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 1: Лексическая семантика. – 472 с.

10. Кронгауз, М.А. Семантика / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 352 с.

11. Иорданская, Л.Н. Коннотация в лингвистической семантике / Л.Н. Иорданская, И.А. Мельчук // Wiener Slawistischer Almanach. – 1980. – Band 6. – P. 191–210.

12. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика. Учебное пособие / И.М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

13. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.

14. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М. : Накуа, 1986. – 141 с.

15. 李小红. 词的内涵意义探讨 // 黄冈师范学院学报. – 2007. – Vol. 27, № 4. – P. 102–104.

16. Говердовский, В.И. История понятия коннотации / В.И. Говердовский // Филологические науки. – М : Наука, 1979. – № 2. – С. 83–86.

17. Сторожева, Е.М. Коннотация и её структура / Е.М. Сторожева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 13. – С. 113–118.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 04.01.2016

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 811.161.3'373:398.8(476.2+470.333)

Лексіка-тэматычная разнастайнасць каляндарных песень Гомельска-Бранскага пагранічча

К.Л. Хазанава

Разглядаецца лексіка-тэматычная разнастайнасць каляндарна-абрадавых песень Гомельска-Бранскага пагранічча. У адметным абрадавым слоўніку твораў, прымеркаваных да пэўных падзей календара, выдзяляюцца назвы асоб, найменні прыроднага свету: жывёл, птушак, раслін, водных прастораў, геаграфічныя тэрміны і найменні прылад і прыстасаванняў гаспадарчай дзейнасці чалавека. Частымі ў абрадавых творах з'яўляюцца памяншальна-ласкальныя формы і метафарычна-алегарычнае ўжыванне найменняў.
Ключавыя словы: фальклор, каляндарная абраднасць, песні, лексема, найменне, лексіка-тэматычная група.

The lexical and thematic diversity of calendar-ceremonial songs of the Gomel-Bryansk border zone is considered. There are names of persons, names of natural world (animals, birds, plants and water expanses), geographical terms and the names of tools and devices of human activity in the specific ritual vocabulary of the songs of the calendar events. In the songs diminutive forms and metaphorical use of the names are frequent.
Keywords: folklore, calendar ceremony, songs, lexeme, name, lexical group.

Абрадавая вусная народная творчасць з'яўляецца скарбніцай народнага духоўнага багацця, у якой захоўваюцца ўзоры разнастайных жанраў: празаічных і паэтычных, адрасаваных дарослым і прызначаных дзеткам. У велізарнай сукупнасці паэтычных абрадавых твораў выяўляюцца песні, прыпеўкі, замовы, прыказкі, прымаўкі. Да празаічных жанраў абрадавага фальклору належаць казкі, анекдоты, легенды, паданні, успаміны.

Узаемаўплыў суседніх блізкароднасных моў у фальклоры народных абрадаў асабліва яскрава выяўляецца пры даследаванні лексікі памежных гаворак. Гомельскаму рэгіёну ў гэтых адносінах пашанцавала размясціцца на памежжы беларускіх, рускіх і ўкраінскіх тэрыторый. Вынікі міжмоўнага кантактавання адзначаюцца ў абрадавым фальклоры Гомельска-Бранскага пагранічча.

У абрадавай паэзіі колькасную перавагу маюць песні. Паводле тэматычнай арыентаванасці і функцыянальнага прызначэння абрадавыя народныя песні, адзначаныя на тэрыторыі Гомельска-Бранскага пагранічча, можна падзяліць на каляндарныя і сямейныя. Апошняя група складаецца з твораў, якія традыцыйна выконваліся падчас значных для сямейнага і асабістага жыцця чалавека падзей: хрэсьбінныя песні, песні-калыханкі, вясельныя песні, пахавальныя галашэнні.

Каляндарныя песні арыентаваліся на падзеі гаспадарчага жыцця чалавека, былі прымеркаваны да сезонных гаспадарчых работ і шчыльна звязаны з кліматычнымі ўмовамі тэрыторыі даследаванага рэгіёна. З гэтай прычыны захаваліся зімовыя, калядныя, вяснянкі, веснавыя карагодныя, велікодныя, палотныя і касарскія, летнія, юр'еўскія, траечныя, русальныя, пятроўскія, талочныя (талчанскія), купальскія, жніўныя, восеньскія песні.

Для многіх абрадавых твораў уласціва выкарыстанне абрадавага слоўніка, лексіка-семантычная характарыстыка якога неабходна для поўнага лінгвістычнага даследавання абрадавага фальклору беларуска-расійскага пагранічча.

Мэтай артыкула з'яўляецца даследаванне лексіка-тэматычнай разнастайнасці каляндарных песень, адзначаных на тэрыторыі Гомельска-Бранскага пагранічча.

Ужо само вызначэнне жанравай прыналежнасці твораў абрадавага фальклору паказвае, што многія з народных песень разам з каляндарнай дакладнасцю маюць арыентаванасць на рэлігійныя традыцыі ўсходніх славян. У песнях, прызначаных да рэлігійных свят, часта ўжываюцца рэлігійныя праваслаўныя намінацыі. Заканамерна з'яўленне падобных моўных адзінак у калядных віншаваннях:

На вашым дварэ стаяла, Раю раіўся, ***Хрыстос*** *нарадзіўся На вашым дварэ!*
А пад тым дрэвам цісова краваць. На той краваці ***Божая маці****.*
Божая маці *сына радзіла* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 23];
Сам ***Бог*** *ходзіць, Скірды лічыць* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 24].

Заўважаюцца назвы рэлігійных паняццяў у іншых каляндарных песнях:

Пылок мяце, ***Божай маці*** *танок вя... У!* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 45].

Пры гэтым адзначаюцца як назвы асоб, так і назвы свят:

Раду радзілі, чым імя наклаць.
Да й наклалі ймя ***Ісусам Хрыстом****,*
Да ***Йсусам Хрыстом, Святым Ражаством*** (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 23];
Раскажам табе дзіва дзіўная,
Святы вечар*, дзіва дзіўная* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 27];
А ў ляску, ляску на жоўтым пяску,
Святы вечар*!* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 28];
А ў нашым ***раздве*** *сады зацвілі* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 27];
А ў нашым ***Пятре*** *Дунай замярзаў* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 28].

У каляндарных абрадавых песнях Гомельшчыны натуральна адбываецца фіксаванне каляндарных свят, да якіх прымеркаваны твор:

А ў нас сёння ***Масленіца*** *ж,* ***Масленіца*** (в. Мядзведжае, Чачэрскі р-н) [1, с. 37];
К ***Ушэсцейку*** *ж, Паеду ў поле і з сахо... У!* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 44–45];
Ой, на Вялікодня, ой, на ***Вялікі дзень****,*
Ой-лі, ой-люлі, на ***Вялікі дзень*** (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 79];
На Івана, да на ***Івана Купала****, Дзе Купала начавала?* (в. Мядзведжае, Чачэрскі р-н) [1, с. 116].

Для фальклору характэрны выпадкі своеасаблівай персаніфікацыі найменняў многіх паняццяў. У калядках частыя звароты да Каляды:

Шчодры вечар,
Каляда, Каляда*!*
Добры вечар,
Каляда, Каляда*!* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 23].

У абрадавых песнях пашыранымі з'яўляюцца разнастайныя па лексіка-тэматычнай прыналежнасці назвы асоб:

Мамачка *ж мая, ты, віша...* У! (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 46];
Па садочку ж бег ***малойчык****, ў гуслі грая* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 87];
Канюхі *свішчаць, трох каней ішчаць* (с. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 71];
За таго ***казачаньку****, за маладога* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1. с. 5].

Абрадавыя творы ўтрымліваюць тапонімы, гідронімы і іншыя геаграфічныя найменні. У песнях выкарыстоўваюцца існуючыя ў сапраўднасці геаграфічныя назвы. Народныя песні Гомельшчыны памятаюць пра тэрытарыяльна блізкія да вёсак беларуска-расійскага памежжа гарады:

Як з-пад ***Кіява****, з-пад* ***Чарнігава*** (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 69];
Што ў ***Кіяве*** *звоняць, што ў* ***Кіяве*** *звоняць* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 75].

У песнях складальнікі і выканаўцы захоўвалі таксама назвы родных любых мясцін. Сустракаецца, напрыклад, назва *Неглюбка* – вёска ў Веткаўскім раёне Гомельскай вобласці:

Да й ў канец сяла, ў канец ***Неглюбкі*** [1, с. 67];
Што ў ***Неглюбцы****, у сяле, ой, у сяле* [1, с. 92]

У каляндарна-абрадавых песнях можа ўзгадвацца імя аб'екта, тэрытарыяльна далёкага ад Гомельшчыны і Браншчыны: *А ў нашым Пятре* ***Дунай*** *замярзаў* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 28]. У гэтых радках *Дунай* з'яўляецца характэрным для вуснай народнай творчасці зборным найменнем воднай прасторы ўвогуле. Прыгадаем славутае "Слова пра паход Ігаравы": *дѣвици поютъ на* ***Дунаи*** [2, с. 52].

А некаторыя песні фіксуюць агульныя найменні геаграфічных, часцей водных, адзінак:

Дзе маці плача – там ***рэчка*** *бяжыць* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 58];
Як паўз тый дубочак ***рэчачка*** *бяжыць,*
Як па тэй жа ***рэчачкі*** *чаўночак плывець* (Гомельскі павет) [3, с. 79];

Як у нашых у варотах шырокая ***возяра*** (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 88];

Ой, што па ***мору****....У!* (г. Ветка) [1, с. 100].

Як правіла, такія назвы таксама маюць у народных песнях памяншальна-ласкальную форму. Дэмінутыўныя ўтварэнні ў фальклорных тэкстах маюць варыянтнасць:

Ой, на той ***рэчачкі*** *да ляжыць кладачка* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 77];

На жоўтым пяску ***рэчанька*** *бяжыць* (в. Насовічы, Добрушскі р-н) [1, с. 33].

У абрадавых песнях Гомельска-Бранскага пагранічча сустракаюцца адметныя найменні фізічнага і сямейнага стану чалавека:

А матка плача да й да ***смертачкі****, ..*

А сястра плача да ***замужжайка****,..*

А дзеткі плачуць да ***выросцейку****...* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 63].

Своеасаблівымі ў творах з'яўляюцца тэмпаральныя найменні:

Табе ў том гняздзе не ***зімаваці****,..*

Да й табе ў таткі не ***векаваці****, ..*

Толькі лецячка ***пералетаваць*** (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 65].

Для абрадавай лірыкі характэрны вобразны паралелізм, калі некаторымі чалавечымі якасцямі ў песнях надзяляюцца жывёл, расліны або птушкі. Такая асаблівасць прыводзіць да частага выкарыстання ў народных песнях Гомельска-Бранскага памежжа найменняў птушак:

Ох ты, ***ластаўка****, ты касістая,*

Ох і ой, люлі, ты касіста... У! (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 64];

Зязюлечка *лугавая, Лугавая, лугавая* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 93];

Шэры ***лебедзі*** *– пасярэдзіне,*

Ох, і вой, люлі, пасярэдзі.. Йх! (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 69];

Не збівай-ка, ***галачка****, ранняе расы* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 84];

Як па том возяру серы ***гусі*** *плавалі,..*

Адкулья й узяўся серы ***селязенька****,..*

Як узяў ***гусачку*** *за сераю шыйку..* (в. Стаўбун, Веткаўсік р-н) [1, с. 88];

Як наперад, як наперад белая ***лябёдачка****,..*

Як наляцеў, наляцеў сіз ***арол*** *на крылушках* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 89].

Вобразны паралелізм у песні можа быць схаваны, як у папярэдніх радках, або выяўлены, калі назвы жывёльнага свету ўжываюцца ў супастаўленні з назвамі асоб або прадметаў:

Ой ты, ***ластаўка****, ты касастая,..*

Ой ты, ***дзевачка****, ой ты, красная* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 65];

Белы ***лебедзі*** *разляцеліся, ..*

Залато ***кружжа*** *разаткалася* (в. Неглюбка. Веткаўскі р-н) [1, с. 66];

Лугавая ***зязюленька****, лугам ляціш, Чаму не кукуеш?..*

Ой ты, ***дзеўка-дзяўчыначка****, ад бацькі йдзеш. Чаму не заплачаш* (в. Крапіўнае, Навазыбкаўскі р-н) [3, с. 180–181];

Рыбка *белая – маё* ***целечка*** (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 70];

Хадзіла ***лісанька*** *па бару, Прасіла, маліла* ***сабаля****....*

А хадзіла ***дзеванька*** *па двару, Прасіла, маліла* ***сужаньку*** (Гомельскі павет) [3, с. 162];

Ой ты, ***заюшка, гарнастаюшка****,..*

Ох ты ***міленькі,чарнабрывенькі****..* (с. Дзятлава, Гомельскі павет) [3, с. 240].

Надзвычай пашыраным у абрадавым фальклоры з'яўляецца ўзгадванне пра коней:

Каня *варанога, Раменнаю пугу* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 76];

На ***коніку*** *едзя, бяліла вязе.. У!* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 85];

Конь *вароны вады не п'е,* ***конь*** *вароны грае* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 90].

Захавалася ў песнях найменне іншай капытнай жывёлы:

Ляжыць ***казёл*** *у мяжэ Да й дзівіцца барадзе* (в. Насовіч. Добрушскі р-н) [1, с. 14]

Зрэдку сустракаецца ў народных абрадавых песнях Гомельска-Бранскага пагранічча вобраз мядзведзя, што можна лічыць адлюстраваннем старажытных татэмных вераванняў усходніх славян:

Ай, жала я жала, да сцежачкі дажалася.

***Мядзведзячкі** спужалася* (в. Залессе, Чачэрскі р-н) [1, с. 119].

Мядзведзь выступае станоўчым персанажам і дапамагае жанчыне, за што надзяляецца аўтарам памяншальным найменнем:

*Прыходзя ка мне **мядзведзечка**?*

Бог на помач, малодачка!

Тваё дзіця даўно плача.

Хацеў яго пакалыхаці,

Але баяўся, каб не задраці (в. Залессе, Чачэрскі р-н) [1, с. 119].

Не абыходзяць увагай песні найменні раслін:

Проці бацькавых варот я малада гуляла,

*Ох, лёлі, **каліна**, лёлі, ягада **маліна*** (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 95];

*Да белая **бярёзачка**,*

Да чаго ж ты пахялела... У! (в. Заляддзе, Веткаўскі р-н) [1, с. 108];

*Што паніжа **дуба ячмень** малаціла,*

Што павыша дуба саломка ляцела (Гомельскі павет) [3, с. 79].

Заснаванае на вобразным паралелізме супастаўленне чалавечых адносін адзначаецца ў абрадавым фальклоры і з раслінамі:

*Высокае ў лесе дрэва **яліна** была,..*

Усяму лугу зялёнаму гануду дала,..

*Харошая **дзяўчына** ў таткі была* (в. Старыя Дзятлавічы, Гомельскі р-н) [3, с. 147–148];

*Вы расціце, **чарнабрыўцы**, Да не буяйце,*

*Як выйду ўвосень **замуж**, Дак вы і завяньце* (в. Старыя Дзятлавічы, Гомельскі р-н) [3, с. 148].

Нават у вялікія святы і падчас вясёлых пацешных пагулянак народ не забываўся пра гаспадарку, таму ў песнях абавязковае ўзгадванне пра прылады, прыстасаванні і дзеянні па сельскай і дамашняй гаспадарцы:

*Што ў тваім **гумне** Сам Бог ходзіць.. **Скірды** лічыць* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 24];

***Печка** топіцца Бліноў хочацца* (в. Роўкавічы, Чачэрскі р-н) [1, с. 37].

*К Ушэсцейку ж, Паеду ў поле і з **сахо**... У!*

*І з **сахою** ж, Вазьму песенку за сабо... У!*

*За сабою ж, Буду полечка **ярава**... У!*

***Яраваці** ж, Буду ж песенку ёй спява... У!* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 44–45];

*Пад мае **сені**, сені **новыя**,..*

*Да й пад **ганачкі**, пад цясовыя* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 66].

Часта ў абрадавым фальклоры Гомельска-Бранскага пагранічча адзначаюцца найменні адцягненых паняццяў. Дзякуючы стваральнікам і выканаўцам песень у слоўнік абрадавых лексем увайшлі назвы чалавечых якасцей і пачуццяў:

*Гавораць, гавораць пра дзявочую **красу**, ..*

*Дзявочая **краса** – па сто рублей каса* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 75];

*Ой, жоўты красачкі да то **краса** мая,*

*Ой-лі, вой-люлі, да то **краса** мая* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 78];

Ой, што на мяне на маладую

*Ды худа **славачка** ўпала* (в. Неглюбка, Втекаўскі р-н) [1, с. 110];

*А ўжо тваё мінулася, дзевачка, **каханейка**,*

*Машына **гулянейка*** (в. Крапіўнае Навазыбкаўскі р-н) [3, с. 180–181].

У асобную групу абрадавых лексем фальклору Гомельска-Бранскага пагранічча заканамерна выдзеліць воклічы-запевы-рэфрэны:

***Ой, люлі ж, люлюшанькі**, ў гуслі грая!..Йх* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 87];

***Ох і вой, лялюшанькі**, ў гуслі йграя* (в. Неглюбка, Веткаўскі р-н) [1, с. 86];

***Ой, лёлюшкі-лёлі**, пусці пагуляці* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 83];

***Ох і ой, люлю**, мая мама* (в. Казацкія Балсуны, Веткаўскі р-н) [1, с. 80];

***Ой-лі, вой люлі**, да добру радачку* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 78];

Ой, лёлі, ой, лёлі, *шырокая возяра* (в. Стаўбун, Веткаўскі р-н) [1, с. 88];

Вой люлі, вой люлі*, дзеўкі танкі водзяць* (в. Беседзь, Веткаўскі р-н) [1, с. 90];

Люлі, люлі, гэй*, муроўкі* (в. Свабода, Веткаўскі р-н) [1, с. 98].

Даследаванне лексіка-тэматычнай разнастайнасці каляндарна-абрадавых песень Гомельска-Бранскага пагранічча паказвае, што фальклорныя творы, прымеркаваныя да пэўных падзей календара, характарызуюцца адметным абрадавым слоўнікам.

У творах рознай жанравай арыентаванасці фіксуюцца падобныя лексіка-тэматычныя групоўкі абрадавай лексікі. Выдзяляюцца назвы асоб, рэлігійных паняццяў, найменні прыроднага свету: жывёл, птушак, раслін, водных прастораў. Сустракаюцца таксама геаграфічныя тэрміны і найменні прылад і прыстасаванняў гаспадарчай дзейнасці чалавека. Уласцівасцю абрадавых твораў з'яўляецца памяншальна-ласкальныя формы і метафарычна-алегарычнае ўжыванне многіх найменняў.

Літаратура

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры Гомельскай вобласці / уклад. В.А. Захарава [і інш.] ; уклад. муз. часткі У.І. Раговіч. – Мінск : Універсітэцкае, 1989. – 384 с.

2. Слово о плъку Игоревh, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова // Слово о полку Игореве. – М. : Художественная литература, 1987. – С. 26–52.

3. Восеньскія і талочныя песні / склад і аўт. ўступ. артыкулаў А.С. Ліс; уклад. і камент. талоч. песень С.Т. Асташэвіч ; муз частка В.І. Ялатаў ; рэд. А.С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981. – 679 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 02.09.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 81: 00. 12/18

Игровой аспект интернет-коммуникации

Т.Е. Храбан

Рассматриваются подходы к понятию «языковая игра» в лингвистике. Акцентировано внимание на приемах языковой игры на основе классификации, предложенной Н. Зауэр. На примере употребления языковой игры участниками форумов анализируются ее типы и приемы в интернет-коммуникации. Отмечены особенности и появление новых приемов ЯИ в интернет-коммуникации.
Ключевые слова: языковая игра, интернет-коммуникация, форум, чат, лингвистика, языковая норма, языковой эксперимент.

The approaches to the concept «language game» in linguistics are considered. The focus is on the methods of language game those are based on the classification proposed by H. Sauer. Types and techniques of the language game in online communication are analyzed by giving examples of using them by Forum participants. The features and the emergence of new techniques in online communication are observed.
Keywords: language game, online communication, forum, chat, linguistics, language standard, language experiment.

Последние десятилетия ознаменовались стремительным развитием средств связи и информационных технологий. В современных условиях языковая сфера человеческого существования является наиболее склонной к значительным изменениям. Появление многоканального технического способа связи обеспечило не просто функционирование нового средства связи, но и формирование особенной коммуникационной среды. Среда Интернета представляет собой особенное мультилинейное знаково-символическое коммуникационное пространство, характеризующееся стойкой совокупностью определенных экстралингвистических условий и факторов коммуникации, производных от технических систем средств связи. Это открытое коммуникативное пространство открывает абсолютно новые медийные возможности и характеризуется теми тенденциями в коммуникативных процессах и языке, которые до сих пор были латентными и, на первый взгляд, несущественными. Интернет-коммуникация становиться идеальной средой для проявления творческой функции языка, одним из которых является языковая игра (ЯИ). Существование языковой игры обусловлено одним из фундаментальных свойств языка – его вариативностью, которая позволяет бесконечно разнообразить средства языка для выражения тончайших оттенков мыслей, эмоций, состояний, переживаний, оценок.

Нидерландский историк культуры Й. Хёйзинга отмечал, что язык (речь) тоже может интерпретироваться как игра: «Дух, формирующий язык, всякий раз перепрыгивает играючи с уровня материального на уровень мысли. За каждым выражением абстрактного понятия прячется образ, метафора, а в каждой метафоре скрыта игра слов. Так человечество все снова и снова творит свое выражение бытия, рядом с миром природы – свой второй, вымышленный мир» [1, с. 17].

Некоторые лингвисты сравнивали язык с игрой в шахматы. Так, например, известный английский ученый Дж. Лайонз отмечал, что подобно игрокам в шахматы, коммуниканты, используя в дискурсе грамматичные фразы и тактики, могут осуществлять свои стратегические цели. При этом они могут «обыграть» своего партнера по коммуникации (достижение коммуникативной цели), «проиграть» ему (коммуникативная неудача) или же «предложить ничью» (частичное достижение коммуникативной цели при взаимном компромиссе) [2, с. 379]. Таким образом, в основу понятия «языковой игры» положена аналогия между поведением людей в играх как таковых и в разных системах реального действия, в которые вплетен язык.

Современными лингвистами языковая игра рассматривается в разных аспектах. Акцент на аномальности (отклонение от языковой нормы) реализуется в работах Н. Арутюновой, Ю. Апресяна, Т. Булыгиной, А. Шмелева и др. Существование ЯИ с данной позиции объясняется стремлением обыграть норму, построить эффект на столкновении с ней, что ведет к нарушению автоматизма восприятия. Отклонение от нормы при этом рассматриваться как тенденция, изначально присущая речевой деятельности.

Сторонница данного подхода Н. Данилевская определяет языковую игру как «определенный тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [3, с. 657].

Н. Арутюнова в своей статье «Аномалии и язык» определила последовательность действия отклонений от нормы, которая берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве [4, с. 7]. Другие лингвисты, возражая против терминов отклонение или нарушение нормы, говорят о «варьировании»: «На настоящий момент уже совершенно ясно, что языковая игра не является злокачественным нарушением языковых и речевых норм. Она – результат их оригинального, нестандартного варьирования на базе креативной компетенции коммуникантов в определенном эмотивном дискурсе» [5, с. 367].

В данном контексте кажется правомерным вывод лингвистов К. Седова и И. Горелова о том, что говорящий всегда подчинен языковым нормам: «ЯИ строится на отклонении стереотипов при осознании незыблемости этих стереотипов» [6, с. 83].

Ряд ученых, среди которых Т. Гридина, С. Бредихин, Б. Норман, В. Санников, придерживаются понимания языковой игры как особого вида лингвистического эксперимента. В. Санников в работе «Русский язык в зеркале языковой игры» рассматривает языковую игру как вид лингвистического эксперимента, позволяющего натолкнуть исследователя на серьезные размышления о значении и функционировании языковых единиц разных уровней. Он отмечает, что «языковая игра, как и комическое в целом, – это отступление от нормы, нечто необычное», что именно как нечто патологическое она «ясней всего поучает норме» [7, с. 13].

Ученая Л. Вартанова отмечает: «Языковой эксперимент как особый вид речетворческой семиотической деятельности осуществляется по следующим правилам: 1) наличие участников эксперимента – производителя и получателя речи, 2) наличие экспериментального материала – языковых средств, используемых производителем и воспринимаемых получателем речи, 3) наличие условий эксперимента (контекста или ситуации общения), 4) поведение участников эксперимента, (не)соответствующее его условиям и правилам, в качестве посылок которого выступает вербализованный текст и невербализованные пресуппозиции – фонд общих знаний производителя и получателя речи». Здесь понятие «эксперимент» соотносится с понятием «игра» по признаку обязательности условий проведения и воспроизведения (повторяемости, многократности). По мнению О. Аксеновой, «в современной культуре понятия игры и эксперимента тесно переплетаются. Ребенок, играя, экспериментирует, познает мир. Поэт также, играя, экспериментирует и познает мир и язык» [8].

Несомненно, что языковая игра в основном направлена на достижение комического эффекта. Однако российская ученая Т. Гридина в рамках второго подхода определяет ЯИ как многостороннее явление: «Языковая игра, таким образом, – это одновременно и когнитивный, и психологический, и лингвокультурный, и эстетический феномен, функциональная сущность которого не исчерпывается традиционно выделяемой сферой комического воздействия и уж никак не вписывается в рамки расхожего определения „игра слов”» [9].

Акцент на коммуникативном компоненте природы языковой игры отмечен в диссертации Е. Болдаревой. Под языковой игрой в работе понимается «варьирование языковых знаков (плана выражения и/или плана содержания) участниками акта коммуникации с целью самовыражения, эмоционального воздействия на адресата, а также с целью получения удовлетворения от коммуникативного успеха». Языковая игра рассматривается «как интеллектуальная и эмоциональная провокация адресата, основанная на апелляции как к лингвистическим, так и к экстралингвистическим знаниям, то есть в основе ее использования лежит представление играющего о коммуникативном равенстве реципиента (о наличии у него достаточных знаний для распознавания и адекватного понимания личностных смыслов передаваемых в языковой игре), а также эмоциональных отношений» [10, с. 15].

Однако, несмотря на то, что определение ЯИ многоплановое, многоуровневое, активно развивающееся на стыке многих наук, таких как логика, философия, стилистика, лексикология, культурология, литературоведение и т. д., почти все исследователи сходятся на том, что ЯИ является разновидностью лингвокреативной деятельности, связанной с преднамеренным нарушением языковых и речевых норм и направленной на достижение определенного эффекта (эстетического, комического, стилистического и др.).

Языковая игра в Сети становиться объектом внимания многих исследователей. Широкое распространение языковой игры в интернет-коммуникации обусловлено многообразием выполняемых ею функций, которые способствуют реализации различных интенций участника коммуникации: привлечь внимание, развеселить, унизить, обидеть, разозлить, покритиковать и пр.

Российская ученая И. Якоба выделяет следующие причины распространения языковой игры в интернет-коммуникации: прагматические установки автора; флирт; иллюзия свободы вследствие «карнавализации» интернет-коммуникации; неосознанные маркеры речевого поведения (профессиональная принадлежность, социальное положение, личностностные характеристикики, гендерная принадлежность – маскулинный, фемининный, андрогинный или неопределенный тип); шифрование с целью развлечения, привлечения внимания, оттачивания навыков остроумия, развития чувства юмора, уменьшение психологической дистанции во время коммуникации [11, с. 30].

ЯИ в интернет-коммуникации носит осознанный, преднамеренный характер. Указывая на преднамеренный характер ЯИ, мы тем самым не рассматриваем оговорки, грамматические, орфографические, лексические ошибки, поскольку они являются непреднамеренным отклонением от субъективной интенции говорящего, даже если они ведут к созданию комического эффекта.

Специфика языковой игры в сфере интернет-коммуникации раскрывается при анализе типов ЯИ. При анализе практического материала, собранного на форумах сайта censor.net.ua, была использована классификация, созданная немецкой ученой-лингвистом Н. Зауэр [12, с. 58–69]. Следует отметить, что интернет-коммуникация на чатах и форумах имеет свою специфику. Она прагматически представляет собой устную коммуникацию, но фактически реализуется в форме письменной речи. Таким образом, эта коммуникация, как и всякая другая письменная речь, лишена внешних особенностей непосредственного общения (мимики, интонаций, жестов). Эта сложность частично решается за счет графических знаков («смайликов»). В данной статье рассмотрены лексические приемы ЯИ, используемые участниками форумов и чатов при создании текстов.

Согласно классификации типов ЯИ, предложенной Н. Зауэр, присутствуют несколько уровней использования языковой игры, а именно: текстуально-имманентные и контекстуальные.

Текстуально-имманентные виды ЯИ включает языковые средства, сфера действия которых лежит внутри конкретного текста. Они касаются звуковой формы слова или фразы, например, аллитерация без ссылки на другой текст. Особенность данного вида лежит в области семантико-синтаксической организации отрывка без дальнейших интертекстуальных связей. Среди типов и приемов текстуально-имманентных игр, присущих интернет-коммуникации, можно выделить:

– языковое звучание, основанное на одинаковом звучании звуков в разных частях слов. Примером можно привести следующий комментарий одного из участников форума: «Как я понимаю, следующим будет заявление о том, что оказать необходимую медицинскую помощь ему могут только на Канарах. ...на Ка-**нарах**». Здесь языковая игра основана на созвучии «Канары – нары»;

– создание новых слов из известных аббревиатур: «Вместо GOOGLE теперь будет GOOLAG»;

– повтор: «Равенство оно не для всех равное, для отдельных это равенство немного равнее»; «Басманный суд, такой басманный...»;

– создание неологизмов/окказионализмов: «Теперь пацаков можно будет троллить ещё и этой фразой – “тебя что, в Гугле забанили?”»;

– антонимы. Например: «Разброд и уныние, клятвы в вечной любви и ВЕРНОСТИ архивному цензору, ожидание конца света, есть ли жизнь после дисконнекта и прочую лабуду – читайте до 20 ноября на любой ветке, ыыыыыыы!!!»; «Нехорошо мне ... шо-та ... и духовно и анатомически. Не могу понять организм-тело»;

– контрасты и нарушения логики. Контраст возникает в результате появления неожиданного элемента (стилистической фигуры, отличной грамматической формы) в нейтральном контексте, находя свое выражение в системе разноуровневых оппозиций (лексических, стилистических, синтаксических), и функционирует как один из видов семантико-стилистической организации текста. Примером использования приема контраста ЯИ является такое высказывание: «Между тем, косметичка явно поставила сталинградских дизайнеров в тупик: одно дело срисовать с натуры “Харлей” и построить вместо него обычный русский драндулет, бессмысленный и беспощадный, с последующей доработкой напильником по цене самолета, и совсем другое – придумать к нему косметичку, отсутствующую у западных аналогов, и чтобы это все еще к тому же было недорого, надежно и похоже то ли на табуретку, то ли на автомат»;

– парадокс. Литературная энциклопедия определяет парадокс как «кажущееся абсурдным и противоречащее здравому смыслу утверждение, своеобразное мнение, которое резко расходится с общепринятым» [13]. В словаре литературоведческих терминов дается такое определение: «парадокс – (от греч. paradoxos странный, неожиданный, противоречащий здравому смыслу) суждение, высказывание, отличающееся глубиной мысли, но противоречащее традиционным понятиям и представлениям, расходящееся со здравым смыслом или даже опровергающее его» [13]. Примером ЯИ, основанной на парадоксе, является комментарий участника форума: «В Ульяновском государственном (!!!) техническом университете реализован всероссийский проект “Батюшка онлайн”. Работает уже несколько лет. Помимо прочего на сайте проекта есть кнопка “Стань попечителем”. В России реализуется православный проект Свято-Тихоновского университета, который включает в себя четыре православных олимпиады. Олимпиада уже семь лет включена в Перечень олимпиад школьников, утвержденный Министерством образования и науки РФ (!!), что дает победителям льготы при поступлении в вузы (!!!), в курс обучения которых введено направление “теология”. Между прочим, один из таких вузов – Московский инженерно-физический институт...Вот так. А вы говорите – светское государство... Лично для меня, физтеха (так называют себя студенты и выпускники МФТИ), эти явления – одного порядка. Я имею в виду проходной барьер в 3 задачки из 20 по математике, наличие кафедры “Теология” в МИФИ, сотни тысяч участников православных олимпиад и то, что Солнце – вокруг Земли...Ерунда? Конечно. Духовность важнее. Только даже если освящать ракеты перед стартом, они все равно будут падать. Потому что по математике проходной балл – 3 из 20. Вопросы о приоритетах и перспективах есть? Не поленитесь и посмотрите список вопросов, на которые должен ответить участник православной олимпиады. Какие уж тут Ландау и Капица...».

Следует отметить, что сам текст в интернет-коммуникации диалогичен: он не канонизирован, а изменчив, насыщен гиперссылками и позиционируется как незаконченный отрывок всеобщего разговора, который ведут между собой тексты и их создатели в глобальном информационном пространстве. Поэтому широкое использование в интернет-коммуникации получили контекстуальные виды ЯИ, которые конструируются на основе отношений между конкретным текстом и другими текстами или на отношениях конкретного текста с возможностями языковой системы. В качестве контекста здесь служит не только непосредственное окружение ЯИ, но и общее языковое и ситуативное окружение. То есть, данный вид строится на основе интертекстуальных связей. Сюда относятся ЯИ, в примерах которых двусмысленность становится эксплицитной за счет дополнительных лексических или графических средств. Это может произойти, когда, например, лексема берется в кавычки. Например: «Как я понимаю, он требует “госпитализацию” сразу в Германию? По образцу, так сказать. Ну что ВЫ уважаемый, вся страна знает, что большими суммами помогают “добрые люди”. Стыдно»; «Ничего, скоро шведы её поднимут – сразу и узнаем, как вот уже 100 лет эту “щуку”/ “сомъ” выдают за “современный подводный флот”».

К контекстуальным играм относятся также аллюзии. Российская исследовательница Е. Васильева в своей диссертационной работе указывает, что характерной особенностью аллюзии является, кроме принадлежности обоим контекстам сразу (первоначальному и принимающему), еще создание межтекстовых связей, то есть она является механизмом связи текстов: «Аллюзия является единственным из текстовых включений, которое характеризуется наличием внутреннего сигнала, то есть сигнал присутствия в данном тексте иного, прецедентного текста, находится внутри самого текстового включения. Аллюзия является трехсторонней единицей: она одновременно часть нового текста, часть старого текста, и сигнал присутствия прецедентно-

го текста. Следовательно, если все текстовые включения являются двухфазными единицами, аллюзию можно назвать трехфазной единицей, с сигналом, находящимся внутри включения. Аллюзивный текст можно считать особым типом текста из-за функционирования в нем разнообразных включений, которые способствуют созданию открытого произведения» [14, с. 13–14].

Среди примеров, найденных в интернет-коммуникации, встречаются аллюзии на устойчивые выражения, пословицы, известные цитаты, названия книг, фильмов, исторические события, имена известных людей и т. д. Например: «Разобрать йотафон и уничтожить четырехядерный американский процессор! Даешь ответные меры! В каменном веке все равны, ура товарищ!»; «В православных скрижалях написано, что бог сказал давным давно – что интернет ежи еси – зло»; «Это yellow submarine, очевидно. Про нее еще битлы пели»; «Вот мне, например, не нравятся картины Пикассо. Но это не повод отказать ему в мастерстве живописи. Байк “Порше”, конечно же, сильно на любителя... Но “Гитлеровец”, пардон “Сталинец” – это вообще мазня в стиле Остапа Бендера и его картины “Сеятель”»; «Рассуждаешь прямо как философ-ноосферец..»; «Не нужно тавтологии. Басню Крылова “Лебедь, рак и щука”, надеюсь, в школе проходили? Вот вам, пример местечкового менталитета. Учитесь у муравьев господа, и один товарищ»; «Льова, прекрати истерику... это мне напоминает прощание моряков на терпящем крушение корабле... когда надежда есть, но она призрачна... Но ведь дело не так трагично обстоит. Не рисуй апокалиптических картин, тут есть кому...».

Следует отметить, что рассмотренные типы и приемы ЯИ присущи не только интернет-коммуникации, а вообще любому дискурсу. Отличие выражается в частотности употребления того или иного типа ЯИ. Так, для ЯИ в интернет-коммуникации характерно широкое использование аллюзий, а художественные тексты насыщены такими приемами ЯИ как метафора, гипербола, антитеза и др. Отличительной особенностью языковой игры в интернет-коммуникации стало также появление новых видов ЯИ. Существуют случаи языковых обыгрываний, характерных только для коммуникантов Сети, например, «албанское письмо» и интернет-мемы.

В «албанском» («олбанском») языке огромную роль играют речевые клише и прецедент нарушения. Когда-то случившееся нарушение правописания (искажение, сокращение, имитация акцента и т. д.) вдруг подхватывается, тиражируется и входит в канон. Однако, как отмечает российский лингвист М. Кронгауз, речь идет не совсем о тривиальной и хаотичной безграмотности в Интернете: «Это не хаос, а, скорее, сосуществование разных систем правил, которые не доведены до логического конца. Таким образом, в идеале (или в центре) находится та самая система “ан-ти-правил”: делай ошибку всякий раз, когда это не влияет на произношение. По мере использования и распространения жаргона идеал размывается, становится важным сделать хотя бы одну ошибку. Наконец, более существенным оказывается владение речевыми клише. Отсутствие нормы, характерной для литературного языка, делает допустимой и привычной вариативность написания. И только для небольшой группы клише выделяются канонические варианты типа “аффтар”» [15].

Ученый отмечает, что явление, когда грамотность текстов в Интернете существенно ниже, чем грамотность текстов на бумаге, является абсолютно нормальным. Причина этого лежит в том, что тексты в Интернете ближе к устной речи и, соответственно, более безответственны, чем тексты на бумаге. Кроме того, дети эпохи Интернета читают с экрана больше, чем с бумажного листа и вариативность написания для них абсолютно естественна. Примером «албанского» языка служит такой комментарий участника форума: «Деффки, водка, патефон».

Интернет-мемы получили наибольшее распространение в различных интернет-сообществах (в блогах, чатах, социальных сетях, на форумах и т. п.). Зачастую Интернет-мемы используются в форме комиксов или отдельных картинок, так же возможно распространение в форме звуков. Интернет-мемы отличаются разной степенью локальности и могут не вызвать смеховой реакции, если не сопроводить их необходимыми пояснениями. Иногда картинка играет роль фона, а сам комментарий обыгрывает комическую ситуацию: «В новостях сказали, что внешний долг всех стран достигает 70600000000000 долларов. Кому мир должен? Юпитеру?». Назначение мемов – высмеять ситуацию, обратить на нее внимание, показать комичность обыденных и распространенных ситуаций. Интернет-мемы, получив большое распространение в сети, превращаются в направление массового искусства. Запоминая яркие и стандартные образы, пользователь переносит их характерные черты на свою манеру поведения. Можно утверждать, что мемы превращаются в устойчивые афоризмы и крылатые фразы, которые становятся неотъемлемой частью современного языка.

Таким образом, в результате исследования типов и приемов языковой игры, используемых участниками интернет-коммуникации, можно сделать следующие выводы:

– языковая игра является неотъемлемой частью интернет-коммуникации;

– сообщения и комментарии участников интернет-коммуникации, использующих различные приемы ЯИ, является не только языковым материалом, оно также отражающим элементом экстралингвистической действительности;

– языковая игра в интернет-коммуникации является скорее языковым экспериментом, чем нарушением языковых норм;

– в последнее время в интернет-коммуникации наметились тенденции использования новых, неисследованных способов создания языковой игры;

– в юмористических высказываниях в интернет-коммуникации присутствуют несколько уровней использования языковой игры, а именно текстуально-имманентные и контекстуальные;

– самой многочисленной по количеству использования ЯИ является группа примеров, в основе которой использовались аллюзии;

– в большинстве случаев использование ЯИ выполняет экспрессивную и коммуникативную функции;

– ЯИ нуждается в дальнейшем изучении, так как появляются все новые приемы языковой игры в интернет-коммуникации.

Литература

1. Хейзинга, И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / И. Хейзинга ; пер. с нидерл. – М. : Прогресс, 1992. – 464 с.

2. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge, New York, 1977. – 164 p.

3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М. : Флинта, 2006. – 696 с.

4. Арутюнова, Н. Аномалии и язык (к проблеме языковой картины мира) / Н.Д. Арутюнова // Вопр. языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–19.

5. Шаховский, В. Лингвистическая теория эмоций: монография / В.И. Шаховский. – М. : Гнозис, 2008. – 416 с.

6. Горелов, И.Н., Седов, К.Ф. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М. : Лабиринт, 1998. – 256 с.

7. Санников, В. Русский язык в зеркале языковой игры / В.З. Санников. – М. : Языки русск. культ., 1999. – 541 с.

8. Вартанова, Л.Р. Экспериментальный характер языковой игры как оппозиция нормы и аномалии [Электронный ресурс] / Л.Р. Вартанова. – Режим доступа : http://www.science-education.ru/121-17869. – Дата доступа : 11.06.2015.

9. Гридина, Т.А. Художественный текст как поле языковой игры [Электронный ресурс] / Т.А. Гридина. – Режим доступа : cyberleninka.ru › Научные статьи › Языкознание. – Дата доступа : 11.06.2015.

10. Болдарева, Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е.Ф. Болдарева. – Волгоград, 2002. – 18 с.

11. Якоба И.А. Игровой компонент интернет-коммуникации: лингвистический анализ / И.А. Якоба // Вестник гуманитарного научного образования. – 2012. –№ 6 (20). – С. 29–33.

12. Sauer, N. Übersetzungsprobleme der spielerischen Texte / N. Sauer. – Tübingen : Niemeyer, 1985. – 248 p.

13. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : translate.academic.ru. – Дата доступа : 29.06.2015.

14. Васильева, Е. Функциональная специфика аллюзивных текстов (на материале пьес Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» и «Травести»): автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е.А. Васильева. – СПб., 2011. – 21 с.

15. Кронгауз, М. Утомленные грамотой [Электронный ресурс]. – Режим доступа : magazines.russ.ru/novyi_mi/2008/5/kr11-pr.html. – Дата доступа : 29.06.2015.

Киевский военный
лицей им. И. Богуна

Поступила в редакцию 03.08.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

Философия

УДК 272+27-662.3

Идея религиозно-политического дуализма в социальном учении католичества

В.К. Борецкая

Исследуются концептуальные основания модели церковно-государственных отношений в социальной мысли католичества. Определены особенности трансформации идеи религиозно-политического дуализма в воззрениях католических богословов.
Ключевые слова: церковно-государственные отношения, религиозно-политический дуализм, социальное учение церкви, католицизм.

The conceptual basis of the model of church-state relations in Catholic social thought is investigated. The transformation of the idea of religious and political dualism in the views of Catholic theologians is designated.
Keywords: Church-state relations, religious and political dualism, social doctrine of the Church, Catholicism.

Система отношений церкви с государством является достаточно многогранной и неоднозначной. Модель церковно-государственных отношений может иметь форму как социального служения, так и видоизменяться в сторону клерикализации государства и политизации религии. В условиях интенсификация религиозных процессов в белорусском обществе, предпринимаемых обоюдных попытках правительства РБ и Римско-католической церкви подписания соглашения о сотрудничестве возникает необходимость исследования социальной доктрины церкви, где определяются основные принципы церковно-государственного взаимодействия.

Основной задачей социального учения церкви является проповедование вероучения на языке доступном для верующих, раскрытие его экзистенциального и праксиологического аспектов. Источниками социального учения являются: Святое Писание и предание раннехристианской церкви, собрания правовых документов, которые оказывали влияние на формирование канонического права, пасторские послания, а также социально-богословские учения теологов и религиозно-философских мыслителей. Анализ данных документов позволит глубже и более детально осмыслить специфику модели церковно-государственных, представленной в социальном учении РКЦ.

Исследуемая проблематика отношений церкви с государством в социальном учении католичества имеет два аспекта: догматический и праксиологический. Догматический аспект указывает на общие положения, касающиеся природы церкви, основные принципы взаимоотношения церкви с государством. Праксиологический – затрагивает бытие церкви во времени, в истории того или иного народа, государства. Сложность проблемы заключается в том, что проповедуемое церковью социальное учение всегда имело историко-культурную обусловленность, что неоднократно становилось причиной искажения евангельского предания, а также возникновения двух различных моделей церковно-государственных отношений в христианстве, цезарепапизма и папацезаризма. Имея ситуативный характер, оно в той или иной степени выражало основополагающие принципы христианской социальной доктрины, хотя и не всегда представленные явно.

В Ветхом и Новом Заветах освещаются вопросы общественного обустройства, с той разницей, что Ветхозаветное предание предназначалось непосредственно для израильского народа, представлявшего собой особую общность, которая, помимо земных целей, стремилась к реализации своего божественного предназначения. Следует отметить, что в Ветхом и Новом Заветах, в соответствии с различным видением общественного обустройства несколько разнятся и модели церковно-государственных отношений. В отличие от иудейской теократической модели общественного обустройства, в раннехристианской церкви признается, что

Бог вверил заботу о роде людском двум властям – религиозной и государственной, каждая из них имеет свою сферу деятельности и опирается на собственное право. То, что в делах людских является священным, что имеет отношение к совершенствованию духовной сущности человека и почитанию Бога, подлежит духовной (церковной) власти и каноническому суду. Дела, которые относятся к сфере политической и государственной жизни, должны подчиняться государственной власти.

Идея христианского религиозно-политического дуализма весьма отчетливо представлена в евангельских словах Иисуса, а именно в его разговоре с фарисеями. На вопрос фарисеев: «Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?» – Христос ответил: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мт 22, 21). Христос говорит здесь о существовании двух субъектов власти (религиозной и политической) и о том, что нельзя отождествлять Бога и кесаря, а также обязательств человека перед Богом и перед государством. Учение христианства перечеркнуло постулат античного мира о религиозно-политическом монизме, основывающемся на концентрации религиозной и государственной властей в руках одного субъекта. В ответе Христа представлен дуализм двух измерений в жизни человека – личностного и общественного, который в христианстве выражается в различении духовного и материального порядков.

Идея диархии в дальнейшем получает свое развитие в воззрениях западных патристов. Подчеркивая взаимозависимость светской и духовной властей, Амвросий Медиоланский (340–397) признает подчинение епископа государству в делах политических, а также послушание правителя церкви в делах духовных, как представителя паствы: «Imperator intra ecclesiam non supra ecclesiam est» (Император – внутри церкви, а не выше ее) [1, с. 74]. Амвросий, имея опыт административной деятельности, понимал, что политизация религиозных истин чревата негативными последствиями для общества, поэтому отстаивал независимость священнослужителей и церковной иерархии в делах духовных как необходимое условие внутрицерковной свободы. Идея Амвросия о взаимодействии церкви и государства для достижения общественного блага получает свое дальнейшее развитие в социальном богословии его знаменитого ученика Аврелия Августина (354–430).

Согласно воззрениям Августина, призванием церкви в государстве является ее социальная активность, благодаря которой возможно воспитание моральных качеств личности добродетельного гражданина [2, с. 1004]. Проповедуя христианскую мораль в обществе, церковь способствует поддержанию и сохранению государственных распоряжений и законов в той степени, в какой эти законы не противоречат закону Божьему. Государственная власть должна ратовать не только о материальном благосостоянии граждан и общественном порядке, но, в духе христианского перспективизма, должна быть устремлена к достижению высшего блага.

В концептуальной модели идеального христианского государства Августина впервые в условиях легализации христианства и достижения церковью господствующего положения среди других религий, а также проявившихся к началу V в. тенденций цезарепапизма отмечается необходимость разграничения морально-религиозной и политических сфер, а также целесообразность церковно-государственного взаимодействия. Представителями церковной иерархии и государственными правителями идеи Августина зачастую истолковывались в духе клерикализации и теократизации государства, что приводило к отождествлению задач государства и церкви, становилось причиной культурных и общественных кризисов. Максимизация принципа взаимодействия церкви и государства привела к формированию двух противоположных систем церковно-государственных отношений: цезарепапизма и папацезаризма.

В результате упадка Римской империи на Западе государственная власть перешла в руки церковных иерархов, что постепенно привело к оформлению религиозно-политического центра католической церкви – папства. Этому способствовали, с одной стороны, иерархичная структура самой церкви и образованность священнослужителей, с другой стороны, политическая тактика перемирия с франками. В X в. империя на Западе была восстановлена, что привело к соперничеству между императорской и церковной властями. Отстаивая свое право независимости от государственной власти, церковь утверждает идею первенства римского папы и концепцию папской теократии, т. е. папацезаризм.

В 1075 г. папа Григорий VII излагает в «Dictatus papae» (инструкции продиктованной папой) свои представления о власти римского первосвященника. Это была универсальная доктрина папства и одновременно теократическая концепция власти папы над христианским миром. В декреталиях провозглашался приоритет церковной власти (sacerdotium), которая исходит непосредственно от Бога, над императорской властью (imperium) не только в делах духовных, но и мирских. Пытаясь разрешить проблемы средневековой Римско-католической церкви, Григорий VII начинает ее реформирование. Цели данной реформы можно обозначить как запрет покупки церковных должностей и светской инвеституры, достижение независимости духовенства и церкви от светской власти.

Григорианская реформа инициировала также реакцию богословов относительно проблематики церковно-государственных отношений. В богословских кругах возникли теоретические споры между так называемыми канонистами и легистами. Легисты отстаивали право вмешательства государства во внутрицерковные дела. Канонисты пытались сформулировать теоретическое обоснование папской теократии, ссылаясь на Священное Писание и «donatio Constantini». Следует отметить, что некоторые из средневековых богословов высказывались за подчинение церкви государству, исходя из условий, в которых находились локальные церкви в Германии и Франции, где епископы напрямую зависели от местных правителей и назначались ими.

В контексте рассматриваемой нами проблематики особого внимания заслуживают взгляды Фомы Аквинского (1225–1274). В своих воззрениях относительно церковно-государственных отношений он находится под влиянием положений, сформулированных Августином и папой Геласием I. В конце V в. на фоне притязаний императора Афанасия I папа Геласий I формулирует церковную доктрину об отношении церкви к государству. Отстаивая независимость церкви от государственной власти при решении внутренних церковных проблем, он подчеркивал авторитетность папской власти, одновременно возлагая надежды на государственную власть в вопросах защиты церковной общности.

Наивысшей целью государства, согласно воззрениям Ф. Аквинского, является общественное благо, которое заключается в сохранении мира и обеспечения всеобщего земного благополучия [3, с. 267]. Аквинат акцентирует внимание на осознании необходимости сотрудничества всех социальных сил в государстве, которые правитель посредством своей деятельности объединяет. Наилучшей формой государственного устройства у Ф. Аквинского является «соразмерная форма правления». Данная форма должна состоять из следующих составляющих: монархической власти, поскольку во главе стоит один человек в силу своей добродетели; аристократии, поскольку в ней правят немногие в силу их добродетели; демократии, или народовластия, поскольку правители могут быть избраны из народа и народу принадлежит право избрания правителей [3, с. 268–269].

Являясь сторонником опосредованного происхождения власти от Бога, с одной стороны, Аквинат признает, что государственная власть находится в руках лучших и достойных, которые, благодаря своему совершенству, находятся ближе к Богу. С другой стороны, признает власть как необходимое условие общественного порядка. К наивысшим добродетелям Фома относит послушание правителям, одновременно признавая возможность освобождения подданных от обязанности послушания правителю, если глава государства «не имеет права управлять государством, насильственно присваивая себе это право, или заставляет совершать что-либо противоречащее общественной справедливости» [4, с. 50].

Воспринимая социум как естественное образование, он признает отсутствие абсолютной границы между обществом и церковью. Являясь сторонником опосредованной власти церкви в обществе, он признает ее моральное первенство по отношению к государству, но отрицает необходимость церковного руководства в государственных делах. Фактически Аквинат, продолжая традицию патристов богословского обоснования идеи религиозно-политического дуализма, пытается определить границы полномочий церкви и государства. Но томистическая социальная философия приобретает авторитетность и популярность в Римско-католической церкви только в конце XIX в. На вооружение церковной доктрины была взята его метафизическая концепция универсальности бытия, на основании которой доказывалась теоцентричность любого человеческого общества и приоритет церкви над государством.

В средневековье христианство становится главным фактором объединения европейских народов, что находит свое выражение в политической идее sacrum impierium (священной империи). В истории Европы эта идея, поочередно приобретая черты папацезаризма и цезарепапизма, становится идеологией завоевания языческих стран (реконкиста, крестовые походы). Сама церковь, пытаясь преодолеть внутренний кризис раздробленности и возникающие конфликты с представителями европейских королевских дворов, ведет войны за внутреннее объединение и подчинение локальных церквей Риму. В данных реалиях на соборе в Констанции (1414–1418) возникает вопрос о границах папской и императорской власти по отношению к нехристианским народам. Своеобразную политическо-правовую доктрину на данном соборе репрезентовала польская школа естественного права.

Полемизируя с представителями Тевтонского ордена, которые отстаивали право абсолютной власти римских пап в духовных, политических и социальных делах, ректор краковского Ягеллонского университета Павел Влодковиц (1369–1435) в своем трактате «De potestate papae et imperatoris respectu infidelium» (Власть папы и императора по отношению к языческим народам) отстаивает права языческих народов, однозначно отрицая право церкви и христианского императора на принудительную христианизацию. Пытаясь определить сферу деятельности церкви и государства, Влодковиц разграничивает духовную и политическую власти. Признавая за римским папой как наместником Христа «право духовной власти», он апробирует границы этой власти [5, с. 80]. Сфера компетенции папской власти не может противоречить законом естественного и Божьего прав, поэтому предметом духовной власти римских пап является евангелизация и защита веры путем проповедничества. Оригинальность данной концепции обосновывается признанием за языческими народами права на собственную территорию, государство и защиту собственных интересов.

Центром активного развития схоластики и возвращения к томизму в эпоху Ренессанса становятся испанские университеты Альгамбра, Саламанки и Коимбра. Но социальное учение испанских схоластов, в отличие от макиавеллизма, не получило широкого резонанса и практического распространения, и не смогло выйти за пределы Испании. Наиболее известными схоластами Нового Времени являются Франсиско де Витория (1438–1546), Франсиско Суарес (1548–1617), Роберт Беллармин (1542–1621), которых можно назвать продолжателями идеи суверенитета народа Павла Влодковица. Пытаясь согласовать учения Августина и Фомы Аквинского с тенденциями своего времени, они отрицали атрибут светской власти римского папы и идею его верховенства над монархами. Воспринимая государство как воплощение правового порядка, схоласты обозначают различия между общественным и личным благом, между правовым порядком и правом личности, между справедливостью в сфере политики и персональной справедливостью. Являясь сторонниками учения об опосредованном авторитете пап в мирских делах, свои взгляды они обосновывали концепцией естественного права, на основании которой власть дается Богом, но носителем власти признавали весь народ, который передает власть правителю, в то же время обязывая его осуществлять справедливое правление и заботиться об общем благосостоянии. Проблему общественного обустройства они рассматривали в контексте признания права каждого народа на самоопределение, при одновременном признании прав других народов на свой путь развития. Признавая суверенитет государства, они также отстаивали независимость церкви, отрицая право светской власти вмешиваться во внутренние дела церкви. Следует отметить, что испанские схоласты, отстаивая теорию опосредованного происхождения власти от Бога, подчеркивали историческую и культурную значимость евангельского религиозно-политического дуализма для становления и развития церковно-государственных отношений.

События, связанные с Французской революцией 1789 г. и распространением идей либерализма, способствовали забвению социального учения католической церкви в XVIII–XIX вв. Причинами упадка богословской мысли стали отсутствие метода богословского анализа социальной реальности, а также сконцентрированность на обличении идей Реформации. Возрождение социальной мысли происходит благодаря движению «социального католичества» начала XIX в. Ведущими представителями данного движения были Ф. Ле Пле, А. де Турвиль во Франции, Ф.Й. Бусс, М.В. фон Кеттелер, А. Кольпинг в Германии, Карл фон Фогельзанг в

Австрии. При разработке своих социальных программ они, опираясь на ценности христианской философии и богословия, активно заимствовали некоторые идеи либерализма и социализма, занимая по отношению к ним критическую позицию. В частности, они активно поддерживали тезис либерализма об отделении церкви от государства, осознавая опасность подчинения церкви интересам государства, ее инструментализации, но не соглашались с суждением об изоляции церкви от жизни гражданского сообщества, от активного участия в решении социальных проблем. Деятельность данного движения в католичестве оказала огромное влияние на развитие социального учения РКЦ.

Осознавая необходимость детального богословского и социологического анализа реалий современной жизни, а также наметившийся раскол между католиками-либералами и католиками-социалистами, римский папа Лев XIII издает ряд энциклик. Целью данных энциклик, по мнению исследователя социального учения католической церкви Ю. Майки, является указание «четких ориентиров» для социальной деятельности католиков, а также «упорядочение христианской позиции не только в сфере философии и богословия, но и применительно к общественно-политической жизни» [6, с. 292]. В 1879 г. была опубликована энциклика «О христианской философии», в которой не только догматическое, но и социальное учение Фомы Аквинского признано базовой основой богословской мысли в католичестве. Данная энциклика стала своеобразной точкой отсчета для неотомистической философии, под влиянием которой происходят постепенная трансформация модели церковно-государственных отношений и возвращения от идеи папской теократии к принципу религиозно-политического дуализма.

В энциклике «О политической власти» (1885) Лев XIII излагает концепцию христианского обустройства государства, затрагивая также извечно актуальный вопрос о генезисе государственной власти. Придерживаясь позиции опосредованного происхождения власти от Бога, папа отмечает, что государство должно признавать существование феномена религии в жизни граждан и оказывать верующим поддержку [7, с. 3]. Осознание существования религии на законодательном уровне свидетельствует о признании церкви и ее прав. Также в энциклике отмечается, что церковь и государство, имея различные сферы деятельности и цели, должны согласованно взаимодействовать ради достижения общественного блага. Наилучшей формой сотрудничества является принятие конкретных решений на основе подписания взаимных соглашений, т. е. подписания конкордата. Осуждая факты преследования верующих и представителей церковной иерархии, папа отрицает идею абсолютного отделения или изоляции церкви от государства, ссылаясь на сотериологический характер христианской экклесиологии [7, с. 19].

Проблемы политической свободы и веротерпимости папа затрагивает в энциклике «О свободе человека» (1888), подчеркивая необходимость деятельности государства в соответствии с законодательной базой. При этом он резко критикует позицию «восприятия свободы как произвола и анархии», равно как и отождествление религиозной толерантности с релятивизмом [8, с. 21]. В 1890 г. выходит в свет следующая энциклика – «Об обязанностях христиан-граждан», в которой Лев XIII призывает верующих к уважению власть имущих, к чувству патриотизма по отношению к своему отечеству. Данные обязанности христиан, как отмечается в документе, абсолютно не противоречат «чувству долга христианина перед церковью» [9, с. 25]. Особое значение для дальнейшего развития социальной теологии католичества имеет энциклика «О проблеме рабочего класса» (1891), в которой не только излагаются базовые принципы социального учения церкви, но сделана попытка социологического анализа положения рабочего класса и определения тенденций формирования социальной политики государства, исходя из принципов христианской морали [10, т. 1, с. 42–65].

Следует отметить, что учение Льва XIII существенно отличалось от воззрений его предшественников, которые, апеллируя к праву римских пап участвовать в мирских делах, резко критиковали новые либеральные формы государственного обустройства. В его учении намечен явный переход от критицизма и отрицания процессов секуляризации к попытке анализа различных форм государственного обустройства и позиции диалога. Социальное учение Льва XIII становится переломным в истории развития богословской мысли и общественной деятельности церкви, санкционируя социальную активность верующих-мирян и стимулируя активное развитие католической социальной теологии. Но в его энцикликах отсутствует более

детальное определение принципов церковно-государственных отношений, что обусловлено было, с одной стороны, отсутствием методологической основы богословского анализа социальной реальности, с другой – отсутствием четкого разграничения социальной и политической деятельности. К сущностному изменению модели церковно-государственных отношений данные энциклики не привели, поэтому теория об опосредованной власти римских пап сохранила свое доминирующее положение в католической доктрине до II Ватиканского собора.

Особого внимания в контексте рассматриваемой нами проблематики заслуживают взгляды Жака Маритена (1882–1973). В своих трудах он обосновывал необходимость цивилизации нового типа, в условиях которой сочетались бы христианская вера и автономия государственных институтов, где благодаря процессу секуляризации отсутствовала бы опасность смешения светской и духовной властей. Одним из объектов исследования в его социально-философской доктрине являются взаимоотношения церкви и государства. В своих рассуждениях в данной области он берет за основу томистическое понимание человеческого сообщества и, развивая его в духе персонализма, проводит разграничение понятий политического общества и государства. Последнее он понимает как «часть политического общества, которая в наибольшей степени заинтересована в сохранении закона, поддержании общего благосостояния и общественного порядка, а также в управлении общественными делами осуществления справедливости» [11, с. 20]. Государство представляет собой не группу людей, а совокупность учреждений, главной задачей которых является развитие социальной справедливости, совершенствование управления процессами экономики и защита от внешней тоталитарной угрозы.

Исходя из персоналистического понимания задач государства, Маритен определяет три принципа церковно-государственных отношений. Сущностным основанием для такого типа взаимоотношений является признание государством «закона первичности духовного» [11, с. 184]. Следует отметить, что он, признавая теистический характер человеческого сообщества, т. е. приоритет высших и вечных целей над земными, общественными, не был сторонником государственной церкви или принудительного декларирования гражданами своей религиозности. Поэтому вторым принципом он признает свободу церкви «учить, проповедовать и исповедовать», понимая ее как невмешательство во внутрицерковные дела со стороны государства [11, с. 185]. В своих воззрениях Маритен отрицает абсолютную изоляцию церкви от государства, потому что человек одновременно является и членом политического общества, и членом церковной общины. Изоляция этих социальных институтов обозначала бы раздвоение личности. Третьим принципом является признание сотрудничества между церковью и государством.

Благодаря воззрениям данного католического философа, его дифференциации понятий государства и политического общества трансформируется сама модель взаимоотношений церкви и государства в документах социальном учении РКЦ. Происходит смещение акцента от властных полномочий, что было характерно для Григорианской модели, к моральному влиянию и авторитету, определяются сферы влияния церкви и государства, а также формы их взаимодействия.

Процессы секуляризации в западноевропейских странах привели не только к освобождению церкви от общественных функций, сопряженных с элементами политической власти и правовым принуждением, но также содействовали философско-богословскому обоснованию идеи размежевания светской и церковной сфер в трудах схоластов, представителей движения «социального католичества» и неотомизма. Расширение проблематики социального богословия способствовало утверждению идеи религиозно-политического дуализма в социальной доктрине католицизма, что послужило основанием для признания церковью суверенитета государства и модернизации модели церковно-государственных отношений в документах II Ватиканского собора (1962–1965). Модель церковно-государственных отношений в современном социальном учении РКЦ может быть представлена в виде трех основополагающих принципов: принципа автономии и независимости церкви и государства в своих сферах деятельности; принципа признания свободы совести и вероисповедания в личностном и общественном аспектах; принципа сотрудничества церкви и государства в социальной сфере.

Литература

1. Św. Ambroży z Miediolanu. Dzieła wybrane / Św. Ambroży. – Warszawa : PAX, 1967. – 224 s.
2. Блаженный Августин. О граде Божьем / Бл. Августин. – Москва-Минск : Харвест, 2000. – 1296 с.
3. Św. Tomasz z Akwinu. Suma teologiczna : w 33 t. / Św. Tomasz z Akwinu. – London, 1986. – T. 13 : Prawo. – 402 s.
4. Św. Tomasz z Akwinu. Suma teologiczna : w 33 t. / Św. Tomasz z Akwinu. – London, 1972. – T. 20 : Cnoty społeczne. – 302 s.
5. Pisma wybrane Pawła Włodkowica : w 3 t. / P. Włodkowic. – Warszawa : ATK, 1968. – T. 1. – 204 s.
6. Майка, Ю. Социальное учение католической церкви / Ю. Майка. – Рим-Люблин : Издательство Святого Креста, 1994. – 480 с.
7. Leon XIII. Immortale Dei / Leon XIII. – Warszawa : Te Deum, 2003. – 21 c.
8. Leon XIII. Libertas / Leon XIII. – Warszawa : Te Deum, 2001. – 38 c.
9. Leon XIII. Sapientia christianae / Leon XIII. – Warszawa : Te Deum, 2003. – 34 c.
10. Dokumenty nauki społecznej kościoła : w 2 t. / red. M. Radwan [oraz inne]. – Rzym–Lublin : RWKUL, 1987. – T. 2 – S. 42–65.
11. Maritain, J. Człowiek i państwo / J. Maritain. – Kraków : Znak, 1993. – 227 s.

Гомельский государственный
технический университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 26.05.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 316.35:316.613:323.396

Роль народа, личности и элиты в истории

В.Н. Калмыков

Показано, что в динамике социума объективная заданность процессов и состояний соединена с субъективными устремлениями людей. Проведена точка зрения, что в структуру социального субъекта входят не только народ и личность, но еще и элита, являющиеся величинами переменными.
Ключевые слова: народ, личность, элита, социальный субъект, гражданин, индивид, массы, быть, иметь, знать, уметь.

The objective specified process and conditions are connected with the subjective aspirations of the people in the society dynamics. It is considered that the structure of the social subject does not include the people and the personality, but also the elite, which are variables.
Keywords: people, person, elite, social subject, citizen, individual, masses, to be, to know, to have, to be able to.

Многофакторность и нелинейность общественного развития еще не означают, что в социуме отсутствуют причинно-следственные связи и общая детерминированность.

Современная философия, используя идеи синергетики, подчеркивает, что действие социологических законов (соответствия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки, смены общественно-экономических формаций и цивилизаций, возвышения и усложнения потребностей и т. д.) проявляется исподволь, исходя из собственных сил и форм образования, потенций. Вместе с тем в динамике социума стихийно-спонтанное начало переплетено с целеволевым началом, объективная заданность процессов и состояний соединена с субъективными устремлениями людей.

«Индивид, выступающий как объект социализации, – писал К. Маркс, – является в то же время субъектом общественной активности, творцом общественных форм» [1, с. 483–484]. Общество, полагал Н.А. Бердяев, представляет собой объективизацию человеческих отношений. Социум есть форма бытия человека, воплощение присущей ему уникальности и коллективности. В сложном сплетении исторических событий возрастает роль социального субъекта, способного к оценке и проектированию общественных процессов, к умению выбрать целесообразную позицию и реализовать ее в практику.

Социальный субъект воплощает единство противоположных начал: постоянной восприимчивости ко всем сигналам, импульсам, идущим от природы, мира, общества и личностного придания этим импульсам человеческого смысла. Человеческое поведение определяется балансом внешних и внутренних сил. Человек связан с миром и одновременно дистанцирован от него, относительно автономен. Некоторые воздействия среды социальный субъект в целом воспринимает и реагирует на них, к другим приспосабливается, от третьих пытается отмежеваться. Часть людей не желает или не может адаптироваться к новым условиям и отказывается от каких-либо изменений.

В прошлом мыслители в основном анализировали дилемму: народ или личность творят историю. Так, Моно писал о деятельности масс, преимущественно стихийной и недооценивал значение выдающейся личности. Л.Н. Толстой в романе «Война и мир» исторический процесс трактовал только через деятельность масс. Т. Карлейль, напротив, отталкиваясь от учения И.Г. Фихте об активной деятельности субъекта как творческого начала мира, создал «культ героев» (история общества есть биография великих людей). У П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского народные массы представляют собой нечто вроде множества нулей: эти нули могут превратиться в положительную величину тогда, когда во главе них становится критически мыслящая единица, герой.

Дилемму «или–или» преодолел марксизм, который подчеркивал и решающую роль народных масс (в «Святом семействе») и значение индивидов как творцов общественных форм (в «Экономическо-философских рукописях 1857–1859 гг.»). Обозначенную идею в образно-символической форме выразил Н.А. Добролюбов, который сравнивал народ с землей, а деятелей – с дождем. Дождь освежает землю, но и сам образуется из испарений земли.

Народ – не обезличенная масса, а ансамбль личностей, граждан. Категории «народ» и «личность» соотносимы. Во взаимоотношении «народ–личность» действует диалектический принцип «и–и».

До уровня субъекта исторического процесса поднимаются те представители народа, которые осознают свое место в социуме, руководствуются как личными, так и общественно-значимыми целями и участвуют в их осуществлении. В народ входят те, кто непосредственно или опосредованно создают материальные блага и (или) духовные ценности, выполняют социальные услуги, осуществляют культуризацию, экологизацию и гуманизацию общественных отношений, решают в данную эпоху прогрессивные исторические задачи. Помимо сформулированных фундаментальных характеристик некоторые авторы называют и другие признаки народа: наличие собственной исторической судьбы, выражающейся во внутренней логике его развития; общая вера и национальная идея, духовно цементирующая народ; единство исторической памяти и исторической перспективы [2, с. 165].

Условием существования народа является преодоление одноликости общества, вычленение из однородной массы людей индивидов. К. Ясперс считал, что каждый народ, в отличие от массы, структурирован, должен осознавать себя в своих жизненных устоях, мышлении и традициях. Н.А. Бердяев подчеркивал, что народ это не механическая бесформенная масса, а некий организм, обладающий характером, дисциплиной сознания и воли, знающий, чего он хочет. В своей посредственности представители «массы» отвергают принцип самосовершенствования, не способны понять сложность окружающего мира, считают свои, порой примитивные, устремления естественными. Эти некоторые особенности человека массового общества отмечены Ортегой-и-Гассетом в книге «Восстание масс». Д. Белл в работе «Конец идеологии» сформулировал ряд значений понятия «масса»: а) недифференцированное множество; б) синоним невежественности; в) механизированное общество (то есть человек воспринимается как придаток техники); г) бюрократизированное общество, где личность теряет свою индивидуальность в пользу стадности; д) толпа, которая уничтожает Я, не рассуждает, а подчиняется страстям. Признаками массы являются также созерцательность, завороженность неким идолом, бездумное следование за лидером, чрезмерная восприимчивость к внушению и т. п. Человек становится членом толпы вследствие недостаточного проявления воли, уклонения от личной ответственности, отстраненности от информационных потоков либо некритического восприятия информации. Словосочетание «народные массы», на наш взгляд, оправданно лишь тогда, когда подчеркивается количественная сторона народа (народ – численно преобладающая часть населения). Отмеченные некоторые смыслы понятия «масса» не следует абсолютизировать. В современном обществе наряду с тенденцией «встраивания» людей в систему техногенной и социально-политической реальности проявляется и противоположная линия: индивидуализация деятельности, рост значения квалификации человека, личностных инициатив, политической культуры граждан.

В теории марксизма по поводу возрастания роли народных масс в истории указывается, что «вместе с основательностью исторического действия, будет… расти и объем массы, делом которой оно является» [3, с. 90]. В современной культурно-деятельностной концепции (Э. Дюркгейм, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас и др.) подчеркивается, что общество предстает сетью коммуникативно опосредованных коопераций, связывающих индивидов друг с другом на фоне культуры и обеспечивающих социальную трансформацию. Последняя определяется, в том числе, включением все большего числа индивидов в разряд активных субъектов социального действия.

Отметим: в современных условиях нарастающей интенсификации общественной жизни решающее значение имеет не столько количество людей, участвующих в действиях, а прежде всего их качество (еще Гераклит говорил: «Для меня один важнее 10000, если он наилуч-

ший»): образованность, воспитанность, компетентность, профессионализм, надежность, ответственность, политическая и нравственная зрелость человека, интеллектуальность, инициативность, творческие потенции у индивидов и т. д. Многие из названных характеристик были конкретизированы в монографиях автора: Калмыков, В.Н. Научно-технический прогресс и развитие новых качеств работника. – Минск, 1975; Калмыков, В.Н. Социалистический образ жизни: новые качества личности. – Минск, 1979.

Народ – величина переменная. Выпадают из состава народа эгоцентристы, так как их интерес чрезмерно направлен на удовлетворение лишь собственных амбиций, и люди, потерявшие свое «лицо», ставшие членами «массы», «толпы», мыслящие и действующие по принципу «я как все».

Каждый человек противоречиво воздействует на исторический процесс и культуру: одними своими «гранями», сторонами деятельности оказывает прогрессивное воздействие на общество, а другими – реакционное, на одних этапах жизнедеятельности ускоряет ход истории, а на других замедляет (применительно к руководящим деятелям это можно проследить на примерах И.В. Сталина, Н.С. Хрущева, Л.И. Брежнева и др.). С изменением общественных условий и качеств «рядового» гражданина его значение в диапазоне прогрессивной, нейтральной и негативной роли по отношению к обществу меняется. Так, на пространстве СНГ некоторые люди (рабочие, инженеры, служащие и т. п.), по тем или иным причинам (неудовлетворенные зарплатой, ставшие безработными и т. д.) занявшиеся куплей-продажей вещей и продуктов, перестали быть создателями материальных благ и духовных ценностей, утратили свои профессиональные знания и навыки и как бы выпали из состава народа. Вместе с тем у части таких людей развились предприимчивость, психологическая закалка, состязательность (конкурентность) как черты характера, рыночно-хозяйственное сознание и поведение, и эти граждане, занятые в сфере торговых услуг, вновь стали содействовать прогрессу общества. Итак, более сложной стала динамика ролей человека в функционировании социума, перемены мест представителей народа и ненарода.

Взаимоотношения личности и социальной среды в идеале вписываются в формулу поиск (личности) – предложения (социума) – выбор (личности из предложенного обществом). Автономия и ответственность личности проявляются как в процессе осмысления ею предложений («социальных заказов»), условий, требований, предъявляемых обществом (каждый человек эти запросы, требования понимает субъективно, избирательно, в соответствии со своими представлениями о должном, ценном, благе), так и в ходе осуществления личностью социальных ролей.

В мире сталкиваются сформулированные У. Джемсом и Э. Фроммом жизненные позиции «Иметь или быть?» Но чтобы «быть» (творить, реализовывать себя), надо «иметь» (потреблять, пользоваться благами, жить в свое удовольствие) и успешно реализовывать средства. Итак, корректной, на наш взгляд, является формулировка: «Быть и иметь». Современный российский писатель А.А. Проханов утверждает: «Человек должен творить, а не потреблять. Творящий человек спасает мир, а потребляющий его губит» [4, с. 26]. С данным категорическим суждением нельзя согласиться. Дело в том, что сверхпотребление, ставшее культом, действительно пагубно (подсчитано, что объем ресурсов, воспроизводимых нашей планетой за год, человечество потребляет за 9 месяцев), а разумное, в меру потребление благ и источников энергии необходимо, оправданно. Осуждение потребительства ведет к аскетизму и психологии бездействия. Расширение масштабов потребления, связанное с функционированием мотиваций общественно и лично полезного и эффективного труда, – явление прогрессивное. Встает задача преодоления экономического нигилизма и одновременно культа наживы.

Связка «быть» и «иметь» также не отражает всей богатой палитры жизни. Чтобы достигнуть единства «быть и иметь», необходимо «уметь», то есть проявлять свою дееспособность. Действующие люди (акторы) выступают как исполнители социальных функций, ролей в своеобразном «спектакле» на «сцене» истории. Сыграть успешно роль производительной, социальной, политической и духовной силы общества можно в современном информационном обществе, наполненном рисками и угрозами, если «знать», проявлять интеллект, полноту чувств, страсти, энергию. Итак, вырисовывается связка «быть–иметь–знать–уметь».

Г. Тард исходил из того, что индивидуальное творчество, формирующее образцы для подражания, есть основа общественного развития. Механизм подражания, по Тарду, является психологическим и социальным воплощением всеобщего закона повторения. По нашему мнению, одного повторения, подражания недостаточно. Социум характеризуется преемственностью и сохраняемостью в нем массива информации, функционирующей на основе механизма социальной памяти. Вместе с тем общество динамично. Мир в целом и человек, полагал М.К. Мамардашвили, не завершены. Достигнув определенного уровня на основе подражания (ребенка – родителям, ученика – учителю и т. д.), человек не может успокаиваться, а должен стремиться к дальнейшему усовершенствованию. Необходимо «приращение» опыта, квалификации, новых знаний, так как они в ускоряющемся и усложняющемся социальном поле быстро устаревают. Продвижение индивида на основе использования своих способностей по ступеням производственной, социальной, управленческо-административной, научной или иной иерархии ради блага общества и собственного есть делание карьеры (в позитивном смысле слова), вхождение в «элиту». Карьерный рост следует отличать от «карьеризма». Последнее есть стремление выслужиться любой ценой для получения привилегированного положения в обществе, когда личные амбиции превалируют над общественным долгом. А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» удачно выразил словами своего героя Чацкого отличие карьерного роста от карьеризма: «Служить бы рад, прислуживаться тошно».

Ю. Хабермас констатировал: законы и установления властных структур взаимодействуют с общественным мнением: спускаемые «вниз», к народу законы сталкиваются с направленными «вверх» требованиями «общественности» и так осуществляется мирное развитие демократии [5, с. 75]. Добавим: так реализуется функционирование гражданского общества.

Вовлечение граждан в состав активных участников преобразования социума происходит по этапам: 1) воспроизводство в деятельности (общении) традиций, исторической памяти, знаний и представлений, транслируемых от прошлых поколений; 2) опривычивание неких замыслов и схем деятельности, их типизация; 3) выход за границы стереотипов, овеществление в деятельности творческих устремлений отдельных креативных индивидов; 4) легитимизация модернизаторских настроений элиты, охват ими все более увеличивающегося количества людей. Итак, в связку «народ–рядовая личность» следует добавить еще и «элиту».

По мнению ряда философов, новации первоначально предлагают представители творческого меньшинства, преодолевая консерватизм большинства. Ф. Ницше выдвинул идею прогрессивной эволюции человечества на основе использования сильных сторон более одаренных индивидов. По мнению Л.Н. Гумилева, высокоцелеустремленные отдельные индивиды, пассионарии способны вести за собой других. П. Сорокин и А. Тойнби, рассуждая о движущих силах культуры, выделяли в качестве активного элемента «интеллектуальную элиту».

Элита в буквальном смысле означает лучшее, отборное, избранное. Проблематикой элиты занимались В. Парето, Г. Моско, Ортега-и-Гассет, Дж. Джумпетер и др.

Деление общество на элиту и массу Парето выводил из неравенства индивидуальных способностей людей, проявляющегося во всех сферах социальной жизни. Элита – «продуктивное» меньшинство, а остальные члены общества лишь приспосабливаются к полученным от элиты стимулам. Этот мыслитель стремился представить исторический процесс в виде циркуляции элит. Существует два основных типа элит – «львы» и «лисы» (использована терминология Н. Макиавелли). Для «львов» характерны «силовые» методы управления в условиях стабильности общества. «Лисы» – мастера обмана, политических комбинаций, интриг, они требуются в периоды неустойчивости общества. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен, в соответствии с требованиями ситуации, пропорциональный приток в элиту людей первой и второй категории.

Исходный пункт концепции Моско – деление общества на господствующее правящее меньшинство и управляемое политически зависимое некомпетентное большинство. Моско подметил аристократическую и демократическую тенденции в развитии элиты. Первая ведет к окостенелости и отсутствию мобильности правящего слоя. Вторая тенденция присуща, как правило, периодам динамических изменений. Тогда в элиту включаются наиболее подготовлен-

ные и способные представители социальных низов и элита становится более продуктивной и подвижной. Итак, не только народ и личность, но и элита – величина переменная. Конечно, в элиту следует включать не только правящий слой. Элита вбирает в себя еще наиболее одаренных, талантливых представителей предпринимательства, науки, философии, искусства, спорта, военных деятелей и т. д. На долю наиболее способных личностей – выдающихся – входящих в элиту, выпадает миссия новаторов, зачинателей и в значительной мере организаторов движения. Выдающиеся личности, как считал Г.В. Плеханов, как выразители потребностей и задач своей эпохи на форму движения истории в некоторой мере оказывают влияние. Эту оценку роли выдающихся личностей в определенной степени, видимо, можно перенести на элиту в целом.

Постановка вопроса о субъекте истории не носит характера противостояния – народ (общее), личность (единичное) или элита (особенное) творят историю. Параллельно с функционированием закона возрастания роли народа в истории действует закон увеличения значения отдельной личности (как рядовой, так и выдающейся) и элиты. Выдвинем гипотезу: помимо параллельности, вероятно, действует в ряде конкретных обстоятельств и тенденция рассогласованного проявления в то или иное время приоритетной роли народа, личности или элиты. Смысл данной тенденции можно выразить через модель сообщающихся сосудов: увеличение или уменьшение жидкости в одном сосуде происходит за счет уменьшения или увеличения жидкости в другом сосуде. Срабатывает постмодернистский принцип антииерархичности: ни один из подходов («и–и»; «или–или») не является полным, окончательным.

Итак, объективная заданность динамики социума соединена с функционированием социального субъекта, в структуру которого входят народ, личность и элита.

Литература

1. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1857–1859 гг. / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – М., 1961. – Т. 46, ч. 1. – С. 483–484.

2. Кирвель, Ч.С. Социальная философия / Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск, 2011. – С. 165.

3. Маркс, К., Энгельс, Ф. Святое семейство / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – М., 1961. – Т. 2. – С. 90.

4. Проханов, А. Человек должен творить, а не потреблять / А. Проханов // Беларуская думка. – 2013. – № 3. – С. 26.

5. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М., 1995. – С. 75.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.10.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 316.614.5–029:1

Современная семья в фокусе философско-антропологических исследований

Е.Л. Качур

Дан обзор наиболее распространенных современных форм семейной организации. Анализируются причины трансформаций современного института семьи, изменение ценностных ориентаций и потенциал семьи. Новый образ семьи представляется как продукт современной эпохи и рассматривается сквозь призму культурно-антропологических изменений общества.
Ключевые слова: семья, брак, новая норма, однополый брак.

An overview of the most common contemporary forms of family organization is given. The causes of transformation of the modern institution of the family in terms of philosophy are analyzed. An attempt is made to analyze the value potential of the family. The new image of the family is represented as a product of modern epoch, and at the same time is a result of cultural and anthropological changes of society.
Keywords: family, marriage, new norm, same-sex marriage.

Семья, как мощный государственный институт и социальная ячейка общества с древнейших времен была предметом пристального внимания исследователей различных отраслей знаний. Исследуя феномен семьи, можно выделить социологический, исторический, экономический, демографический, политический, юридический, этнографический, психологический, педагогический, этический, антропологический и философский аспекты. Отдельная отрасль, соответственно, рассматривает различные измерения экзистенции семьи сквозь призму своей специфической методологии и согласно своему предмету исследования. Когда речь идет об анализе семьи, то наиболее популярными и доступными являются результаты социологических и демографических исследований, однако они рассматривают семью как организм, как составляющую общества, которая реализует задачи воспроизводства человека. Философский анализ же имеет целью создание целостной, объемной, глубокой мировоззренческой системы представлений о семье, семейных отношениях, их историческом развитии. Его задача – рассмотреть векторы изменений структуры, причины и последствия таких изменений для общества. Аспект философско-антропологического осмысления зиждется на осмыслении феномена семьи как укорененности индивида в бытии. Она раскрывается через способность человека в процессе жизнедеятельности обращаться к бытию как к основанию, что актуализирует ее собственные уникальные возможности.

Обратимся к определению понятия «семья». Авторитетная англоязычная энциклопедия Британника дает следующее определение: «Семья – это группа лиц, объединенных узами брака, по крови или путём усыновления, образующих единое хозяйство и взаимодействующих друг с другом в своих социальных позициях; как правило это супруги, родители, дети, братья и сестры» [1].

Со времен античности брачно-родственные отношения рассматривались прежде всего в контексте анализа социума. В эпоху Средневековья ведущим направлением философского анализа сущности семьи становится религиозная трактовка. Обращение к проблематике семьи в Новое время представлено такими мыслителями, как Ф. Бэкон, Т. Гоббс, М. Монтень. Тема семьи также нашла свое отражение в трудах французских просветителей XVIII в. (Ж.-Ж. Руссо) и представителей немецкой классической философии (Г.В.Ф. Гегель, И. Кант, Л. Фейербах). Со второй половины XIX в. усиливается рационализация взглядов на семью, появляются концепции, отвергающие божественность и неизменность форм семьи. Особое место в истории изучения семьи принадлежит российским философам второй половины XIX – первой половины XX вв. Н. Бердяеву, Н. Лоскому, В. Розанову. В конце XIX – начале XX в. происходит становление основных школ и направлений, которые занимались исследованиями семьи. Среди украинских авторов комплекс проблем брачно-семейных отношений рас-

сматривали в контексте социально-философского дискурса Н. Андреева, В. Андрущенко, Е. Билоножко, М. Бойченко, А. Галович, О. Гомилко, М. Верникова, В. Ткачев, Н. Тулина, О. Черний, Т. Руденко и другие исследователи.

Судьба семьи и состояние современного института семьи – один из насущных вопросов современных исследователей: антропологов, политологов, психологов, социологов, философов. Актуализируется вопрос внимательного изучения семьи, поскольку семья и брак почувствовали на себе всю тяжесть преобразований в экономическом, политическом, социальном, религиозном и других измерениях. Новые векторы исследования направлены на изучение кризисных изменений, деструктивных процессов и трансформаций на фоне достижений современного общества. Существование постмодернистского общества разворачивается на базе нетрадиционных убеждений и ценностей. Мировоззрение современного молодого поколения базируется на ориентирах, которые отличаются от тех, что закладывались веками и были непоколебимы. Вследствие этого в социуме происходит размывание национальных, религиозных, идеологических, мировоззренческих барьеров. Изменение мировоззренческой парадигмы трансформирует современную культуру и идеологию, которые начинают носить нецентрированный ризоматический характер. Новоявленные стили, формы, образы, субкультуры на фоне разрушенных традиций меняют векторы деятельности.

Анализируя перспективы развития семьи в условиях современных социально-экономических и культурных трансформаций, известный социолог и футуролог Дж. Коатс обобщил такие характерные тенденции, как рост количества семей, где оба супруга работают; более позднее вступление в брак и рождение ребенка; усиление анонимности частной жизни; сексуальное поведение человека, которое все больше отдаляется от репродуктивной функции; дальнейший рост популярности различных форм вне семейного общения, определенных групп по интересам; стремление создать небольшую семью с ограниченным количеством детей или без них, или вообще выбрать жизнь без потомков [2, с. 456].

Современный исследователь семьи Б. Бим-Бад [3] выявил очень важную характерную черту. Он утверждает, что нуклеаризация семьи, её двухпоколенный характер выражает в себе главный механизм модернизации, в результате длительного многовекового процесса модернизации: «Человек модерна все больше становиться личностью, все более эгоистической и все менее склонной жить в парадигме служения любым социальным общностям, будь то нация, соседская община или даже семья» [3, с. 5].

Новые формы семьи и сосуществования партнеров имеют немало сторонников в развитых странах мира. Если речь идет о сознательном отказе от рождения и воспитания потомства, то мы имеем дело с феноменом «child free» (от англ. – свободный от детей). Child free – люди, которые живут половой жизнью, возможно находятся в браке, но сознательно не желают иметь детей и целенаправленно принимают соответствующие меры для предотвращения беременности. Исследователи отмечают, что представителям child free в большей степени присущ индивидуализм и эгоизм. Популярность идеологии свободных от детей набирает обороты в странах Европы, Америки и за ее пределами. Феномен свободных от детей возник в 90-х гг. XX в. в США. Движение child free отстаивает нежелание иметь детей из-за собственных идейных убеждений. Представители данного движения декларируют добровольную бездетность и сознательное нежелание иметь детей, квинтэссенцией которого является пропаганда отказа от детей во имя личной свободы и воплощения собственных жизненных планов. Показательно, что сторонники свободы от детей являются репродуктивно здоровыми, фертильными, то есть способны воспроизводить потомство, истинные сторонники движения не откладывают рождение детей на срок позже, а имеют устойчивую позицию свободы от них. Мужчина и женщина, которые выбирают совместное сожительство без потомков не чувствуют неполноценности своей семьи, не испытывают притеснений или унижений, кроме крайне пейоративных отзывов со стороны семей консервативных взглядов – от обычного человеческого непонимания до социального неодобрения и даже презрения. Для представителей традиционно сложившихся семей с детьми или желанием их иметь такой взгляд на жизнь кажется неприемлемым.

Мы не придерживаемся такой точки зрения. Каждая форма семейного благоустройства имеет право на существование, особенно если принять во внимание повышающийся спрос на бездетность в некоторых странах. В браке или вне брака партнерские отношения имеют право на существование, если оба партнера соглашаются на такое сожительство. Современный мир диктует соответствующие стандарты и свободу: в кругу семьи оба партнера вправе самостоятельно решать вопрос о расширении своей семьи или об отсутствии такового без оглядки на социальную оценку. По нашему мнению, такую вариативную возможность формирования семьи, свободы выбора партнерских отношений, форм брака или сожительства можно назвать новой нормой или новой нормальностью. В безудержном мире быстрых темпов и сдвигов традиций никого уже не удивит гражданский брак, с меньшим удивлением относятся к семье, которая отказывается от рождения детей в пользу эгоистических желаний или карьеры. Добровольная бездетность – явление, которое не представляет угрозы, но иногда возникают проблемы успешного налаживания отношений с людьми консервативных взглядов.

Первой, кто начал исследовать child free семьи с научной точки зрения стала канадская исследовательница Джин Е. Уиверс, которая посвятила этому свою монографию в 1980 г. «Бездетные по выбору» [4]. В частности, автор выводит две категории бездетных, разделяя их согласно мотивам: «..есть два совершенно разных вида добровольно бездетных лиц – реджекторы и афексьонадо» [4 с. 157]. Реджекторы, или отказники, – лица, которые отбрасывают саму категорию детей, испытывают отвращение к беременности, рождению ребенка и всех сопутствующих процессов после его рождения. У таких типов child free дети в принципе не вызывают положительных эмоций, которые являются биологически заложенной реакцией у большинства людей. К афексьонадо, или поклонникам, исследовательница относит лиц, которых привлекает свободный от детей образ жизни, позволяющий осуществлять свои желания, реализовать амбиции, вести творческий образ жизни, путешествовать. Схожая классификация дана в исследовании 2003 г., опубликованном в современном авторитетном американском издании «Gender and Society». По результатам исследования, выделили два типа мотивации, детерминирующие ориентацию на бездетность: для лиц из первой категории бездетность кажется привлекательной, а представители второй категории испытывают отторжение от детности [5].

Таким образом, исследования добровольно бездетных начались с Джин Е. Уиверс в 1980 г. и перешагнули в следующий век, что позволяет нам говорить о неисчерпаемом научном интересе и неизученности феномена. Но следует отметить, что существенных открытий после канадской исследовательницы сделано не было. Сторонники движения child free – люди разного мировоззрения и социальной принадлежности, разного уровня доходов, мотивы их также различаются. Некоторые из этих мотивов дополняют друг друга, некоторые из них не имеют точек соприкосновения, но объединяющим фактором является уверенность в комфортном существовании без детей.

Если к child free общественное мнение в реальной жизни и на виртуальном пространстве в целом проявляет терпимость, то следующая форма семейной организации вызывает едва ли не самое сильное осуждение. Еще одной формой семьи, которая постепенно охватывает большинство развитых стран мира являются однополые браки. Однополый брак – законно заключенный брак между партнерами одного пола. Такой брак основан на гомосексуальных отношениях. Следует заметить, что несмотря на общественное порицание, однополые отношения постепенно дают о себе знать все больше. Рассматривая список стран, которые уже внесли изменения в законы о брачных отношениях, их определения, права и обязанности, мы видим, что этот список растет. Авторитетные академические словари вносят коррективы в наиболее устоявшиеся понятия, избегая дифференциации по полу – «брак», «семья». Это свидетельствует об изменениях в коренных традициях, и одновременно с этим можно констатировать дальнейшую трансформацию в мировоззрении людей.

Однако научные исследования представляют немало материала как в поддержку легализации однополых браков, так и против такого решения. Противники и сторонники таких отношений разделяются на два лагеря: первые апеллируют к противоречию морали, религии

и вообще естественности человеческой натуры, другие выдвигают аргументы о свободе выбора самого человека в принятии любых решений. Правовой статус однополых браков – один из животрепещущих вопросов, который разделил общественное мнение во многих странах Европы. Отношение к гомосексуальным парам в мировом сообществе остается открытым и проблематичным и отличается в различных странах мира.

В разные времена однополые отношения и попытки таких пар тайно или открыто создавать семьи подвергались травле и обвинениям из-за ряда «пороков». Наиболее сильным нападкам представители сексуальных меньшинств подвергаются со стороны глубоко традиционной христианской веры. В кругу верующих людей актуальным становится вопрос о воплощении христианских нравственных ценностей в связи с правовыми нормами и процессами их секуляризации [6]. Но даже такой консервативный институт подвергся воздействию мировоззренческих изменений. Можно говорить о секуляризации общественного мнения в семейной сфере, особенно в протестантских и католических странах. Примером тому является церковь Швеции, которая впервые начала благословлять однополые семьи на брак.

Одним из первых исследований, направленных на защиту нормальности однополых отношений, отрицание патологий у таких людей, стало исследование К. Ульрихса, немецкого адвоката, писателя и зачинателя движения за права сексуальных меньшинств в XIX в. Он выступал в поддержку декриминализации однополых отношений. Вместе с другими учеными он взял за основу медико-биологический подход. Это стало первой попыткой серьезного ухода от предыдущих теорий восприятия и осознания гомосексуализма как порока. Результатами исследований стало опровержение однополых отношений как приобретенной девиации, а восприятие как таких, которые являются врожденными и заложенными психикой [7].

В XXI в. на концептуальное представление гомосексуальных пар влияют многочисленные научные исследования из разных уголков мира, гражданские движения в поддержку прав меньшинств и создание официальных объединений людей нетрадиционных взглядов на отношения, семью, брак.

В целом растущий общественный интерес постепенно расширил базу научных разработок по данной проблематике, превратив узкоспециализированные исследования однополых отношений в кросскультурные социологические исследования. Грандиозное исследование представителей гомосексуальной ориентации, которое охватило пять континентов, проводилось в 1986 г. американским социологом Ф. Уайтемом. Ключевые позиции создали новую картину видения однополых отношений, демонстрируя распространение такой формы отношений. В частности, социолог утверждает, что гомосексуальные отношения не имеют культурной принадлежности или этнического соответствия, поскольку встречаются во всех странах, более того, процент являются стабильным с течением времени; однополо ориентированные личности является достаточно устойчивой группой меньшинства – в разных культурах такие люди имеют схожие интересы, схожие черты и поведенческие идентичности [8].

Современный исследователь И. Кон был одним из первых российских защитников легализации однополых отношений, сексуальным просветителем и революционером. Уже в советские времена он начал выступать за однополые отношения, за что получил большое количество критики и угроз на протяжении всей своей научной деятельности. Феномен маскулинности в современном мире находится в кризисе, утверждал ученый. Этому глобальному проекту И. Кон посвятил книгу «Мужчины в меняющемся мире» [9], где он описывает канон маскулинности и выявляет его трансформацию на фоне смены полюсов традиционно мужского и женского. Следствием становится ослабление отцовства, процесс феминизации мужчины по причине маскулинизации женщины.

Исследовательская и просветительская деятельность защитников нетрадиционных семей способствовала кардинально новому представлению общества о них. Мировоззренческие позиции изменились в сторону постепенного принятия гомосексуальных отношений как части любого общества, содействию толерантному отношению к таким людям, опровержения патологичности таких отношений, декриминализации, необходимости признания и установления равнозначных прав с другими людьми. Вопрос о нормальности или противоестест-

венности однополой ориентации, по нашему мнению, является одним из самых дискуссионных в проблемном кругу сексуальных меньшинств.

Таким образом, события, которые имели место в западном обществе в семейно-брачных отношениях в XX–XXI вв. вызывают больше вопросов, чем ответов. Произошедшие изменения имеют короткий исторический промежуток, однако в качественном измерении они в корне изменили представления о браке и семье, которые существовали тысячелетиями. Таким образом, стремительные сдвиги в современном мире дают широкое поле для размышлений о том, каким станет семья в будущем, но уже сегодня понятно, что феномен семьи выходит на новый уровень. Адаптируясь, семья меняет свою форму, функции, способы коммуникации, радикальные изменения уже укоренились в ней. Само существование института семьи является непоколебимым, но трансформируясь из-за мировых изменений, современная семья, с одной стороны, раскрывает перед людьми больше возможностей, а с другой – требует выхода на новый аксиологический уровень осознания места и роли семьи в современном социуме.

Литература

1. Family: Encyclopedia Britannica [Электронный ресурс] – Режим доступа : http://www.britannica.com/EBchecked/topic/201237/family. – Дата доступа : 12.04.2015.

2. Коатс, Д. Будущее семьи / Д. Коатс // Впереди XXI в.: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. – М. : Academia, 2000. – С. 452–458.

3. Бим-Бад, Б.М., Гавров, С.Н. Модернизация института семьи: макросоциологический и антрополого-педагогический анализ: Монография / Б.М. Бим-Бад, С.Н. Гавров. – М. : Новый Хронограф, 2010. – 337 с.

4. Veevers, J.E. Childless by choice / J.E. Veevers. – Toronto : Butterworths, 1980. – 220 p.

5. Gillespie, R. Childfree and feminine: Understanding the gender identity of voluntarily childless women / R. Gillespie // Gender and Society. – 2003. – № 17 (1). – P. 122–136.

6. Роджер, Г. Крук. Основы христианской этики / Роджер, Г. Крук. – М. : Триада, 2004. – 320 с.

7. Kennedy, H. Karl Heinrich Ulrichs: First Theorist of Homosexuality / H. Kennedy // Science and Homosexualities ; Ed. V. Rosario. – New York, 1997. – P. 26–45.

8. Whitam, F.L., Mathy, R.M. Male homosexuality in four societies: Brazil, Guatemala, the Philippines, and the United States / F.L. Whitam, R.M. Mathy. – New York : Praeger, 1986. – P. 208.

9. Кон, И.С. Мужчина в меняющемся мире / И.С. Кон. – М. : Время, 2009. – 496 с.

Национальный педагогический
университет им. М.П. Драгоманова

Поступила в редакцию 09.06.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 291.211.23

Развитие учения о посмертном воздаянии в японском буддизме

В.В. Кузев

Рассматриваются некоторые вопросы формирования и развития верований относительно посмертного существования (ретрибутивный аспект) в японском буддизме. Основной объект исследования – популярные или народные формы указанной религиозной традиции. Автор уделяет достаточное внимание проблематике взаимодействия буддизма с древними синтоистскими верованиями. Исследуются религиозные, этические, культурно-исторические стороны названого феномена.
Ключевые слова: ад, рай, посмертное воздаяние, буддизм.

Some of the issues of formation and development of beliefs about afterlife (retributive aspect) in Japanese Buddhism are considered. The main object of the study is the so-called popular or folk forms of this religious tradition. The author pays sufficient attention to the problems of interaction of Buddhism with ancient Shinto beliefs. The religious, ethical, cultural and historical sides of the above-mentioned phenomenon are analyzed.
Keywords: hell, heaven, posthumous retribution, Buddhism.

Согласно наиболее древнему письменному документу «Нихон секи» («Анналы Японии», завершены в 720 г.), буддизм появляется на территории Японии в 552 г. – в тринадцатый год правления императора Киммея[1]. Буддизм, заимствованный в основном из Китая, распространялся в Японии в форме махаяны. В ходе своей инкорпорации в культурно-религиозное пространство древней Японии, это учение оказало кардинальное влияние на становление, среди прочего, основ этической и правовой системы.

По мере того как государство Ямато лишалось черт родоплеменного союза, предпосылки для распространения буддийской религии становились более благоприятными. Процесс интеграции буддизма в японское общество приобретает особую интенсивность в начале IX в. и объясняется разными – политическими, идеологическими и личностными – факторами, подробное описание, а тем более анализ которых выходит за установленные границы нашего небольшого исследования.

Стало уже communis opinio указывать на важность рассмотрения взаимодействия буддизма с теми мифологическими верованиями Японии, которые позднее оформились в национальную и государственную религию синто в период между VII–VIII вв. Мы также считаем небесполезным последовать этой традиции, тем более, что отдельные синтоистские представления и образы, непосредственно касающиеся тематики нашей работы, перешли также и в японский буддизм. Традиционные синтоистские верования относительно посмертного существования характеризуются разрозненностью и не подлежат четкой систематизации. Кроме того, как отмечает Д. Главева, синтоизм «преимущественно освещал коллективные ценности. Единицами синтоистского социума были род и община. Человек же еще не воспринимался как его составляющая. ... Для синтоизма человек как таковой не был слишком важен, и общение с богами, как и общий модус поведения, носило не индивидуальный, а коллективный характер» [1, с. 42]. Понятно, что такие воззрения мало способствовали функционированию верований относительно судьбы *отдельной* личности post mortem. Ранняя японская религия, можно сказать, еще не содержит ни сложившуюся идею души, ни концепцию бессмертия души, отсутствует также ясное различение тела и духа, жизни и смерти. Морально-этическое учение синтоизма сосредотачивается в основном на вопросах ритуальной чистоты и нечистоты, проблемы добра и зла в смысле абсолютных моральных категорий не поднимаются, отсутствует также понятие «греха» (недолжного нравственного поступка). В древней японской религии осуждаются лишь те действия и ситуации, отмечает Дж. Сэнсом, которые являются наглядными или вызывают немедленное отвращение [2, сс. 54, 58–59]. К наиболее нечистым явлениям причисляются сексуальные отношения, рождение, менструа-

[1] Однако первые археологические свидетельства о появлении буддизма на Японских островах датируются V в. [1, с. 41].

ции, раны, болезни и смерть, после контактов с которыми следует проводить ритуальные очищения путем молитв, омовений и других предписанных обрядов. Главным источником нечистоты – *кегаре*[2] – считалась смерть и связанные с ней вещи, в частности трупы. Поэтому до XI в. включительно не только синтоистские, но и буддийские священнослужители отказывались от участия в погребальных церемониях [3, с. 156]. Духи почивших, согласно ранним представлениям, уходили в водную бездну или поднимались в горы. Обе эти локализации умерших довольно распространены и имеют много аналогов в других культурах. Считалось, что духи мертвых постепенно теряют свою индивидуальность и через тридцать пять лет после смерти соединяются с духом предка, который символизирует души всех умерших представителей рода. Этот дух предка внимательно наблюдает за живущими и возвращается к ним два раза в год: на Новый год и в летний праздник Обон [4].

Учение о моральном воздаянии после смерти появляется только с приходом буддизма. Традиционная синтоистская вера в загробную жизнь предусматривает примерно одинаковую судьбу для всех умерших при условии правильно выполненных посмертных обрядов. Если же названные обряды не выполнены или же если человек умирал насильственной смертью в результате убийства и не успевал завершить важное дело, начатое в этой жизни, он подвергался риску превратиться в *юрэй*, привидение, которое остается в мире живых, чтобы осуществить месть или позаботиться о незаконченных деле. Так или иначе, считалось, что все умершие безотносительно к их нравственным качествам являются чьими-то предками и поэтому заслуживают уважения и поклонения со стороны своих потомков [5].

Наряду с вышеприведенными верованиями существовали также крайне нечетко очерченные представления о подземном мире (Йоми), в котором пребывали умершие. Довольно специфическим (хотя и не исключительным) является факт неприятия этого нижнего уровня универсума, который пытались по возможности исключать из космографической схемы. – «Души предков не спускаются в некое подобие Аида или Преисподней, а отправляются поближе к богам, в горы. Стране же Мрака остаются сами трупы, от которых пытаются поскорее избавиться как от источника скверны» [3, с. 195]. Следовательно, не является удивительным, что мифы, связанные со страной Йоми крайне немногочисленны, смысл их неясен, а задача вывести из них более или менее систематизированные верования вряд ли имеет шансы на успех. Наиболее известным из вышеупомянутых мифов является история о катабасисе Идзанаги. По легенде, бог творения Идзанаги спускается после смерти своей жены и сестры Идзанами в Страну Желтых Вод, то есть в мир мертвых, с целью вызволить ее оттуда. Однако, как и в греческом мифе о Персефоне, Идзанами уже попробовала «пищи из очага Страны Йоми» и не могла вернуться на землю. В тексте упоминаются также «боги Страны Желтых Вод», однако их имена и функции не называются. По возвращении Идзанаги вынужден был совершить омовение, так как осквернился от контакта со страной мертвых. В целом Йоми изображается как темное и мрачное место, находящееся «внизу», где мертвые продолжают некое призрачное существование среди гнили и других нечистых вещей. Нет никаких свидетельств об отождествлении его с местом наказания за ненадлежащие поступки [6].

Буддизм привносит в японское общество новую этическую систему, согласно которой каждого ожидает должное возмездие после смерти, соответствующее его земной жизни. В связи с широким распространением таких идей, большую популярность приобретает тема путешествия в страну мертвых, где царствует властелин Эмма (Яма), который оценивает степень греховности людей и определяет их дальнейшую судьбу. Следует подчеркнуть, что, несмотря на развитые представления относительно как инфернальных местообитаний, так и высших (райских) миров, которые могут стать местом нового рождения живого существа в соответствии с действием кармического возмездия, «классический» буддизм концентрируется именно на вопросе окончательного освобождения, а не на улучшении существования в рамках существующего психокосма, который даже на своих высших уровнях (например, мир

[2] *Kegare* (穢れ) понятие, относящееся к сфере контаминации, загрязнения или осквернения в различных его значениях. Представление об ассоциативной близости *kegare* и смерти имеют значительное распространение также в современной японской культуре.

не-форм) считается частью сансары и неотделим от тех или иных видов страдания (*дуккха*). Такая установка была столь же мало понятной, как и привлекательной для широких народных слоев японского общества, соответственно, большее распространение получает иная разновидность буддийской доктрины с несколько смещенными акцентами, в том числе в вопросах особенностей посмертной судьбы человека [7].

Следует отметить также, что на ранних этапах в японском буддизме закрепляется идея награды или наказания в земной, а не загробной жизни. Обряды и практики этой религии рассматривались как способ получения тех или иных благ прежде всего в этой жизни (концепция *гендзе-рияку* – «выгода в настоящем существовании»). Буддийские божества регулировали бытие человека на двух уровнях: внешнем (экологические условия существования) и внутреннем (состояние здоровья) [8, с. 39]. Сосредоточение на вопросах посмертного возмездия приходит позже, в период Камакура (1185–1133) и Муромати (1392–1568) вместе с общим распространением буддизма Чистой Земли (школы Юдзу нэмбуцу-сю, Дзедо-сю, Дзедо-Синсю и Дзи-сю). Буддизм привносит концепцию реинкарнации и различных форм существования, в которых умершие могут повторно рождаться[3].

Многие представители амидаизма, например, основатель школы Дзедо – Хонэн, считали необходимым упростить догматику буддизма, сделать ее более доступной для большинства представителей общества. Как следствие, происходит так называемая популяризация буддизма, основы учения становятся понятными простым, неграмотным людям, и религия из элитарной превращается в народную. Общим для амидаистских школ является акцент на спасение в небесной Стране Счастья (*Сукхавати*), в которой возродятся после смерти ревностные адепты этой религии и надежда на силы Другого (*тарики*[4]) – будды Амиды. С распространением учения о Чистой Земле (*Дзедо*) развиваются понятия рая и ада. Отдельные предпосылки таких представлений существовали в Японии и до появления буддизма, однако амидаизм сообщил этой идее аргументацию и последовательность. Японский буддизм учит, что в течение сорока девяти дней после смерти человека он во время этого промежуточного состояния совершает путешествие. Умершие преодолевают горы (вероятно, отголосок ранних синтоистских представлений) и реку в загробном мире, а затем являются на суд. Амидаизм был не единственным буддийским направлением, в рамках которого получили развитие указанные верования на территории Японии, как мы покажем ниже, однако, на наш взгляд, он сыграл наиболее значимую роль в этих процессах [9].

Ключевым концептом в представлениях относительно посмертного пути человека становится загробный суд. Для раннего буддизма как для нетеоцентрической религии институт такого суда лишен актуальности, ведь характер следующего рождения вполне определяется суммарным вектором прошлых поступков: умершим «не придется прийти на суд в столицу божественного Ямы, да суда никакого нет. ... Только прижизненная деятельность – благая или неблагая – является единственным фактором, ответственным за новое рождение» [10, с. 144]. При всем том представление о Яме, царе и судье загробного царства, оказалось достаточно устойчивым и заняло видное место в буддийских инфернологических верованиях, особенно в традиции махаяны. В частности, оно получило распространение в китайском буддизме, который был основным источником распространения буддизма на территории Японии.

Также чуждым классическому буддизму было понятие души в смысле нематериального самостоятельного субстрата личности (*анатма*). Однако это теоретическое положение подвергается реинтерпретации в популярном китайском и японском буддизме и представление о духе умершего приближается к тому пониманию его природы, которое существовало в традиционных добуддийских верованиях. Так, на нимбе изображения Будды (VII в.) указано: «Мы молимся, чтобы наши отец и мать могли так воспользоваться этим благом ... чтобы жить в счастье и чтобы в будущем состоянии они могли миновать три состояния зла и не могли подвергнуться восьми бедствиям, но смогли бы вновь возродиться в раю, взирая на Будду и слушая Закон» [2, с. 120].

---

[3] Сказанное следует понимать, **прежде всего**, как попытку представить восприятие буддизма в народном сознании.

[4] *Тарики* – «легкий путь», двигаясь по которому, человек опирается на усилия другого, в отличие от «тяжелого пути», когда он полагаются только на собственные умения (*дзирики*).

Итак, согласно общим верованиям, после смерти человек должен предстать перед судом Эмма-о, властелином и судьей царства мертвых. Прежде чем добраться до Дзигоку – инфернальной области, где царствует Эмма, умерший должен преодолеть реку Сандзу (*Shozukawa*) – Реку Трех Дорог – отделяющую мир живых от царства мертвых и которую могут пересечь только духи покойных. После этого он попадает к женскому демону по имени Дацуеба[5] (*Datsueba*, также *Datsue-ba*), которая снимает с него всю одежду[6]. Вероятно, через этот символический акт умершему дается понять, что он навсегда покинул привычный мир живых. Дацуебу сопровождает другое существо – демон Кенео (*Ken'eo*), он развешивает снятую одежду на дереве, ветви которого сгибаются соответственно тяжести грехов умершего. Иногда отдельные аспекты наказания осуществляются уже на этом этапе. Так, существует представление, что Дацуеба ломает пальцы грешника как наказание за воровство и вместе с Кенео привязывает ему голову к ногам. Если грешник не имеет одежды, с него сдирают кожу. Впервые Дацуеба появляется в японской текстуальной традиции в *Bussetsu Jizō Bosatsu Hosshin Innen Juō Kyō*, сутре эпохи Хэйан (794–1185), посвященной деятельности бодхисаттвы Дзидзо (Кшитигарбхы). Другой ранний текст, в котором есть упоминания об этом персонаже – *Hokke genki* (1043).

После этого умерший приходит собственно на суд Эмма-о либо же суд Десяти Царей (*Jū-ō*), где ему определяется форма, в которой он воплотится в следующей жизни. Согласно общебуддийским представлениям, новое рождение может произойти в одном из шести миров – ад, мир голодных духов, мир животных, людей, асуров, богов. Традиционные изображения Эммы являют нам довольно устрашающие образы, соответствующие его функциям инфернального владыки. Обычно он представлялся в виде бородатого мужчины в короне или китайской шапочке судьи, с красным лицом и глазами навыкате. В японских легендах Эмма-о может помиловать человека и отправить его обратно на землю. Часто Эмма отождествляется с бодхисатвой Дзидзо, который почитается в Японии как защитник умерших. Во многих мифах Эмма-о не является единственным судьей мертвых, он только один из Десяти Царей. Вместе с тем, Эмма считается наиболее важным из этих десяти судей, и в соответствующих иконографических сюжетах он часто располагается в центре. Концепция Десяти Царей (Судей) очевидно внешнего происхождения – она базируется на даосских представлениях и распространяется в Японии в эпоху Хэйан [11]. Упомянутые Десять Царей рассматривались во многих буддийских школах как манифестация Десяти Будд (*Jūbutsu*). Позже к ним были добавлены еще три божества, в XIV в. они образуют группу Тринадцати Буддийских божеств (*Jūsanbutsu*). Эти персонажи играют большую роль в посмертных религиозных обрядах – к ним обращаются во время тринадцати мемориальных церемоний, проводимых в течение длительного времени. Жертвы и подношения от родственников особенно важны на 35-й день после смерти, поскольку в этот период Эмма (пятый судья в этой системе) определяет умершему новое рождение в одном из шести миров буддийского универсума [12].

Инфернальная космография японского буддизма не отличается оригинальностью, она опирается на классические описания раннего буддизма. Один из выдающихся японских последователей амидаизма Гэнсин (942–1017) описал в своем труде «Ojo Yoshu» («Сущности перерождения в Чистой Земле») систему из восьми главных инфернальных уровней, каждый из которых имеет четыре входа и 16 дополнительных адов. Отдельные наказания осуществляются антропоморфными демонами *они*. После появления «Ojo Yoshu» в живописи выделяется особый жанр, который концентрируется на изображении картин Чистой Земли и уровней ада.

Напоследок укажем на существование довольно специфического представления, связанного с посмертным наказанием женщин, известного как Ад Озера крови (*Chi no Ike Jigoku*). Речь идет о концепции, могущей быть названной «грех женской физиологии», согласно которой менструальная кровь, а также кровь при рождении детей, распространяет ритуальную нечистоту, и потому требует должного наказания. Названное верование закреплено в сутре, известной как «Истинная сутра Будды об озере крови» (*Bussetsu Daizou Shoukyou*

---

[5] В толковании этого образа существуют определенные разногласия. В частности, М. Ашкенази (Ashkenazi) пишет, что Datsueba – мужского рода, а Shozuka-no-baba, который его сопровождает – женского. В других исследованиях Datsueba отождествляется с Shozuka-no-baba. См.: [13, p. 135], [14].

[6] Мотив, распространенный в мифах о путешествии в мир мертвых, напр., ср. аккадский миф «Нисхождение Иштар [в нижний мир]», VI.

Ketsubon Kyou). Японский текст базируется на аналогичной китайской сутре, что была составлена в конце XII в., и в свою очередь восходит к ранним легендам об ученике Будды Маудгальяяне (кит. Мулянь). В соответствии с этим преданием, Маудгальяяна спустился в ад, движимый чувством сострадания к своей матери. Данный вариант легенды, однако, отличается от ее предыдущей версии, где Маудгальяяна спасает свою мать из мира претов – голодных духов. Здесь же подвижник находит ее погруженную в огромный резервуар менструальной крови вместе с множеством других женщин. Основное наказание заключается в том, что демон, который главенствует над этим адом, приходит три раза в день и заставляет их пить эту кровь. Они страдают здесь, объясняется в сутре, потому что кровь из их тел «оскверняет божество земли и, кроме того, они стирают свои испачканные одежды в реке, из которой берут воду благородные мужчины и женщины, и каковая используется для приготовления чая для служения святым» [15, p. 230]. Точные даты инкорпорации этого верования в японский буддизм неизвестны. Отдельные исследователи предполагают, что японцы были знакомы с ним уже в сер. XIII в., однако, большинство относят его распространение к середине периода Муромати (1336–1573). Точно установлено, что идея наличия специального Ада Озера Крови для женщин была хорошо известна в XVI в [16, p. 176–180].

Хотя доктрина, изложенная в сутре, как и сам текст, внешнего происхождения, очевидно, что названные верования гармонично вписались в этико-нравственную систему японского общества, чему поспособствовало наличие древнего комплекса представлений о ритуальной скверне (*кегаре*). Сутра *Bussetsu Daizou Shoukyou Ketsubon Kyou* существовала в Японии в нескольких редакциях – в частности современный исследователь Такеми Момоко (Takemi Momoko) в своей работе «“Menstruation Sutra” Belief in Japan» насчитывает их не менее 16. Рецитация текста сутры или даже само наличие ее считалось достаточно действенным средством избежать упомянутого наказания или уменьшить его продолжительность. Религиозные церемонии, устраивающиеся с этой целью, получили должное распространение в практиках многих японских буддийских школ, в частности школы Сото Дзэн.

Все вышеописанное позволяет автору сделать следующие обобщения. С проникновением буддизма на территорию Японии архаичная система верований подверглась значительным трансформациям: получают распространение идеи существования загробных миров и возмездия post mortem. В популярном срезе буддийской религии указанные идеи развиваются главным образом посредством общего учения о загробном суде.

Значительное влияние на эти верования оказали, прежде всего, отдельные махаянские сутры, хотя знакомство широких слоев населения с ними происходило преимущественно опосредованно – через проповеди и сакральное искусство.

В буддизме эсхатологическая модель тяготеет к признанию общего спасения или, по крайней мере, не отрицает потенциальной возможности освобождения для каждого, пребывание же в аду прекращается после того, как стихает импульс, заданный отрицательной кармой.

Литература

1. Главева, Д.Г. Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия / Д.Г. Главева. – М. : Вост. лит., 2003. – 264 с.

2. Сэнсом, Дж.Б. Япония: краткая история культуры / Дж.Б. Сэнсом ; пер. с англ. Е.В. Кириллов. – СПб. : Евразия, 1999. – 572 с.

3. Накорчевский, А.А. Синто / А.А. Накорчевский. – СПб. : Азбука-классика : Петерб. востоковедение, 2003. – 443 с.

4. Японские квайданы. Рассказы о призраках и сверхъестественных явлениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.rus.ec/b/18248/read. – Дата доступа : 23.05.2013.

5. Кодзики: записи о деяниях древности. Свиток 1 ; предисл. Е.М. Пинус ; сост. Р.В. Грищенков ; ред. Р.В. Грищенков ; пер. Е.М. Пинус, Н.И. Фельдман. – СПб. : Кристалл, 2000. – 607 с.

6. Рифтин, Б.Л. Ди-цзан-ван [Электронный ресурс] / Б.Л. Рифтин. – Режим доступа : http://www.synologia.ru/a/Ди-цзан-ван. – Дата доступа : 23.05.2013.

7. Торчинов, Е.А. Введение в буддологию: Курс лекций / Е.А. Торчинов. – СПб. : Санкт-петербургское философское общество, 2000. – 303 с.

8. Игнатович, А.Н. Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии / А.Н. Игнатович, Г.Е. Светлов. – М. : Мысль, 1989. – 283 с.

9. «Datsueba» by Kawamura Kunimitsu. A publication of the institute for medieval japanese studies [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.columbia.edu/html/sai-no-kawara.html#10kings. – Date of access : 23.05.2013.

10. Ермакова, Т.В. Классический буддизм / Т.В. Ермакова, Е.П. Островская. – СПб. : Изд-во «Азбука-классика»: Петербургское Востоковедение, 2004. – 256 с.

11. Ten kings / Ten judges of hell and Jizo Bosatsu [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.onmarkproductions.com/html/sai-no-kawara.html#10kings. – Date of access : 23.05.2013.

12. Kawamura, K. Datsueba [Electronic resource] / K. Kawamura – Mode of access : http://www.columbia.edu/cu/ealac/imjs/reports/1994-04/. – Date of access : 23.05.2013.

13. Ashkenazi, M. Handbook of Japanese Mythology / M. Ashkenazi. – Santa Barbara : ABC-CLIO, 2003. – 375 p.

14. Datsueba – Old Hag of Hell Plus Blood Pool Hell for Women [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.onmarkproductions.com/html/sai-no-kawara.html#datsuebaealac/imjs/reports/1994-04/. – Date of access : 23.05.13.

15. Momoko Takemi. «Menstruation Sutra» Belief in Japan / Momoko Takemi // Japanese Journal of Religious Studies. – 1983. – Vol. 10, № 2/3. – P. 229–246.

16. Glassman, H. At the Crossroads of Birth and Death: The Blood-Pool Hell and Postmortem Fetal Extraction / H. Glassman // Death and the afterlife in Japanese Buddhism. – Honolulu : University of Hawai`i Press. – P. 175–207.

Приазовский технический университет

Поступила в редакцию 22.06.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

УДК 124.5 + 130.2 + 141.319.8

Философия риска в феноменальных рецепциях мудрости

П.Н. Лисовский

Отмечается важность философии риска в системе неопределенности как неоднородности по форме проявления и по содержанию. Особый вид неопределенности имеет место при наличии конфликтных ситуаций в силу стратегии и тактики персональных субъектов социальной деятельности. Рассматривается классическая модель мудрого поведения человека в многомерном времени и пространстве. При том используется системный подход иррациональности и рациональности. Акцентируется, что рисковые процессы имеют многоаспектный характер, что расширяет лексико-семантическое поле в мудром сознании человека. При этом дух предпринимательского риска является субстациональным критерием в системе выбора оптимальных решений как сущностной характеристики феноменальных рецепций мудрости.
Ключевые слова: мудрость, феноменология, сознание, риск, рецепция.

The importance of the philosophy of risk in the system as the heterogeneity of the uncertainty in the form of manifestation and content is studied. A special kind of uncertainty occurs in the presence of conflicts due to the strategy and tactics of personal social actors. The classical model of the wise person's behavior in a multidimensional space and time is considered while using a systematic approach of irrationality and rationality. It is emphasized that risk processes are multidimensional, which expands the lexical-semantic field in the wise man's consciousness. In this spirit of entrepreneurial risk it is the substantial criterion in the selection of optimal solutions as an essential characteristic of phenomenal receptions wisdom.
Keywords: wisdom, phenomenology of consciousness, risks reception.

В современном обществе философия риска для человека имеет актуальное теоретическое и прикладное значение в координированной системе информологии. В течение длительного времени на преимущественно экстенсивное развитие народного хозяйства, значительная степень централизации управления, господство административных методов управления до сих пор не ставили на повестку дня учет системы неопределенности в условиях риска. Кроме того, «экономика дефицита» у субъекта предпринимательской деятельности вызывает нежелание идти на риск, менять сложившуюся технологию производства и купли-продажи продукции. Отсюда вытекают корни отсутствия устойчивого интереса к проблеме риска [1].

Существование рисковых процессов перманентно связано с неопределенностью как неоднородности по форме проявления и по содержанию. Фрэнк Найнт в опубликованной в 1921 г. докторской диссертации «Risk, Uncertainty and Profit» («Риск, неопределенность и прибыль») строит анализ принятия решений на различении риска и неопределенности: «Неопределенность следует рассматривать в смысле, радикально отличном от знакомого понятия риска, от которого ее прежде никогда должным образом не отличали… Станет ясно, что измеримая неопределенность или собственно «риск»… настолько далека от неизмеримой неопределенности, что, в сущности, вообще не является неопределенностью» [2, с. 112].

Риск является одним из способов снятия неопределенности, которая представляет собой незнание достоверной истины в конкретном ситуативном факте. На наш взгляд, акцентировать внимание на этом свойстве риска является важной задачей, поскольку необходимо интуитивно оптимизировать на практике объективные и субъективные источники неопределенности.

В этом отношении философия экономических наук представляет классическую и неклассическую теорию духа предпринимательского риска, что раскрывает наличие риска в сознании человека на стадии рождения собственной мысли, воплощенной в жизненных реалиях. Ведь предприниматель – это персональный субъект, который действует в условиях риска. Как подчеркивал Адам Смит «предприниматель как собственник идет на экономический риск ради реализации какой-то коммерческой идеи и получения прибыли» [3, с. 358].

При этом классическая теория предпринимательского риска, у истоков которой стояли Дж .Милль и И.У. Сениор, отождествляет риск с математическим ожиданием потерь из-за

выбора оптимального решения. Иными словами, риск представляет собой ущерб вследствие осуществления данного решения, что вызывает подход толкования сущности риска [4].

В 30-е гг. XX в. исследователи А. Маршалл и А. Пигу разработали основы неклассической теории предпринимательского риска, идея которой заключается в том, что субъект предпринимательской деятельности, отдавая предпочтения одному из альтернативных решений, должен руководствоваться двумя критериями: величиной ожидаемой прибыли и размерами ее возможных колебаний вокруг аппроксимирующего (средне ожидаемого) значения.

Однако, такой подход не учитывает одномерного фактора субъективного отношения к риску, на что акцентирует внимание в своей монографии М. Кейнс: « …целесообразным учитывать в экономических процессах три основных вида рисков: риск предпринимателя или заемщика, риск кредитора и риск, связанный с возможным уменьшением ценности денежной единицы» [5, с. 272].

Философия риска в информологии имеет многоаспектный характер, как множество несовпадающих, а иногда противоположных реальных слоев, что определенным образом расширяет лексико-семантическое поле в мудром сознании человека.

В этом контексте необходимо рассмотреть семантику трактования существующих подходов к пониманию термина «риск», что определенным образом выражает архетипно-ментальный дух соответствующей народности.

Происхождение термина «риск» восходит к греческим словам ridsikon, ridsa – утес, скала.

В итальянском языке risiko – опасность, угроза; risicare – лавировать между скал. Во французском risdoe – угроза, рисковать (объезжать утес, скалу).

В словаре Вебстера «риск» как «опасность, возможность убытка или ущерба».

В словаре русского языка С.И. Ожегова «риск» подчеркивается как «опасность, возможность опасности» или как «действие на удачу в надежде на счастливый исход», что не охватывает всего содержания риска.

На наш взгляд, философию риска в словаре украинского языка необходимо рассматривать как гармоничность деятельности сенсорно-моторных активов очевидных и латентных структур сознания человека, что имеет субстанционную возможность целесообразно накапливать, обрабатывать и реализовывать соответствующую информацию в координирующей системе истинно жизненных знаний и опыта.

Для более полной характеристики определения «риск» целесообразно выявить понятие «процесс риска», поскольку оно диалектически перманентно сопряжено с термином «ситуация риска». Понятие «процесс» можно определить как сочетание, совокупность различных ситуативных обстоятельств и условий, создающих определенную обстановку для того или иного вида деятельности субъекта. При этом обстановка может способствовать или препятствовать осуществлению данного действия.

Таким образом, риск – это деятельность субъекта, связанная с преодолением системы неопределенности в информологии неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность иррационально и рационально оценить вероятность прогнозируемого результата.

При этом дух предпринимательского риска является субстациональным критерием в системе выбора оптимальных решений, что существенно характерно для феноменальных рецепций мудрости.

Кроме того отмечается, что в основе общественного устройства является закон, который регулирует общественные рисковые отношения. Для современного секулярного общества характерно разделение законов, что обеспечивают религиозные риски, регламентирующие отношения человека с богом и социальные (светские), сущность которых в установлении общественных правоотношений.

Последние украинские события в отдельных районах Донецкой и Луганской областей подталкивают все большее количество людей осмыслить происходящие процессы и попытаться найти ответы на многие вопросы, касающиеся риска, в фундаментальных основаниях конфликта. При этом не трудно заметить, что рисковые тенденции в эволюции модерного общества не могут считаться экстраординарными отклонениями от магистрального вектора цивилизационного прогресса. Первая из них – «экономическая», детерминирована естественными желаниями человека воспользоваться своими конкурентными преимуществами в социальном соревновании, а также обеспечить себе стабильное будущее. Вторая – «глобали-

зационная», что определенным образом эксплуатирует нормальную логику рассуждения субъекта, стремящегося к максимальной прибыльности своих проектов. Третья, которую можно назвать «социальной», формируется на пересечении глобализационного расширения мирового рынка, совершенствования средств коммуникации и либерализации экономики, что следует из логики развертывания Модерна [6].

В своей работе «Капитал в XXI веке» французский исследователь Томас Пикетти показал, что исторический период феномена риска, охватывающий «приблизительно 60–70 лет от начала Первой мировой войны и вплоть до конца 70-х гг. XX в., в течение которого сложилась современная структура мировой экономики, не укладывается в позитивистскую картину бесконечного прогресса человеческого общества» [7, с. 447].

Поэтому, именно в столкновении глобальных проектов Томас Пикетти рассматривает основной источник мировых рисков ближайшего будущего, исходя из недовольства большинства населения развитых стран мира как главной угрозы демократическим институтам западного общества.

Ведь философия риска в феноменальных рецепциях мудрости представляет собой явление, которое может произойти или не произойти. В случае совершения определенного события возможны три предпринимательских результата: отрицательный (убыток, ущерб, проигрыш), нулевой и положительный (прибыль, выгода, выигрыш).

При этом рискованная ситуация связана со статистическими процессами и ей сопутствуют следующие условия: наличие специфики неопределенности, необходимость выбора альтернативы в оценке вероятности осуществления того или иного варианта. Поэтому система неопределенности имеет место при любых видах предпринимательской деятельности.

Отмечается, что по времени возникновения неопределенности риски распределяются на ретроспективные, текущие и перспективные. Необходимость учета фактора времени при оценке эффективности принимаемых решений обусловлена тем, что как «эффект, так и затраты могут быть распределены во времени. Равные по величине затраты, по-разному распределены во времени, что обеспечивают неодинаковый полезный результат того или иного вида (социальный, экономический и др.» [8, с. 174].

По факторам возникновения неопределенности как система подразделяются на экономические, социальные, правовые, политические, религиозные и другие. Они диалектически взаимосвязаны между собой и на практике их достаточно трудно разделить.

Природная неопределенность описывается совокупностью факторов, среди которых могут быть: климатические, погодные условия, различного рода помехи (атмосферные, электромагнитные и др.).

Особый вид неопределенности имеет место при наличии конфликтных ситуаций, в качестве которых могут быть стратегия и тактика субъектов социальной деятельности, в которых рассматриваются проблемы несовпадающих интересов и многоходового выбора оптимальных решений.

На взгляд автора, мудрый человек способен именно в критических ситуациях иррационально и рационально применять законы вероятности для осуществления реальной цели независимо от степени отклонения в системе координирующей реальности. Такая классическая модель мудрого поведения человека основывается на теории игр «без шахматной доски» в многомерном времени и пространстве в силу разнообразия Живой Природы. Поскольку человек осознанно познает только «крохи» действительности, это ведет массовое сознание к ошибочным умозаключениям, в которых интерпретируются те социальные выборки, которые неполно отражают характеристики генеральной совокупности в рисковых процессах.

При этом рациональный подход работает эффективней при принятии заранее программированных решений, когда человек располагает достаточным временем для организованных и продуманных действий. Такой рациональный («точечный») подход строится на основе профессиональной интуиции как чувственного восприятия знаний и опыта. Но, в условиях современной конкуренции, нередко приходится принимать решения чрезвычайно быстро, поскольку человек в обществе не столько избегает неопределенности, сколько не приемлет потерь, в частности финансовых. Размеры таких потерь значительным образом доминируют над размерами приобретений.

Так, например, потеря ребенка или крупной суммы по страховому риску с определенной вероятностью вызывают интенцию иррационального неприятия риска. Поэтому информология является необходимым конгломератом рационального процесса принятия решений. Ведь, чем более полную информацию мы имеем, тем эффективнее можем выстраивать поведение субъекта в условиях риска.

В этой связи системный анализ рисковых процессов с помощью методов теории игр позволяет рассмотреть возможные альтернативы в стратегических действиях субъектов (партнеров, конкурентов). Отсюда видно, что феномен риска имеет математически выраженную вероятность наступления потери. Эта потенциальная вероятность опирается на статистические знания и может быть рассчитана с достаточной степенью точности. Социогенными корнями таких рисковых процессов является аппроксимирующий дух мудрости человека. Иными словами – это генерация альтернативы в многомерном чувственном мышлении, из которого производится выборка в виде конструктивной цели (проекты, модели и т. д.).

Кроме того, существует нормативная модель принятия многокритериальных решений, которые предписывают определенные способы оценки и сравнения решений. Но, как правило, к такой модели предъявляются соответствующие требования к исходным данным (полезности, вероятности), основаны на представлении об аудитивности, взаимной независимости отдельных полезностей или эффектов многокритериальных решений. Поэтому, мудрый человек организованно прибегает к различным эвристикам, что позволяет развернуть процесс сравнения в последовательность определенных шагов, и на каждом шаге перерабатывать ограниченный объем информации посредством самоконтроля.

В этом отношении именно целевой подход мудрого человека оптимально использует совокупность целей экономических, политических, правовых, социальных и другие, которые имеют диалектически противоречивый характер.

Существенно, что системный анализ рисковых процессов позволяет определять время как основной человеческий ресурс. Человек приходит в эту жизнь с определенным ресурсом времени, в течение которого есть возможность создать себе подобных (одухотворяющих), обогатить (социально развить) свой духовный капитал через сознание, переосмыслить характер земной действительности и устремиться в конечную беспредельность (их начала), чтобы познать относительность ограниченности всех видов ресурсов, в том числе и времени.

Таким образом, философия риска устанавливает (идентифицирует) всевозможные риски, выявляет их детерминанты, организационную структуру, практические выгоды и возможные механизмы негативных последствий. В процессе системного анализа важное значение имеет как генеративно-целостное выявление и идентификация всех возможных рисков, так и выявление возможных потерь ресурсов, которые сопровождают наступление рисковых событий.

Литература

1. Абчук, В.А. Теория риска / В.А. Абчук. – СПб : ИПК РП, 2012. – 74 с.

2. Нейман, Дж., Моргенштерн, О. Теория игр и психология риска / Дж. Нейман, О. Моргенштерн ; пер. с англ. – М. : Наука, 2012. – 268 с.

3. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М. : Эксмо, 2007. – 960 с.

4. Льгин, А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Лыгин. – М. : Мысль, 2004. – 187 с.

5. Кейнс, Дж.Мейнард. Трактат о вероятности / Дж.М. Кейн ; пер. с анг. THESIS. – 2012. – 423 с.

6. Шумейкер, П. Модель ожидаемой полезности: Разновидности, подходы, результаты и пределы возможностей / П. Шумейкер ; пер. с англ. THESIS. – 2013. – Вып. 5. – С. 29–80.

7. Piketty, T. Capital in the twenty-first century / T. Pikenty ; translated by Arthur Golhamer. – The Belknap Press of Harvard University Press, 2014. – P. 685.

8. Трухаев, Р.И. Модели принятия решений в условиях неопределенности / Р.И. Трухаев. – М. : Наука, 2012. – 385 с.

Межрегиональная Академия
управления персоналом, г. Киев

Поступила в редакцию 23.09.2015

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 1 (94), 2016

*УДК 1(091): 930 (476): 7.072 (082) * Ермолович Кравцевич*

Типы объяснения, используемые в исторических работах Н.И. Ермоловича и А.К. Кравцевича

В.В. Цацарин

Проанализированы исторические сочинения белорусских историков Ермоловича и Кравцевича с позиций поэтологической философии истории американского мыслителя Х. Уайта. Новизна статьи определяется как самим применением данной классификации к белорусской историографии, так и сравнением стилей названных учёных. Делается вывод, что, несмотря на индивидуальность каждого историка, существуют подходы, общие для представителей белорусской школы как наследницы советской историографии.
Ключевые слова: историческое сочинение, механицизм, контекстуализм, доказательство, историческое событие.

The historical works of Belarusian historians Yermolovich and Kravtsevich are considered. Their works are analyzed from the standpoint of the American thinker H. White and his poetologic history of philosophy. The novelty of the article is determined both by the application of this classification to the Belarusian historiography, and comparing the styles of these scientists. It is concluded that, in spite of the individuality of each historian, there are approaches that are common to the representatives of the Belarusian school as a successor to the Soviet historiography.
Keywords: historiography, mechanism, contextualism, evidence, historical events.

Американский исследователь Хейден Уайт выделил пять уровней концептуализации в исторических работах: хроника, рассказанная история (story); тип построения сюжета; тип доказательства; тип идеологического подтекста. Саму свою типологию способов толкования через формальные доказательства Уайт позаимствовал у Стивена Пеппера. Он выделил такие типы формальных доказательств, как формизм, органицизм, механицизм и контекстуализм [1, с. 33]. Формистский тип объяснения идентифицирует уникальные характеристики объектов исторического поля. Считается, что если идентифицирован определённый набор объектов, определены их класс, общие и специфические признаки, дано специфическое наименование, то объяснение произошло. Для приверженцев данного подхода задача историка – отражение разнообразия, красочности и живости исторического поля с акцентом на описание уникальности действующих лиц и сил. К недостаткам формизма Уайт отнёс очень широкий охват, неточность и тусклость обобщений, что скрывается за живостью и красочностью повествования [1, с. 33–34].

Для органицизма характерны попытки показать детали исторического поля как компоненты синтетического процесса, приверженность парадигмы «микрокосм – макрокосм». Индивидуальные сущности видятся в роли компонентов процесса, который создаёт нечто целое, что качественно отличается от суммы своих частей.

Механицистские гипотезы интегративны по цели, но редуктивны, а не синтетичны. Поступки действующих лиц исторического поля рассматриваются как проявления некой сверхисторической силы. Сторонники этого направления ищут причинные законы, определяющие последствия процессов, известных в историческом поле. Объекты исторического поля конструируются как существующие в модальности отношений «часть–часть», их взаимоотношения определяются законами, которые управляют их взаимодействием.

Для контекстуализма характерен тезис, согласно которому события могут быть объяснены в рамках контекста, в котором произошли, через определение их специфических отношений с другими событиями, состоявшимися в окружающем их пространстве. Цель объяснения – определить «нити», соединяющие изучаемых индивидов или институтов с их специфической социокультурной современностью. Контекстуализм выделяет в качестве объекта изучения любой объект исторического поля, подбирает «нити», которые связывают изучаемое событие с различными

областями контекста. «Нити» определяются и прослеживаются в окружающую природу и социальное пространство, в рамках которой событие произошло, а также ретроспективно, чтобы определить его «истоки», и перспективно, чтобы определить его «воздействие» и «влияние» на последующие события. Всё это прекращается в точке, где «нити» исчезают в контексте другого события или «сходятся», чтобы обусловить появление нового события. Задача данной статьи состоит в анализе произведений белорусских историков Н.И. Ермоловича и А.К. Кравцевича на предмет использования ими типов формальных доказательств.

Ермолович придерживался контекстуалистского типа формального доказательства, но в определённых ситуациях переходит на позиции механицистской аргументации с её установкой на применение неких общих исторических законов. В последнем можно видеть влияние традиционного для историков советской школы марксистского видения истории. Но, с другой стороны, сам Уайт утверждал, что при написании крупных исторических трудов данные типы соединимы [1, с. 37–38].

Рассматривая историю Беларуси в целом, те или иные исторические события в частности, Ермолович старается строить своё формальное доказательство на рассмотрении их в том контексте, в котором они произошли, анализировать в качестве их предпосылок те события, которые им предшествовали, прослеживать то влияние, которое они оказали на дальнейший ход истории. При этом он иногда даже выходит за хронологические рамки своего исследования и «пунктиром» обозначает те ситуации, которые испытали на себе воздействие того или иного события. Это видно на примере рассмотрения Ермоловичем политических решений тех или иных князей, различных войн с тем или иным противником, заключённых уний и пр. Даже деление истории Беларуси на периоды, предложенное Ермоловичем, подчинено этой его тенденции. Первоначальный Полоцкий период связан с тем, что наиболее независимым, проводящим самостоятельную политику государством на территории Беларуси являлось Полоцкое княжество. Второй период, по Ермоловичу, – Новогородский связан со своеобразным переходом политического центра Беларуси в Новогрудок как центр нового белорусского государственного образования: Великого княжества Литовского. Третий период – Виленский – связан с перенесением столицы Великого княжества Литовского в Вильно, что Ермолович считает следствием возобновления в новом государстве основ прежней полоцкой политики [2, с. 163]. Четвёртый период истории Беларуси Ермолович называет Кревским. Он связан с заключением Кревской унии и его последствиями. И последний период, который рассматривает Ермолович, – период нахождения белорусских земель в составе Речи Посполитой является следствием заключённой Люблинской унии.

Что касается механицистских «вкраплений» в формальное доказательство у Ермоловича, то они связаны, прежде всего, с его отношением к так называемым общим историческим законам. Как историк советской школы, как историк-марксист, Ермолович не мог и не хотел игнорировать эти законы. Занимаясь исследованием политической истории, он многие политические явления и события объяснял, исходя из первичности экономических интересов и отношений. Также Ермолович постоянно пишет о необходимости, неизбежности и прогрессивности такого явления средневекового развития, как феодальная раздробленность. «У цэлым усе даследчыкі як на прыкмету аслаблення Полацкай зямлі ўказваюць на яе раздрабленне пасля смерці Усяслава, пры якім яна захоўвала адзінства. Тут яўнае неразуменне гістарычнага працэсу. З аднаго боку, сцвярджаецца прагрэсіўнасць развіцця феадалізму ў Старажытнай Русі, а з другога боку – адмоўна характарызуецца палітычная дэцэнтралізацыя, якая з’яўляецца заканамерным вынікам папярэдне ўказанага працэсу. Менавіта поступ феадалізму, што абуджаў мясцовыя эканамічныя інтарэсы, і быў той спружынай, якая прыводзіла ў рух дэцэнтралісцкія імкненні, узмоцненыя ранейшай гісторыяй і фактарамі геаграфічнага становішча» [3, с. 149–150].

Относительно возникновения Великого Княжества Литовского Ермолович приводит следующие доводы: ослабление древнерусских княжеств в результате татаро-монгольского нашествия, опасность агрессии крестоносцев и общие экономические интересы белорусских земель. Именно последний фактор у Ермоловича является решающим [3, с. 172] [4, с. 60]

и др. Также говоря об истории Великого Княжества Литовского, Ермолович ещё раз обращается к историческому закону, согласно которому народность, объединённая в единое государство, получает толчок в своём развитии по сравнению с теми народностями, объединение которых в едином государстве не состоялось: «Паколькі Беларусь не ведала татарскага нашэсця і яе эканамічныя і культурныя цэнтры не былі разбураны, адзначаны працэс эканамічнае, палітычнае і культурна-этнічнае збліжэнне земляў тэрыторыі Беларусі тут адбываўся хутчэй, чым у рускіх і ўкраінскіх землях, дзе ён быў перарваны татарскай навалай… Такое становішча беларускіх земляў, у прыватнасці іх больш ранняе злучэнне ў параўнанні з іншым усходне-славянскім абшарам, дало ім значныя перавагі.» [5, с. 13–14].

Как видно, механицистский тип формального доказательства используется Ермоловичем не так уж часто. Кроме приведённых цитат можно привести их ещё лишь несколько. Поэтому становится понятным, что из всего объёма ермоловичских текстов эти цитаты представляют собой пусть и немаловажную, но всё же небольшую часть. Всё остальное повествование и анализ у Ермоловича строится по типу контекстуалистского формального доказательства. Поэтому мы и определили тип формального доказательства, который использует Ермолович как контекстуализм, совместимый с механицизмом, по классификации Уайта. При этом, на наш взгляд, доминирует у Ермоловича всё же контекстуализм.

Кравцевич префигурирует свои исторические тексты, по нашему мнению, также при помощи сочетания механицизма с контекстуализмом. То есть он пытается проследить генезис и перспективу исследуемых им исторических событий, но также и опирается на так называемые общеисторические законы. При этом, если его механицизм эксплицитен, то контекстуализм часто используется Кравцевичем имплицитно. Так, в качестве верификаторов своих построений Кравцевич использует весь комплекс возможных источников: письменные, археологические, лингвистические, этнографические, картографические. Он постоянно сопоставляет данные разных источников и, используя методы их исторической критики, одни из них называет истинными, другие – правдоподобными, иные не рассматривает в качестве достоверных [6, с. 165]. Также Кравцевич проводит подобного рода анализ и «внутри» каждого вида источников [6, с. 8–32]. Подробному критическому анализу также он подвергает историографию выбранной им темы [6, с. 32–89]. Таким образом, значительная часть исследования Кравцевича, как это и принято в нашей исторической науке, посвящена анализу источников и историографии проблемы. При этом используются общие правила исторической критики текстов, во многом введённые позитивистски настроенными исследователями, пытавшимися приблизить историю к науке.

Рассматривая причины возникновения и жизнеспособности Великого Княжества Литовского, Кравцевич, по существу, подводит это событие под действие общеисторического закона, согласно которому государство возникает при условии общей территории, экономических и политических интересов, а катализатором данного процесса может выступить внешняя угроза. Для территории ВКЛ это незатронутость её монголо-татарским войском, тогда как традиционные экономические и политические центры оказались разрушенными; существование развитой политической системы на славянской, свободной военной силы на балтской территории; военная угроза со стороны крестоносцев и тех же монголо-татар [6, с. 159–160]. А существование и развитие нового государства, согласно Кравцевичу, стало возможным благодаря общности экономических интересов, бурному развитию торговли и т. п. [6, с. 167], [7, с. 20–22].

Характеризуя основателя нового государства, Миндовга, Кравцевич, с одной стороны, отмечает его способности как лидера: «дзякуючы эфектыўнай дзейнасці таленавітай асобы, лідэра балта-славянскай дзяржавы, яна выйшла з першага выпрабавання з запасам трываласці, дастатковым, каб пераадолець наступны крызіс, на гэты раз унутраны» [6, с. 186], но с другой замечает, что «Спадарыня Гісторыя распарадзілася так, што яго асабістыя інтарэсы супалі з важнейшай грамадскай патрэбай Панямоння – арганізацыяй моцнай дзяржавы. Менавіта дзякуючы гэтаму супадзенню, а яшчэ спрыяльным знешнім умовам, дзяржава ўдалася і Міндоўг заняў ганаровае месца ў пантэоне герояў нашай гісторыі» [7, с. 17].

Что касается контекстуалистских доказательств у Кравцевича, то они чаще используются им при анализе общего хода развития Великого княжества Литовского. Так, он пытается исследовать менее освещённые в источниках периоды истории княжества, опираясь на события более позднего времени, которые рассматривает как «нити», ведущие вглубь [6, сс. 126, 128, 142, 151, 152]. Но также и наоборот, некоторые исторические события, согласно Кравцевичу, имели своё продолжение и влияли на последующие. Например, «Прыняцце версіі балта-славянскага саюза, здаецца, дае магчымасць лагічна вытлумачыць і ўвязаць між сабою самыя розныя палітычныя падзеі, звязаныя з працэсам стварэння ВКЛ» [6, с. 158]. Исследуя принятие Миндовгом католицизма, Кравцевич отмечает, что это был чисто дипломатический шаг, давший возможность на некоторое время нейтрализовать угрозу со стороны Ордена и использовавшийся затем неоднократно [7, с. 29]. Также с позиции контекстуализма Кравцевич прослеживает деятельность великих князей литовских: «Галоўны вынік гаспадарання Віценя быў аднолькава важны як для далейшых лёсаў ВКЛ, так і ўсёй Усходняй Еўропы. Пад яго кіраўніцтвам дзяржава здолела выстаяць у вайне з Тэўтонскім ордэнам. Арганізацыя паспяховага адпору адладжанай, разагнанай на поўную моц ордэнскай ваеннай машыне кардынальна паўплывала на ўнутранае і знешняе развіццё балта-славянскай дзяржавы. У часы наступніка Віценя ягонага брата Гедыміна ВКЛ выступае моцнай дзяржавай з вялікім міжнародным аўтарытэтам. Яна з лёгкасцю далучае да сябе буйныя ўсходнеславянскія землі, якія шукалі ў гэтым моцным і роднасным дзяржаўным арганізме надзейную абарону ад татараў. Сталіца Гедыміна Вільня становіцца прэтэндэнтам на спадчыну Кіева» [6, с. 200].

Таким образом, несмотря на разницу в подходах и трактовках истории Беларуси исследуемые авторы придерживаются одинаковых типов формального доказательства. То есть, даже имея разные политические и научные взгляды, пишут они, в принципе, по одним и тем же канонам. Эти каноны можно связать как с общей тенденцией в мировой исторической науке (ведь контектстуализм Уайт назвал самым распространённым типом доказательства), так и влиянием советской исторической школы, которая стремилась подчинить исторический процесс действию общих законов развития человечества.

Литература

1. Уайт, Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2002. – 527 с.

2. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2003. – 435 с.

3. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і Новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 365 с.

4. Ермаловіч, М.І. Па слядах аднаго міфа / М.І Ермаловіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 98 с.

5. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск : Выд.цэнтр «Бацькаўшчына» : МП «Бесядзь», 1994. – 91 с.

6. Краўцэвіч, А.К. Стварэнне Вялікага княства Літоўскага / А.К. Краўцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 1998. – 208 с.

7. Краўцэвіч, А. Міндоўг. Пачатак гаспадарства / А. Краўцэвіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 2005. – 163 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.10.2015

Технический редактор: *И.В. Близнец.* Корректоры: *Д.Д. Павловец, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 02.02.2016. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 13,8. Тираж 100 экз. Заказ № 48.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/87 от 18.11.2013.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330/450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246019, Гомель.